

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

84

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1961

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*Ответственный редактор — доктор исторических наук Т. С. Пассек,
зам. ответственного редактора — кандидат исторических наук Н. Н. Гурина*

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

*Н. Н. Воронин, В. Ф. Гайдукевич, А. Ф. Медведев,
Т. Г. Оболдуева (отв. секретарь), П. А. Раппопорт,
Д. Б. Шелов, В. П. Шилов*

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Н. Я. МЕРПЕРТ И К. Ф. СМИРНОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ
В ЗОНЕ СТРОИТЕЛЬСТВА СТАЛИНГРАДСКОЙ ГЭС*(К итогам работ экспедиции 1951—1957 гг.)*

Исследования советских археологов в 20—40-х годах озаменовались открытием многих сотен археологических памятников Нижнего Поволжья, начиная с каменного века и кончая средневековьем. Материалы экспедиции позволили прийти к ряду важных научных выводов и наметить основные этапы древней истории этой большой области. Раскопки доказали огромную перспективность исследований, исключительную ценность нижеволжских памятников для науки. Но велись эти раскопки еще в ограниченном масштабе.

Исследования широким фронтом на сплошных территориях начались в 1951 г. в связи со строительством Сталинградской ГЭС. Предстоявшее затопление обширной прибрежной территории к северу от Сталинграда поставило перед советскими археологами задачу широкого и тщательного исследования максимального числа памятников зоны затопления, спасения их для науки и скорейшего введения в научный оборот. Для выполнения этой задачи Институт истории материальной культуры АН СССР создал Сталинградскую археологическую экспедицию, которая провела 6 полевых исследовательских сезонов (1951, 1952, 1953, 1954, 1955 и 1957 гг.), обследовала зону затопления и подтопления по обоим берегам Волги. Раскопки велись планомерно, охватив все основные курганные группы и остатки поселений в пределах зоны затопления. За время работ были открыты и исследованы стоянка среднего палеолита под Сталинградом, несколько поселений эпохи бронзы и многие сотни курганов, в которых вскрыто около 2 тыс. погребений различных эпох, начиная с III тысячелетия до н. э. и кончая золотордынским временем (XIII—XV вв.)¹.

Ниже мы кратко остановимся на основных результатах работ экспедиции и рассмотрим их в связи с проблемами, разрешению которых они способствуют.

¹ В экспедиции, помимо сотрудников Института истории материальной культуры АН СССР, участвовали сотрудники Государственного Эрмитажа, Музея антропологии и этнографии АН СССР, Саратовского государственного университета, Государственного исторического музея, Московского государственного университета и др. Экспедицию возглавляли Е. И. Крупнов (1951—1954 гг.), К. Ф. Смирнов (1955 г.), Н. Я. Мерперт (1957 г.).

Первая значительная проблема, стоящая перед археологией Поволжья,— первоначальное заселение этой территории человеком. До последнего времени достоверных данных для решения этой проблемы не было. Существовали лишь отдельные, более или менее правдоподобные предположения касавшиеся времени заселения Поволжья. Первые существенные открытия были сделаны в зоне строительства Куйбышевской ГЭС, где археологи обнаружили кремневые орудия древнейшего человека. Но эти орудия найдены в переотложенном состоянии: они были перемещены водами реки, возможно, не один раз. А наибольшую ценность для науки имеют непосредственно найденные находки, составляющие определенный комплекс остатков древнего поселения.

Таких поселений, относящихся к палеолиту, в Поволжье не было известно до 1952 г., когда палеолитический отряд Сталинградской экспедиции произвел раскопки поселения в балке Сухая Мечетка, на северной окраине Сталинграда (раскопки С. Н. Замятнина). Остатки поселений были перекрыты 18-метровым слоем балласта; этот слой образовался в результате морских наносов в период Хвалынской трансгрессии Каспийского моря. Следовательно, стоянка предшествовала Хвалынской трансгрессии. Балласт был разрушен взрывными работами и удален с помощью бульдозера.

Обитатели стоянки жили в легких шалашах. Следы их жизни обнаружены преимущественно вокруг кострищ. Здесь найдены многочисленные каменные орудия, заготовки, отходы производства. Каменные орудия представлены рядом форм. Это округло-треугольные скребла для обработки кожи, вытянутые треугольные остроконечники, ручные рубила, дисковидные ядрища и т. д. Сделаны орудия из местных пород кремня, кварцита, гальки. Формы орудий очень характерны и позволяют относить поселение к мустьерскому периоду. Большинство этих орудий связано с охотой, рядовой туш, обработкой шкур и т. п. Здесь представлены самые различные виды животных — мамонт, дикая лошадь, олень, зубр. Последний, очевидно, был основным объектом охоты — его кости заметно преобладают. Многочисленные находки костей показывают, что охота была основным источником существования жителей поселения.

Сталинградская стоянка — древнейший археологический памятник этой части Восточной Европы. Вопрос об абсолютной дате стоянки подлежит дальнейшему исследованию. Предварительно ее возраст может быть оценен в 80—100 тыс. лет.

Вторая значительная проблема, освещенная работами экспедиции, проблема энеолита. К этому периоду относятся самые древние курганы юга нашей страны, возникшие в III тысячелетии до н. э. (а может быть, и в IV тысячелетии до н. э.). По ряду характерных признаков погребения, скрытые под ними, относятся к древнеямной культуре. Курганы этой культуры насыпаны над большими и глубокими квадратными ямами, иногда перекрытыми бревенчатым накатником. Покойники лежали на дне ямы спиной, головой чаще всего на восток с резко согнутыми в коленях ногами. Они густо посыпаны красной охрой — символом огня и очищения. При раскопках найдены круглодонные глиняные сосуды, каменные орудия, костяные украшения и изредка — мелкие изделия из меди.

Древнеямная культура создана большой группой племен, расселившихся на огромной территории юга нашей страны и связанных единым происхождением. Нижнее Поволжье занимает первое место по количеству погребенных комплексов древнеямной культуры, и большинство их открыто работами Сталинградской экспедиции. Для решения вопросов происхождения, хронологии этой культуры и ее связей с другими синхронными культурами юга СССР большое значение имеют впервые обнаруженные экспедицией

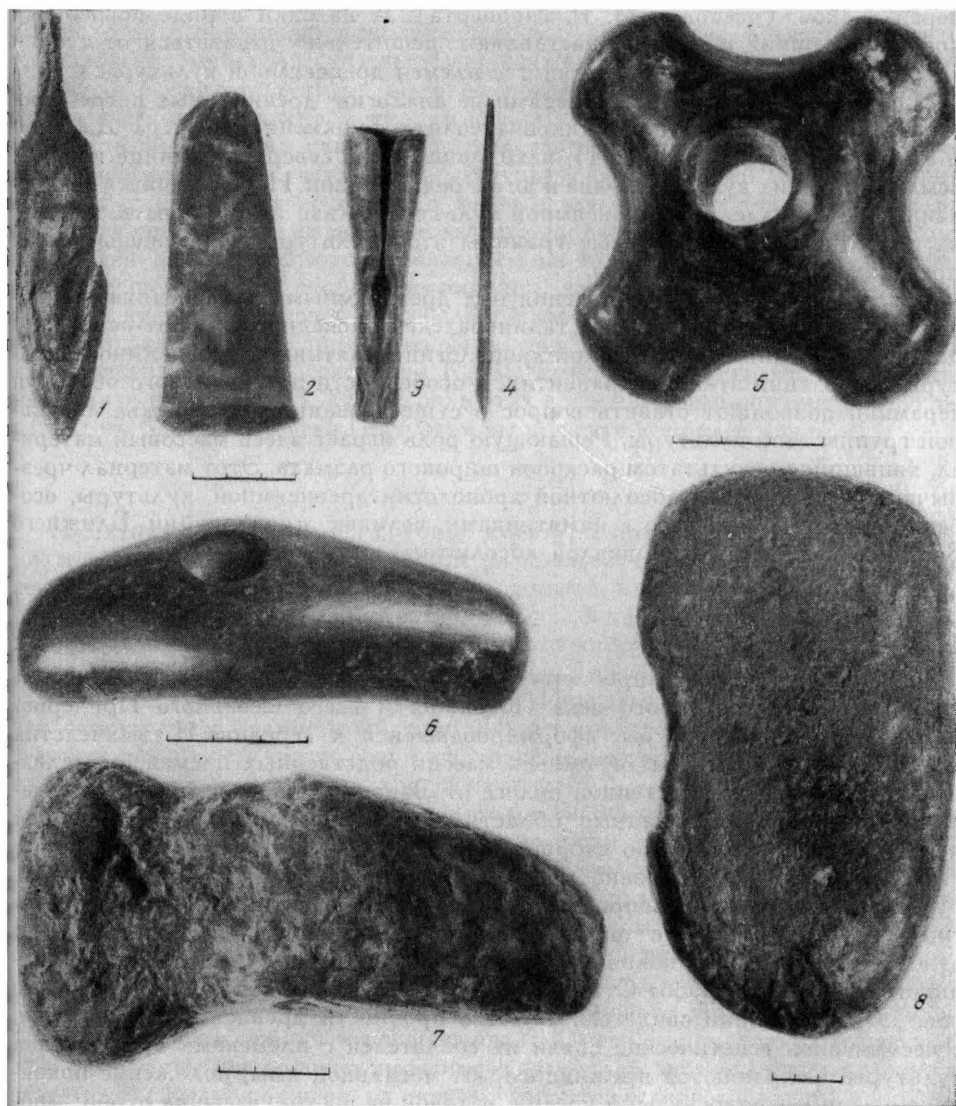

Рис. 1. Вещи из погребений раннесрубной (1—5) и древнеямной культур (6—8)

1 — медный нож; 2 — медное тесло; 3 — медное долото; 4 — медное шило; 5 — каменная булава; 6 — каменный молоток; 7 — зернотерка; 8 — терочник (1—5 — хутор имени Степана Разина, курган № 4, погребение № 6; 6—8 — Быково I, курган № 26, погребение № 9).

погребениях микролитические орудия, характерные для энеолитических поселений Нижней Волги, Северо-Западного Прикаспия, Крыма, Приднепровья, а также древнейших земледельческих областей Средней Азии.

Находки экспедиции заставили пересмотреть и важнейший вопрос об уровне хозяйственного развития племен древнеямной культуры. Совсем недавно они считались примитивными охотниками и рыбаками. Между тем уже находки упоминавшихся выше микролитических орудий, часто служивших вкладышами для серпов, позволили предполагать наличие у этих племен мотыжного земледелия. Это предположение было подтверждено находкой в одном из погребений Быковской курганный группы земледельческого комплекса (рис. 1—7, 8) — зернотерки и терочника для растирания

зерен злаков (раскопки Н. Я. Мерперта). А находки в ряде погребений костей домашних животных заставляют решительно отказаться от теории о примитивном охотничьем хозяйстве племен древнеямной культуры.

Очень интересны выявившиеся ныне аналогии древнеямных погребений Нижнего Поволжья и памятников энеолита Туркмении (пещера Джебель и Узбекистана (Заман-Баба I), находившихся на северной границе великих земледельческих культур Ирана и юга Средней Азии. Намечающиеся среднеазиатские параллели в древнеямной культуре нельзя игнорировать, так как за последние годы восточные границы этой культуры прослежены уже в пределах Южного Приуралья.

Стратиграфические наблюдения над древнеямными погребениями Нижнего Поволжья, проведенные Сталинградской экспедицией, дают основания для установления относительной хронологии памятников древнеямной культуры, выделения этапов ее развития, а особенности погребального обряда и керамики позволяют ставить вопрос о существовании в Поволжье локальной группы этой культуры. Решающую роль играет здесь массовый материал, явившийся результатом раскопок широкого размаха. Этот материал чрезвычайно важен и для абсолютной хронологии древнеямной культуры, особенно в свете связей его с памятниками великих цивилизаций Ближнего Востока, располагающих шкалой абсолютных дат.

* * *

Следующая крупная проблема — происхождение основной археологической культуры бронзового века Поволжья и всего Северного Причерноморья — срубной культуры, сформировавшейся к середине II тысячелетия до н. э. Она охватывала огромный массив родственных племен, расселившихся в степной и лесостепной полосе от Западного Казахстана до Молдавии. Однако, если в западные области этой территории племена срубной культуры продвинулись во второй половине II тысячелетия до н. э., то в Нижнем Поволжье связано происхождение этих племен и их культуры.

Для решения этого вопроса особенно важны памятники полтавкинского типа, предшествовавшие окончательному сложению срубной культуры и относящиеся к первой половине II тысячелетия до н. э. Число таких памятников в результате работ Сталинградской экспедиции возросло в несколько раз. Эти памятники свидетельствуют о прочности древнеямных традиций и о несомненной генетической связи их создателей с племенами древнеямной культуры. Сохраняются прежние формы могильной ямы, положение покойника на спине с подогнутыми ногами, головой на восток, засыпка охрой; много общего и в инвентаре. Но вместе с тем возникают и новые признаки, получившие потом окончательное оформление в срубных памятниках. Так наряду с восточной ориентировкой покойников появляется северо-восточная; наряду с положением на спине распространяется положение на боку количество охры уменьшается; деревянные сооружения усложняются, приближаясь к конструкции сруба. Круглодонные сосуды постепенно заменяются плоскодонными, среди которых формируются два типа — острореберный и баночный, ставшие впоследствии основными для срубной культуры.

Значительно возрастает число металлических вещей. Экспедицией найден ряд металлических предметов в полтавкинских погребениях. Среди них можно отметить целый комплекс металлических орудий (тесло, стамеска, нож, шило), найденный в кургане у хутора имени Степана Разина вместе с великолепной крестообразной булавой из черно-зеленого змеевика (раскопки Н. Я. Мерперта; рис. 1—1—5). Значительный интерес представляют два погребения литейщиков в Калиновском могильнике (раскопки В. П. Шиловой). В одном из них покойника сопровождали литейные формы, сопла и специфические орудия литейщика; второе погребение — еще более богатое

чем первое: в нём найдены литейные формы (топоров, клиньев и т. д.), сопла, молоты и прочие орудия. Эти находки, безусловно, доказывают, что производство металлических изделий осуществлялось в самом Поволжье.

Все это свидетельствует об огромной роли местного населения и его экономического развития в процессе формирования племен срубной культуры. Но вместе с тем находки еще раз подчеркнули сложность этого процесса, необходимость учета активных культурных связей и взаимодействия местных племен с их соседями и прежде всего — с продвинувшимися из Предкавказья племенами предкавказского варианта катакомбной культуры. Эти связи документируются появлением на Нижней Волге ряда специфических вещей и даже особой, несомненно, заимствованной у племен катакомбной культуры, формы погребальной ямы с подбоем в одной из стенок (Сталинградская экспедиция открыла ряд таких погребений, например, в Быковских курганах; раскопки К. Ф. Смирнова). Продолжались активные связи и со Средней Азией; роль этих связей в формировании культуры развитого бронзового века Поволжья выявляется все более ярко.

* * *

Памятники самих племен срубной культуры представлены и погребениями, и остатками поселков. Последние располагались в поймах рек; это были неукрепленные поселения с большими домами, состоявшими из котлована и бревенчатой наземной конструкции. Погребения свидетельствуют о развитии традиций, прослеженных еще в полтавкинских памятниках. Ориентировка погребенных от восточной переходит к северной; охра исчезает; покойники лежат скорченно на левом боку. Иногда в могильной яме или над ней сооружается бревенчатый сруб. Инвентарь состоит из сосудов, явившихся завершением линии развития, наметившейся в полтавкинское время, из металлических, каменных, костяных вещей.

На основании обнаруженных находок можно судить о значительном экономическом прогрессе — о росте металлургии, земледелия, скотоводства. Этот прогресс обусловил резкое увеличение населения и его социальное развитие. Обширный материал, полученный в результате раскопок, позволяет сделать новые заключения об экономическом и социальном развитии племен срубной культуры. Заслуживают особого внимания такие вопросы, как усиление роли скотоводства, особенно коневодства, у племен Нижнего Поволжья; использование коня в качестве ездового животного (находки предметов конской сбруи в погребениях); заметные признаки имущественного расслоения на родовых кладбищах, засвидетельствованные находками погребений, выделяющихся из прочих характером погребального сооружения (срубы), богатством инвентаря и другими особенностями (захоронение коней, сопровождавших покойника, и т. п.). Эти и подобные им явления сыграли значительную роль в подготовке заметных сдвигов, происшедших в южнорусских степях на рубеже бронзового и железного веков, т. е. в конце II — начале I тысячелетия до н. э.

* * *

Многочисленные памятники раннего железного века, обнаруженные Сталинградской экспедицией, разделяются на 4 этапа, отражающих длительное развитие в Нижнем Поволжье родственных между собой ираноязычных кочевых племен — сарматов: савроматский этап (VII—IV вв. до н. э.), раннесарматский (с конца IV в. до н. э. по II в. до н. э.), среднесарматский (I в. до н. э. — II в. н. э.) и позднесарматский (с конца II в. н. э. по IV в. н. э.).

Открытые новые погребальные комплексы савроматов, особенно из курганов у с. Быково (раскопки К. Ф. Смирнова), интересны для решения

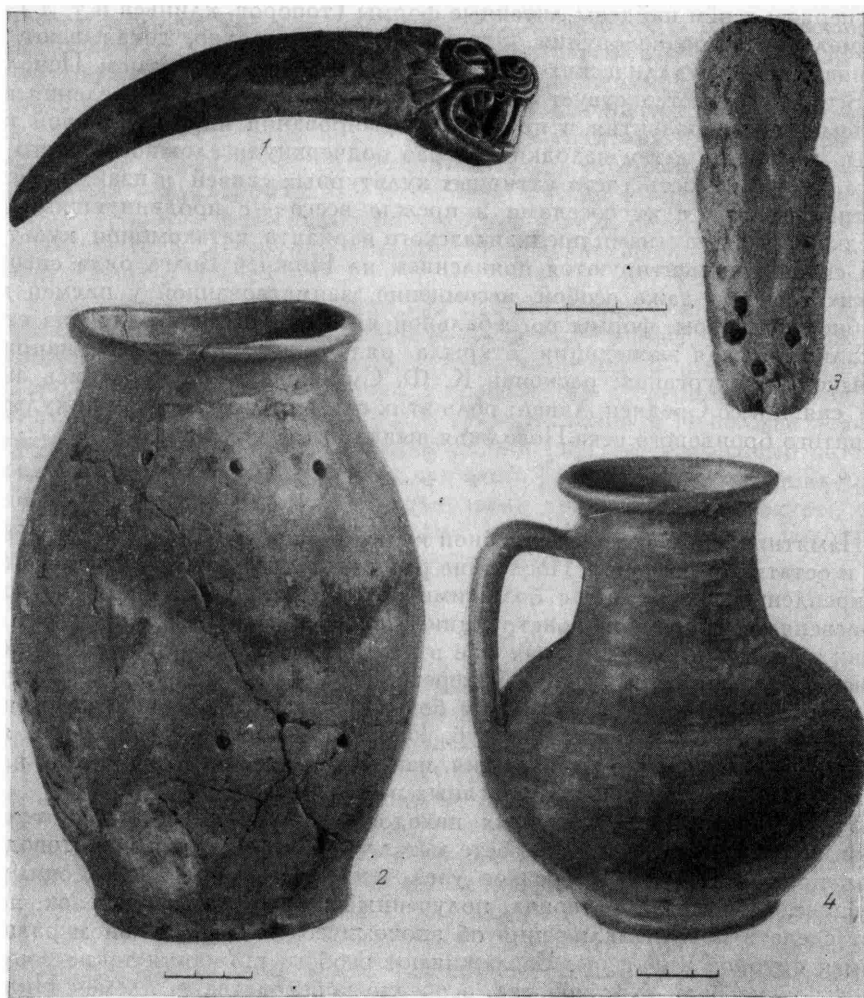

Рис. 2. Вещи из савроматских могил (1, 2) и из сарматского погребения I в. н. э. (3, 4).
1 — клык кабана; 2 — глиняный горшок; 3 — меловая антропоморфная статуэтка; 4 — импортный кувш (1 — Бережновка II, курган № 97, погребение № 3; 2 — хутор имени Степана Разина, курган № 4, погребение № 5; 3, 4 — Быково I, курган № 5, погребение № 3).

сложной проблемы происхождения савроматов. Некоторые из этих комплексов носят черты переходного характера, сохраняющие признаки эпохи бронзы в погребальном обряде и инвентаре (особенно в глиняной посуде). Раскопки курганов показали, что племена срубной культуры были одним из ведущих компонентов в сложении савроматов Поволжья. Это подтверждают и антропологические исследования черепов, изученных молодыми антропологами В. П. Чтецовым и Н. М. Глазковой, принимавшими непосредственное участие в экспедиции.

Среди материалов савроматской культуры интересна находка И. В. Сеницыным в Бережновском могильнике кабаньего клыка с резьбой, выполненной в зверином стиле (рис. 2—1).

Наибольшее число сарматских памятников Нижнего Поволжья относится к раннесарматскому и среднесарматскому этапам, когда на этой территории резко увеличилось кочевое население. Как показало исследование некоторых погребений, в сложении раннесарматской, прохоровской кул

ры на территории Нижнего Поволжья приняли участие сарматы южно-кавказских степей, где элементы этой культуры прослеживаются уже с V в. до н. э. В Поволжье основная масса памятников прохоровской культуры датируется III—II вв. до н. э. В это время новые кочевые группы сарматов проникли в Заволжье из Оренбургских и Казахстанских степей, принесли с собой новые формы материальной культуры (оружие, керамику). Прямые потомки савроматов Южного Поволжья включились в мощные военно-политические союзы племен, вероятно, во главе с аорсами и роксоланами.

Массовое исследование сарматских памятников, предпринятое Сталинградской экспедицией позволило тщательно проанализировать погребальный обряд и вещевой материал с точки зрения семейно-общественных отношений сарматов, уточнить вопрос об их экономической базе и выявить характер их родо-племенной организации.

Исследования таких больших курганных могильников, как Бережновский, Калиновский и Быковский, показали, что на Нижнем Еруслане, а также в районе сел Быково и Калиновка, на левом берегу Волги с III в. до н. э. до II в. н. э. существовали центры крупных сарматских племен. В этом отношении особого внимания заслуживает открытая И. В. Синецким во I Бережновском могильнике многочисленная группа диагональных погребений с большим количеством вещей (глиняной посуды, оружия и украшений, в том числе из золота). Эта группа представляет собой кладбище отдельной родовой общины I в. до н. э.— II в. н. э., входившей в состав сильного воинственного племени сарматов (роксоланов?).

Особенности погребального обряда и неравномерное распределение вещей в сарматских могилах свидетельствуют о значительном росте имущественной и социальной дифференциации в рамках родового строя, который подвергался интенсивному разложению. В отдельных сарматских погребениях I в. до н. э.— I в. н. э. у сел Калиновка и Верхнее Погромное, Пролейского района, Сталинградской области (раскопки В. П. Шилова), найдены золотые украшения высокохудожественной работы, серебряные и медные сосуды, стеклянная чаша. Большинство этих вещей попало к представителям богатой сарматской племенной знати в результате торговли или в виде военной добычи из греческих городов Северного Причерноморья. В других сарматских погребениях тоже обнаружены вещи неместного производства, среди которых выделяются глиняная посуда, сделанная на гончарном круге (рис. 2—4), большое количество стеклянных бус и других украшений, попавших в Поволжье в результате интенсивных торговых связей с населением Нижнего Дона и Прикубанья. Сарматы Поволжья вели регулярную торговлю с городом Танаисом — колонией Боспорского царства в устье Дона.

Все это свидетельствует о большом экономическом подъеме в среде поволжских кочевников, богатство которых заключалось прежде всего в скоте. В могилах встречается много костей животных — лошади, крупного и, особенно, мелкого рогатого скота. Определения костей животных специалистами показали, что сарматы Заволжья знали очень крупную породу овец, приближающуюся по размеру к гиссарской. Найденные во время раскопок разнообразные вещи местного изготовления свидетельствуют о производстве сарматами керамики, о прядении, выработке шерстяных тканей, выделке кожи и меха, деревообделочном и косторезном домашнем ремесле. У сарматов были свои литейщики по бронзе и отличные кузнецы. Последние изготавливали орудия производства и особенно оружие, среди которого выделяются мечи для конных воинов, достигавшие 1,3 м в длину.

В могилах сарматов встречались вещи конского снаряжения, в наиболее богатых — легкие деревянные повозки, в которых кочевники перевозили свое имущество. Во время похорон богатых или знатных представителей рода или племени эти колесницы использовали для погребальных шествий и в разбитом или разобранном состоянии клали в могилу (рис. 3).

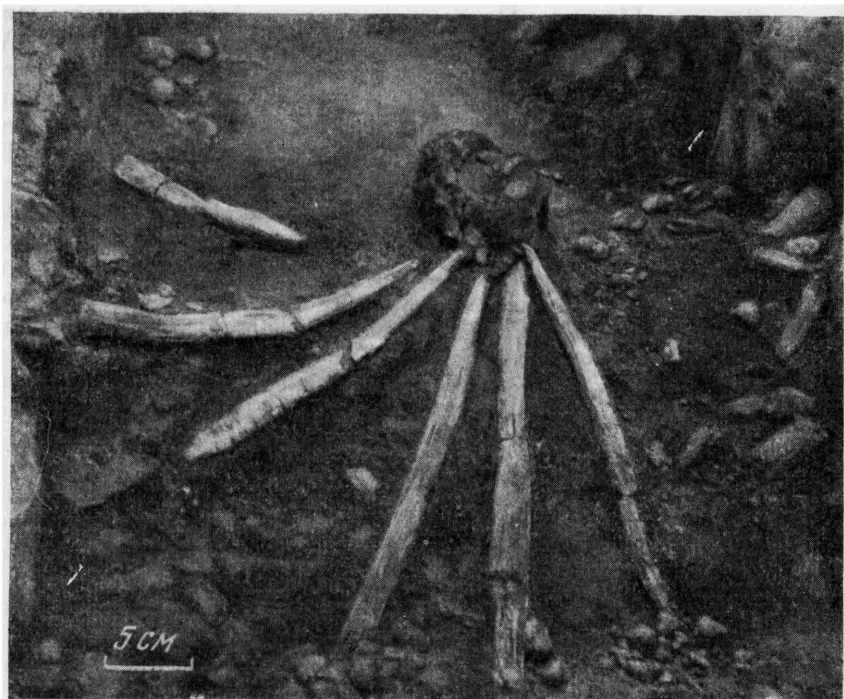

Рис. 3. Остатки колеса от повозки в сарматской могиле II в. до н. э.
(Политотдальское, курган № 12, погребение № 19)

Нижнее Поволжье, где кочевали роксоланы и аорсы, представляло древнюю коренную территорию сарматов, откуда они совершали военные походы на Северный Кавказ и в Северное Причерноморье. Материалы раскопок Сталинградской экспедиции подтвердили большой расцвет кочевой культуры сарматов в этот период сарматского господства на юге нашей страны.

Позднесарматские могилы (II—IV вв. н. э.), обнаруженные Сталинградской экспедицией, — как, впрочем, и все подобные погребения в Нижнем Поволжье, — довольно резко отличаются от захоронений двух предшествующих этапов по обряду и инвентарю. Здесь бросается в глаза и такой признак, как искусственная деформация головы, отмеченная у 88% погребенных. Кроме того, среди позднесарматских погребений выделяется группа могил, где покойники лежат в сильно скорченном положении, хотя этот признак обряда фиксируется и на предыдущих этапах. В целом же все эти различия позволяют ставить вопрос о каких-то изменениях, происходивших в этническом составе кочевого населения Нижневолжских степей, и связать эти памятники не только с сарматской, но и с гуннской проблемой. Последняя невольно возникает в результате обнаружения пока единичных фактов деформации черепов с явными монголоидными признаками, а также в связи с изменениями некоторых видов оружия (появление длинных луков с костяными обкладками и костяных черешковых стрел, известных в гуннских памятниках Прибайкалья).

В Нижнем Поволжье выделяется небольшая группа погребений, датирующихся V—VIII вв. н. э. Их надо связать с прямыми потомками сармато-аланского населения, сохранившегося в Поволжских степях после гуннского нашествия. Действительно, в их погребальном обряде отмечаются основные черты, характерные для позднесарматских могил II—IV вв. н. э. Одновременно мы наблюдаем здесь и совершенно новые явления, например, захо-

онение частей коня (головы и ног, отрубленных выше колена), совершенно е свойственное сарматам. Вопрос об этнической принадлежности этого населения остается еще открытым; вероятно, он связан с процессом тюркизации статков сарматского населения и включения в его состав пришлых тюркских групп (гуннов, болгар, хозар).

Для изучения тюркского населения степей Поволжья, до сложения на олке Золотой Орды, большое значение имеет открытие Сталинградской экспедицией целой серии погребений, принадлежавших поздним кочевникам включаемых в хронологическую группу IX—XII вв. При сравнении этих оребальных комплексов с одновременными южнорусскими создается возможность один из них связать с огузо-печенежской группой тюркоязычных лемен раннего средневековья, другие — с половцами; наиболее ранние из тих комплексов могут оказаться важными и для определения хозарских амятников, пока еще не выявленных в Нижнем Поволжье. Это, конечно, ребует тщательного анализа всех открытых на Нижней Волге памятников аннего средневековья и накопления новых археологических материалов.

Не меньшее значение для выяснения этнического состава населения эпои Золотой Орды имеют исследованные И. В. Синицыным на Нижнем Ерулане кочевнические погребения XIII—XIV вв. Опыт раскопок этой группы амятников показал, что между половецкими погребениями и курганными ахоронениями золотоордынского периода ни в могильном инвентаре, ни в оребальном обряде никакой существенной разницы не наблюдается. Очедно, многие курганы поздних кочевников, исследованные экспедицией в иижнем Поволжье, принадлежали кочевникам-половцам, обитавшим в преелах Заволжья и до татаро-монгольского нашествия на Русь, и в последующий период существования здесь Золотой Орды.

С. А. СЕМЕНОВ

СЛЕДЫ РАБОТЫ НА ОРУДИЯХ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВА РАБОТЫ НЕАНДЕРТАЛЬЦЕВ ПРАВОЙ РУКОЙ

(По материалам со Сталинградской стоянки)

Материал из Сталинградской стоянки, обнаруженной на берегах Волги геологом М. Н. Грищенко и раскопанной С. Н. Замятниным, залегал в условиях, которые сохранили древние орудия в том виде, в каком их оставил неандертальский человек. Остатки стоянки прикрывал очень мощный пласт отложений. Каменные предметы были сцементированы выпадением большого количества извести из окружающих пород и изолированы от воздействия физико-химических агентов.

Наблюдения этого материала производились по двум линиям: 1) техники обработки каменных орудий и 2) способов применения их в хозяйственной жизни.

Прежде всего обратил на себя внимание характер материала, использованного человеком. Это в основном кремневые и кварцитовые гальки, о чем говорит гладкая галечная корка на нуклеусах, на отщепах и даже на некоторых орудиях, на которых она сохранилась в виде небольших участков. Человек собирал галечный материал у реки, в береговых россыпях. Вместе с тем пользовался и желвачным кремнем, который искал у выходов породы и даже вынимал из обнаженного слоя. Об этом можно судить по участкам отщепов желвачной корки, светло-серого или даже белого цвета, очень шероховатой, почти бугристой от включения палеонтологического материала (микрофауны).

Первичная обработка галек и желваков производилась ударной техникой. На отбивных площадках нуклеусов и отщепов видны «глазки» от удара каменным отбойником, имеющие вид круговых (замкнутых) трещинок светлого цвета с темными точками в центре. На некоторых нуклеусах «глазки» расположены группами, показывая, что человек несколько раз ударил отбойником, но скалывания не произошло.

Формы и размеры нуклеусов и отщепов различны. Материал в виде гальки или желвака человек раскалывал пополам, затем начинал сбивать желвачную или галечную корку. На третьей стадии он откалывал ударом по краю площадки отщепы или грубые пластины, форма которых чрезвычайно варьировала. В каждом отщепе человек мог использовать край и острый угол, соответственно отретушировав эту часть.

Разбивание гальки, оббивка корки и скалывание пластин производились отбойником. Последним служила тоже галька. Один из таких отбойников представляет собой кварцитовую гальку, слегка уплощенной формы, диамет

которой составлял 8,5 см, вес — около 400 г. На ней видны следы сильных ударов в виде крупных фасов, ударные точки которых лежат на выступающих участках гальки. Кроме следов от сильных ударов на поверхности этой гальки невооруженным глазом отчетливо видны следы от мелких ударов простукиваний). Они тоже расположены на выступающем участке (ребре) гальки, представляя собой очаг, шероховатый на ощупь и покрытый сетью мельчайших трещин.

При скалывании с нуклеуса прослеживается тенденция к получению узких и тонких пластин, обладающих преимуществами в разделке охотничьей добычи и резании мяса перед ножами из массивных пластин с относительно большим углом заострения лезвия. Об этом свидетельствуют две пластинки, напоминающие верхнепалеолитические. Одна из них кремневая, другая кварцитовая. Обе они имеют очень маленькие отбивные площадки. Края ретушированы.

Ударная обработка камня применялась и для оформления остроконечных ножей. Один из таких ножей С. Н. Замятниным был обнаружен разбитым на три части, которые лежали в разных местах раскопа. Очищенные от известковых налетов и склеенные части показали, что первобытный человек изготавливал этот нож из крупной пластины розового кремня, сколотой от большого нуклеуса. Острый конец он обрабатывал мелкой отжимной ретушью, а лезвие — не только отжимной ретушью, но и ударами по краю, наносимыми с брюшка на спинку и со спинки на брюшко. Неосторожным сильным ударом почти готовый нож был разбит, а обломки брошены человеком. Изучение поверхности ножа подтверждает этот факт — следов работы на нем нет.

Ретуширование орудий обитатели стоянки производили тоже гальками. Это были небольшие плоские гальки, кремневые или кварцитовые. Две гальки со следами работы ими в качестве ретушеров обнаружены среди материалов стоянки. Обе они имеют треугольную форму, позволяющую работать узкой (угловой) частью (рис. 4—1). Следы работы наиболее отчетливо выражены на кремневой гальке с очень гладкой, точно полированной поверхностью. Эти следы расположены в виде неправильных лунок разной величины, четырьмя очагами. Встречаются и отдельные лунки или выщербины, получившиеся от надавливания на зубчатое лезвие ретушируемого орудия. Кроме того, на гальке есть две выбоины, указывающие на то, что человек пытался употребить ее в качестве отбойника, но для такой функции она не имела достаточного веса. Кремневая галька весила 94 г, а кварцитовая — 76 г. Последняя была недолго в работе, — может быть, несколько минут, — после чего человек ее оставил без внимания, так как ее трещиноватая поверхность стала крошиться от давления (рис. 4—2).

Для тонкой обработки лезвия своих ножей обитатели стоянки применяли и костяные орудия. Для этого они употребляли обломки трубчатой кости, подобно неандертальцам Кийк-Кобы и Тешик-Таша. Такой ретушер в виде фрагмента трубчатой кости был найден сотрудником экспедиции Э. Р. Рыгдылоном во время раскопок стоянки. На ретушере уцелела часть наружного компактного слоя с двумя очагами следов надавливания на лезвие каменного орудия. Как и на костяных ретушерах из Кийк-Кобы, следы нарезки здесь лежат не перпендикулярно оси трубчатой кости, а с некоторым наклоном (по диагонали; рис. 4—3, 4).

Следы изнашивания от работы обнаружены на трех категориях орудий — проколах, строгальном ноже и скобеле.

Орудий в форме мелких остроконечников на стоянке найдено шесть: четыре из них кремневые, два кварцитовые. Самое большое из них имеет 4,7 см в длину, самое короткое — 3,1 см. Боковые лезвия некоторых орудий обработаны очень крутой ретушью, поэтому говорить о них как о мелких ножах нет основания. Кроме того, если зажать их между пальцами,

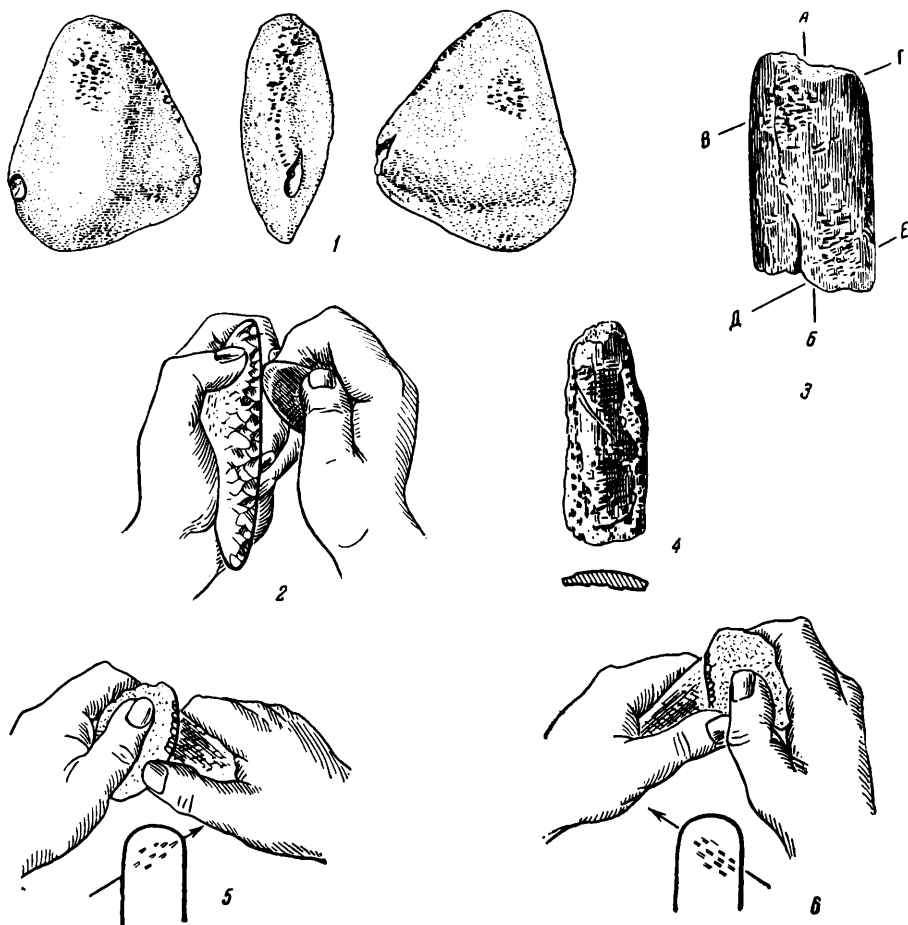

Рис. 4. Кремневые орудия и способы их употребления

1 — кремневая галька со следами использования в качестве ретушера; 2 — реконструкция способа работы ретушром; 3 — ретушер из Кийк-Кобы (А — Б — продольная ось ретушера; В — Г и Д — Е — положение лезвий ретузируемого орудия, установленное по следам работы на обоих концах); 4 — ретушер со Сталинградской стоянки со следами работы; 5 — ретуширование кремневого орудия правой рукой и схема образования следов; 6 — ретуширование кремневого орудия левой рукой и схема образования следов.

то свободным остается лишь одно острие, выступающее из-под пальцев всего на 1,5—2 см, что для актов резания совершенно недостаточно.

Наблюдения показывают, что эти орудия служили, скорее, в качестве проколов или шильев, чем ножей. Следы работы, характерные для проколов обнаружены только на двух орудиях и выражены в разной степени. Эти следы улавливаются и на других экземплярах, но слабее, и их очень трудно отличить от следов изнашивания о руку неандертальского человека.

Что прокалывал шилом обитатель Сталинградской стоянки, — сказать с полной уверенностью трудно. Однако сама функция прокалывания представляет специфический акт, который нельзя смешивать со сверлением или например, царапанием. Прокалывать можно только пластический материал. Таким материалом в руках человека столь древней эпохи могла быть только кожа убиваемых на охоте животных.

Привлекает внимание сильная изношенность черенковой части некоторых орудий, — в частности, проколов — от трения о кожу руки в процессе работы. Изношенность черенка ножей, шильев, скребков и других

ерхнепалеолитических орудий, употреблявшихся без рукояток, от трения кожу руки — нам известна. Но эта изношенность не была так сильно выражена. На орудиях из Сталинградской стоянки мы отмечаем значительное стирание углов, ребер и других высоких точек рельефа, видимое даже невооруженным глазом. Такое истирание кремня возможно было при условии начительной силы пальцев руки неандертальца, грубости кожи с волярной гороны, постоянного присутствия песка или земли на коже руки.

Следы изнашивания от строгания обнаружены на кремневом отщепе длиной 6,5 см и шириной 3,8 см. На спинке отщепа сохранилась желвачная орка, а один край был ретуширован (рис. 5—1). Однако следы строгания казались не на ретушированном лезвии, а на противоположном. Они ежали на брюшке и имели, если смотреть невооруженным глазом, вид небольшого очага заполированной плоскости, расположенной у самого края лезвия. При увеличении можно было видеть линейные признаки изнашивания, представляющие собой царапины, направленные перпендикулярно ромке лезвия. Кроме линий, о направлении движения ножа свидетельствовала форма лунок, один край которых (задний) был разношен, что приавало лункам кометообразную фигуру, «голова» которой была обращена к ромке лезвия. Эти следы позволяют реконструировать процесс строгания рудием.

Человек Сталинградской стоянки этим орудием, вероятно, строгал деово, а может быть, и кость, установив лезвие ножа под малым углом на редмет обработки.

Особенный интерес представляет орудие, которое определено нами как кобель для работы по коже. Это кремневый отщеп, массивный в сечении, широкий и короткий (4,5—1 см). Большая отбивная площадка. Отбит от уклеуса. Кремьень в желваке серо-желтоватого цвета, переходящего к ерифери в черный цвет. На отщепе сохранился участок известковой кори. Не патинизирован и не окатан. Острый край ретуширован с брюшка на пинку, благодаря чему отщеп был превращен в орудие и использован в аботе. Орудие было длительное время в употреблении, о чем свидетельгвует сильная, достигающая зеркального блеска заполировка на части лезвия, закругленного ретушью. Особенность этой полировки состоит в ом, что края рабочей части орудия ею покрыты с двух сторон (со спинки — а брюшко) почти на 4 мм от лезвия. Заполировка захватывает половину лины лезвия, постепенно сокращаясь в ширине и исчезая. Остальная поерхность кремня, особенно на месте отбивного бугорка и с противоположой стороны слегка заглажена от трения о руку. Эта заглаженность имеет азную степень. В западинах, которые почти не соприкасались с кожей уки, она очень слабая и даже почти отсутствует, а на выступающих точках олее интенсивная.

При наблюдении невооруженным глазом следов работы создавалось впечатление, что это — орудие с режущей функцией. Такое предположение, каалось вытекало из того факта, что лезвие имело двустороннюю изношенность или заполировку, которая возникает при проникновении орудия в глунину материала, ибо в этом случае последний воздействует одновременно на бе плоскости, составляющие лезвие. Исследование поверхности орудия с омощью бинокулярного микроскопа при увеличении $\times 144$ показало, что бработанное ретушью лезвие употреблялось не для резания. Видимые в икроскоп линейные следы изнашивания располагались не параллельно инии лезвия, а пересекали под разными углами. Такое расположение линейных следов изнашивания свидетельствовало о том, что этим орудием древний человек работал по способу скобеля. Однако рабочие движения, произидившиеся человеком, не были односторонними движениями, подобными м, которые производились в работе, например, концевыми скребками верхего палеолита.

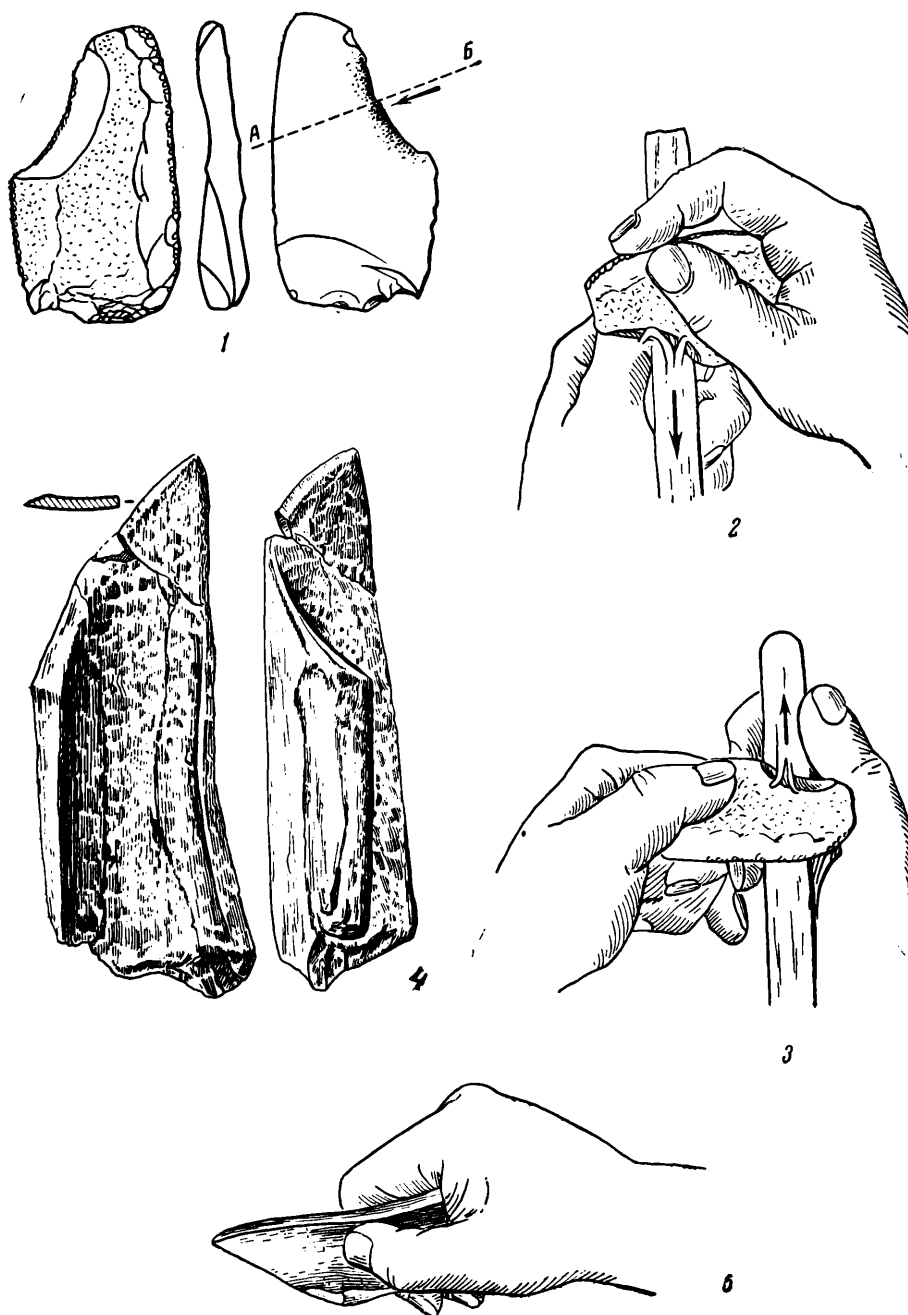

Рис. 5. Кремневые орудия и способы их употребления

1 — строгальный нож со Сталинградской стоянки (А — В — направление линейных следов); 2 — положение и орудия при строгании правой рукой; 3 — положение рук и орудия при строгании левой рукой; 4 — костяное орудие со Сталинградской стоянки; 5 — положение костяного орудия в руке; 6 — положение орудия при строгании правой рукой.

На орудии со Сталинградской стоянки следы изнашивания располагались не только на самом лезвии, но и переходили на составляющие его плоскости, достигая на каждой из них 4 мм ширины. Кроме того, лезвие было закруглено в поперечном сечении. Такие признаки сработанности свидетельствуют о том, что рабочие движения, выполнявшиеся рукой человека, были двусторонние. Человек производил скользящие движения сначала справа налево затем слева направо. Двусторонняя работа скобелем технически несовершенна, примитивна, но имеет преимущество в том, что предохраняет от перенапряжения мышцы руки переменной направленности движения, уменьшает усталость.

Не менее интересен и тот факт, что линейные следы (риски) нередко пересекаются. Это находит объяснение в изменении угла лезвия скобеля в процессе работы по отношению не только к горизонтальной (наклоны вправо, и влево), но и к сагиттальной плоскости (повороты направо и налево), а также в том, что работали в тех же приемах не только округлым лезвием, но и концом, который одинаково затуплен и заполирован от употребления.

Материал, над которым человек производил работу, мог быть кожей. Все другие материалы (дерево, кость, камень) исключаются потому, что фактура следов изнашивания при работе по ним кремневым орудием бывает иная. Только эластичная кожа, прогибающаяся под давлением, может оставить следы с теми признаками, которые установлены на кремневом орудии со Сталинградской стоянки. Можно предполагать, что это была не сухая кожа, предназначенная для пушения бахтармы, а сырая, с бахтармы которой соскабливалась мездра. Камень в работе по сухой коже изнашивается несколько иначе. Кварцевые песчинки, попадающие на сухую кожу, оставляют более заметные царапины на полированной поверхности кремня, чем те, которые микроскоп устанавливает на изучаемом орудии. Поверхность кремня в результате изнашивания от работы по сухой бахтарме не приобретает такую степень зеркальной заполировки, которая наблюдается на кремневом скобеле со Сталинградской стоянки. Кроме того рабочая часть скребка не прогибается так глубоко сухую кожу в процессе работы.

Как сказано выше, обитатели стоянки пользовались не только каменными, но и костяными орудиями. Кроме костяных ретушеров, они употребляли обломки трубчатых костей для других целей. Об этом свидетельствует костяной предмет, привлечший внимание Э. Р. Рыгдылона еще во время раскопок. Предмет имеет желобчатую форму и заостренный конец (рис. 5—1, 5). Он относительно хорошо сохранился — нет признаков отщепления компактного слоя и разрыхленной массы распадающейся кости. Вся поверхность предмета заглажена, углы, края затуплены, «завалены», губчатая масса внутри полости истерта от воздействия какого-то фактора. На первый взгляд, может показаться, что такая «отделка» обломка кости произошла в результате окатывания в воде. Но это допущение отпадает потому, что окачанная кость, во-первых, не сохраняет пигмента розоватого цвета, который свойствен свежей кости и кости, находящейся в условиях консервации. В воде и на солнце этот пигмент быстро разрушается, кость белеет. Во-вторых, на открытом воздухе кость, обладающая пластинчатым строением, начинает расслаиваться, трескаться. В-третьих, острый конец этого предмета косо срезанный, имеет тонкое сечение, что указывает на некоторую степень изнашивания, хотя конкретная функция его остается неясной, так как линейных следов, отражающих форму движения, не уцелело.

Существование проколов и скобелей по обработке кож в такую отдаленную эпоху позволяет делать далеко идущий вывод — говорить о наличии неандертальского человека шитой меховой одежды. По всей вероятности, это было еще весьма примитивное шитье, о характере которого мы предположений пока делать не можем.

Большой интерес представляет вопрос о праворукости неандертальского

человека, устанавливаемой на изучаемом материале. О том, что у человека мустьерской эпохи в работе преобладала правая рука, свидетельствуют прежде всего следы работы на костяных ретушерах. Когда костяной ретушер находится в правой руке и нажимает снизу выпуклой стороной на край кремневого отщепы, следы на ретушере будут расположены слева направо и вверх как они изображены на ретушерах из Кийк-Кобы и со Сталинградской стоянки (рис. 4—5, положение I). Это будет нормальный способ работы праворукого человека. Если же костяной ретушер поместить в левую руку и надавливать выпуклой стороной на край кремневого отщепы, то следы на ретушере будут расположены справа налево и вверх, т. е. в обратном порядке (рис. 4—6, положение II). Это будут следы работы левши, и такое расположение следов работы на ретушерах встречается среди известных нам материалов из Кийк-Кобы и Тешик-Таша в виде исключения.

Еще более ясно выражена праворукость, которая вскрывается при анализе следов на строгальном ноже со Сталинградской стоянки. Следы изнашивания расположены на брюшке ножа-отщепы (рис. 5—1). Это свидетельствует о том, что неандерталец работал им, положив брюшко на материал. В таком положении ретушированный обушок ножа был сверху и служил для упора указательного пальца правой руки. Движения при строгании производились «на себя» (рис. 5—2).

Следует пояснить, что односторонние рабочие движения в ручном труде как строгание, скобление, резание, на ранних этапах развития носят вообще аддукционный характер, т. е. производятся в направлении «на себя». Это объясняется прежде всего биомеханическими особенностями рук — хватательных органов по своему происхождению. В кинематике передних конечностей обезьян бросается в глаза полное господство движений схватывания, поднятия, поднесения, почесывания, тянущих движений над движениями отбрасывания, толкания и распрямления. Даже обезьяны, обладающие наиболее короткими пальцами кисти руки, как горилла, никогда не действуют кулаком, тем более путем выпада, т. е. резкого движения вперед при помощи быстрого приведения в действие плечелоктевых разгибателей.

Хотя в истории труда очень рано появляются навыки к применению метательных орудий (дротика, пращи, бумеранга) и развиваются трансляционные, толкательные движения, все же скобление и строгание продолжают осуществляться движениями «на себя» до самого позднего времени. У северных народов кожа обрабатывается с помощью каменного двуручного скребка движениями «на себя». Строгание дерева стальным стругом производится у всех народов, у которых это орудие еще сохранилось, «на себя». Работа и каменным, и стальным теслом возможна только «на себя». Лишь с появлением рубанка дерево стали обрабатывать толкательными движениями «от себя». Однако даже в применении этого орудия некоторые народы например японцы, сохранили старую кинематику — «на себя».

Преимущество строгания движениями «на себя» в ручном труде заключается в том, что при таком способе рабочая часть орудия и качество работы лучше контролируются зрением. Кроме того, аддукционные (приводящие движения более плавные и равномерные, в то время как абдукционные (отводящие) носят более резкий, толкательный характер, производятся с большей скоростью; их труднее регулировать, хотя они отличаются значительной эффективностью.

При взгляде на рис. 5—3, где условно изображено строгание левой рукой «от себя», мы видим, что нож здесь может быть зажат только двумя пальцами. Затупленный обушок ножа, специально предназначенный для надавливания указательным пальцем, остается неиспользованным, а участие третьего пальца, необходимого для упора, совершенно выпадает. Здесь изображено явно нецелесообразное рабочее положение руки, которое при всех скидках на вероятные отклонения от нормы не может быть принято.

В. И. МАРКОВИН И Р. М. МУНЧАЕВ

О ДВУХ ТИПАХ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ СЕВЕРНОГО
КАВКАЗА

Обширный Кавказский перешеек в археологическом отношении изучен крайне неравномерно. Если памятники эпохи бронзы (особенно позднего этапа ее развития) исследованы сравнительно полно, то этого совершенно нельзя сказать о памятниках неолита и энеолита Кавказа.

Недостаточная изученность неолита и энеолита Кавказа является серьезным тормозом в дальнейших исследованиях, препятствуя решению важных вопросов древнейшей истории края (например, проблемы расселения древних племен и формирования племенных групп и их культуры; вопроса об установлении соответствия неолитических культур Кавказа с синхронными культурами Передней и Малой Азии и Юго-Восточной Европы; проблемы происхождения энеолита Кавказа и др.)¹. С сожалением нужно отметить, что в последние годы на Кавказе, особенно на Северном Кавказе, мало ведется планомерных работ по выявлению и исследованию неолитических и энеолитических памятников, на что было указано и в резолюции, принятой Кавказской археологической конференцией в 1956 г.² Между тем неолитические памятники на Северном Кавказе распространены довольно широко. Достаточно указать на такие известные памятники, как Агубековское поселение и Нальчикский могильник в Кабардино-Балкарской АССР³. В последние годы работами Прикаспийской экспедиции ИИМК в так называемых Ногайских песках (Дагестанская АССР и Калмыкская автономная область) открыт целый ряд развееванных стоянок с микролитическим инвентарем⁴. Начато обследование неолитических памятников в Дагестане⁵.

¹ Е. И. Крупнов. О состоянии и задачах изучения археологии Кавказа. КСИИМК, вып. 60, 1956, стр. 9; его же. Основные проблемы кавказской археологии. Тезисы докладов на пленарных заседаниях конференции по археологии Кавказа. М., 1956, стр. 7.

² Резолюция, принятая Кавказской археологической конференцией, состоявшейся в г. Ереване в октябре 1956 г. М., 1956.

³ Е. Ю. Кричевский и А. П. Круглов. Неолитическое поселение близ Нальчика. МИА, № 3, 1941, стр. 51—66; А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА, № 3, стр. 67—146.

⁴ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 96—97, рис. 26, 1, 2; его же. Прикаспийская археологическая экспедиция, КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 102; Т. М. Минаева. Стоянка с микролитическим инвентарем на Черных землях. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 46—50.

⁵ В. И. Марковин. Археологические находки с территории Тарнаира (ДАССР). КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 117—122; В. И. Марковин и Р. М. Мунчаев.

В 1956 г. возобновлено изучение памятников неолита Черноморского побережья (в пределах Краснодарского края)⁶. Уже получены первые данные о неолите Северной Осетии⁷.

О широком распространении памятников неолита и энеолита на Северном Кавказе свидетельствуют также многочисленные отдельные находки, хранящиеся в местных и центральных музеях и до сих пор не опубликованные. Для того, чтобы привлечь к ним внимание, мы публикуем в настоящей статье часть подобных находок, выбрав среди них два типа каменных орудий — клиновидные орудия и мотыжки. Мы должны заранее оговориться, что не все привлекаемые нами орудия могут быть безупречно датированы, хотя архаичный облик, сохранение неолитических традиций в изготовлении с несомненностью свидетельствуют об их глубокой древности.

КЛИНОВИДНЫЕ ОРУДИЯ (ТИПА ТОПОРОВ И ДОЛОТ)

Эта группа каменных орудий известна из всех областей Северного Кавказа⁸.

1. Краснодарский край

1. Орудие типа клиновидного топора из гальки зеленоватой яшмы. Лезвие подшлифовано только с одной стороны. Сечение орудия почти прямоугольное. Размеры: длина — 4,8 см, толщина — 1,3 см, ширина лезвия — 2,7 см. Найдено на территории колхоза Нацмен, Лазаревского района. Сочинский музей, инв. № 2246-2 (рис. 6—14).

2. Орудие подобной же формы из черного сланца. Одна сторона представляет природный скол камня, другая — гладкая. Лезвие подшлифовано с одной стороны, сечение несколько трапециевидное. Размеры: длина — 6 см, толщина — 1,4 см, ширина лезвия — 4 см. Место происхождения неизвестно. Хранится в Краснодарском краевом музее (рис. 6—11).

3. Клиновидное орудие из светло-зеленой породы типа яшмы. Подшлифовано только лезвие с обеих сторон. Сечение вытянуто-овальное. Размеры: длина — 6,3 см, толщина — 1,2 см, ширина лезвия — 4,2 см. Найдено в Прикубанье. Происходит из коллекции Н. И. Веселовского. Собрание Государственного Эрмитажа, коллекционный № 66-35 (рис. 6—15).

4. Клиновидное орудие из светло-зеленой магматической породы. Лезвие подшлифовано с обеих сторон. Сечение подпрямоугольное. Размеры: длина — 9,2 см, толщина — 1,5 см, ширина лезвия — 3,5 см. Происходит из района Сочи. Сочинский музей, инв. № 0-409/4 (рис. 6—7).

5. Аналогичное орудие (верхняя часть отломана) из зеленой полосатой яшмы. Лезвие тщательно отполировано с обеих сторон. Сечение овальное. Размеры: длина сохранившейся части — 5,8 см, толщина — 1,8 см, ширина лезвия — 2,7 см. Вымыто ручьем по Садовой улице г. Геленджика в 1954 г. Геленджикский музей, инв. № 1147 (рис. 6—9).

6. Обломок подобного же орудия из ярко-зеленого змеевика. Лезвие заточено с обеих сторон. Сечение подпрямоугольное. Размеры: длина — 2,5 см, толщина — 1,5 см, ширина лезвия — 3,5 см. Предмет сильно окатан. Найден Д. Е. Щегловым в Голубой бухте, близ г. Геленджика, в береговой срезе. Геленджикский музей, инв. № 86 (рис. 6—10).

Неолитическая стоянка близ г. Буйнакск (ДАССР). КСИМК, вып. 67, 195 стр. 78—82; работы В. Г. Котовича (Даг. филиал АН СССР; не опубликованы).

⁶ Доклад Н. В. Анфимова на кавказской секции пленума ИИМК, посвященной археологическим исследованиям в 1956 г.

⁷ Е. И. Крупнов. Первые находки неолита в Северной Осетии. КСИМК, вып. 46, 1952, стр. 42—47.

⁸ Публикуемым орудиям придана сплошная нумерация.

Рис. 6. Каменные клиновидные орудия с территории Северного Кавказа

7. Крупное клиновидное орудие овального сечения из гальки серо-зеленого плотного песчаника. Лезвие округлое, подшлифовано с обеих сторон. Сечение овальное. Размеры: длина — 18 см, толщина — 3,4 см, ширина лезвия — 7,2 см. Найдено в селении Ахштырь, на р. Мзымте, в так называемой неолитической «мастерской» (1946 г.). Сочинский музей, инв. № 0-409/ (рис. 7—1).

8. Обломок такого же орудия из зеленоватой гальки с округло подшлифованным лезвием. Сечение овальное. Длина сохранившейся части — 8,5 см, толщина — 3,4 см, ширина лезвия — 5,5 см. Обнаружен А. П. Красновым той же «мастерской». Сочинский музей, инв. № 0-А-572 (рис. 7—4).

9. Клиновидное орудие из сероватого кремнистого известняка, обработанное с обеих сторон грубыми сколами. Сечение линзовидное. Округло двустороннее лезвие тщательно подшлифовано. Размеры: длина — 12,5 см, толщина — 2 см, ширина лезвия — 4,2 см. Найдено в районе г. Сочи. Сочинский музей, инв. № 0-499/3 (рис. 7—2).

10. Заготовка подобного орудия из плотной серой кремнистой породы. Сечение линзовидное. Длина — 14,5 см, толщина — 3,5 см, ширина — 6 см. Таких заготовок — 3 экземпляра. Обнаружены на р. Мзымте, в указанной «мастерской». Сочинский музей, инв. № А5666 (рис. 7—3) ⁹.

Помимо перечисленных (неопубликованных) орудий, в литературе имеются сведения еще о нескольких предметах подобного типа. В станице Раевской найдены два плоских подшлифованных топорика из змеевика (серпентина). Один из них фрагментирован ¹⁰. Близ станицы Рязанской (ау. Габукой) в каменной засыпке кургана встречены три фрагментированные клиновидных топорика, сделанных из серпентина, с односторонней подшлифовкой ¹¹. Известна находка клиновидного орудия (змеевик) из района г. Геленджика ¹². В 1958 г. А. А. Формозовым и А. Д. Столяром на поселении Мешоко у селения Ходжох и на Нижне-Шиловской стоянке у г. Адлера найдены плоские полированные топоры ¹³.

2. Ставропольский край

11. Орудие типа долота, изготовленное из гальки плотного серого песчаника. Лезвие тщательно заполировано с двух сторон. Верхняя часть грубо оббита пунктирными ударами. Сечение круглое. Размеры: длина — 17 см, диаметр — 5 см, ширина лезвия — 3,5 см. Обнаружено Бородинкиным в 1931 г. на горе Беш-Тау, в районе г. Железноводска. Музей г. Пятигорска инв. № 694 (рис. 6—2).

12. Аналогичное орудие, но несколько менее правильной формы, изготовленное из серой плотной породы типа кварцита. Сечение почти круглое. Нижняя часть заполирована. Лезвие сильно заострено. Верхняя часть оббита. Размеры: длина — 16,8 см, диаметр — 5,2 × 4,7 см, ширина лезвия — 3,8 см. Найдено у поселка Константиновского, близ МТС. Хранится в Ставропольском краевом музее, инв. № 12757/2 (рис. 6—3).

⁹ В настоящее время, судя по материалам Сочинского музея, заготовки подобного типа (макролитические орудия) известны в селениях Волковка на р. Шахе, Навагинка, Пластунки, Алек, Воронцовка, Красная Поляна, Навалишино, Веселое, Ермоловка, Дзыбра; в районе городов Сочи, Мацесты, Адлера и Хосты; на стоянках по рекам Кудепсте, Мзымте, Хосте.

¹⁰ В. Сизов. Восточное побережье Черного моря (Археологические экскурсии), МАК, II, 1889, стр. 119, табл. XX, 11, 12. В 1958 г. в результате работ Н. А. Онайки у станицы Раевской найдено еще одно подобное орудие.

¹¹ В. Сысоев. Габукойский курган. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XXII, Тифлис, 1897, стр. 38, 39, табл. I.

¹² Архив ЛОИИМК, дело Археологической комиссии № 38 за 1898 г. (отчет В. Сысоева о работах 1898 г.), л. 18.

¹³ А. А. Формозов, А. Д. Столяр. Неолитические и энеолитические поселения в Краснодарском крае. СА, 1960, № 2, стр. 104—111, рис. 2 и 4.

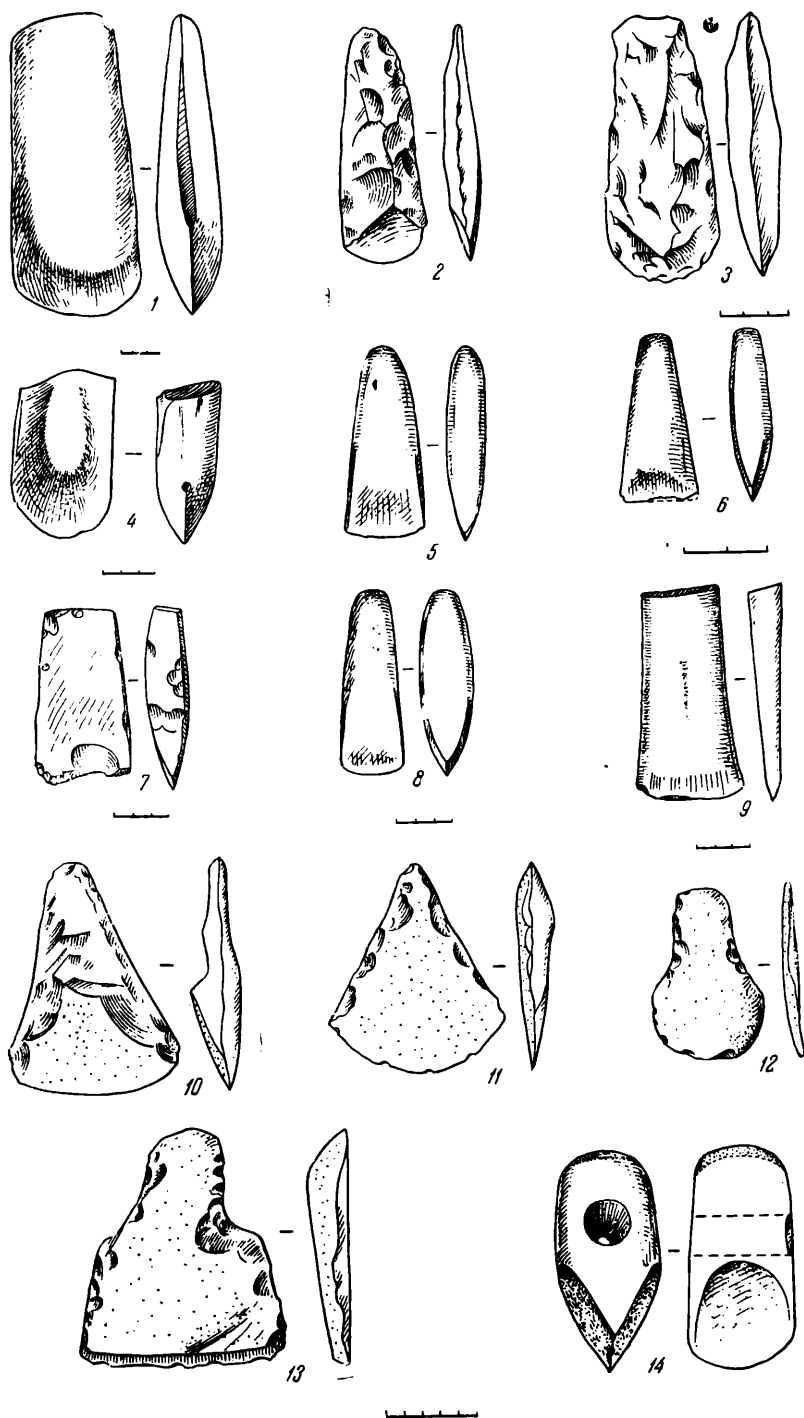

Рис. 7. Каменные орудия с территории Северного Кавказа

1—9 — клиновидные орудия (топорики); 10—13 — мотыжки; 14 — топор-колуи из с. Гунделев.

13. Орудие типа клиновидного топора из зеленого змеевика. Поверхность тщательно отполирована. Лезвие слегка обломано. Сечение подпрямоугольное. Размеры: длина — 4 см, толщина — 2 см, ширина лезвия — 4,2 см. Обнаружено в районе Пятигорья (точное местонахождение неизвестно). Музей г. Пятигорска, инв. № 881/1867 (рис. 7—6).

14. Топор почти прямоугольной формы с желобом для насадки (возможно, тесло). Изготовлен из черного плотного сланца, тщательно отполирован. Сечение линзовидное. Размеры: длина — 10,3 см, ширина — 5 см, толщина — 1,7 см. Происходит из коллекции Р. А. Апухтина. Музей г. Пятигорска, инв. № 815 (рис. 6—8). Данное орудие по типу отличается от описанных. Возможно, оно было привезено Р. А. Апухтиным из Орловской области, где он вел раскопки.

15. Большое орудие из плоской гальки серо-зеленого гранита, неправильной формы. Подшлифовано только лезвие (в два приема). Суживающийся кверху конец орудия подтесан. Сечение подпрямоугольное. Размеры: длина — 19,6 см, наибольшая ширина — 9,7 см, толщина — 2—2,3 см, ширина лезвия — 8,3 см. Найдено в г. Георгиевске А. И. Кильным в 1906 г. и принесено в дар Русскому археологическому обществу. Хранится в собрании Государственного Эрмитажа, коллекционный № 133-1 (рис. 6—6).

Из ставропольского края известны еще находки трех каменных клиновидных подшлифованных топоров рассматриваемого типа. Опубликованы Т. М. Минаевой. Два из них обнаружены на южной окраине г. Ставрополя, у р. Мамайки¹⁴, а третий — у хутора Дружба, близ г. Черкесска¹⁵.

3. Кабардино-Балкария

16. Долотовидное орудие круглого сечения, из гальки серого кварцита. Лезвие тщательно подшлифовано с обеих сторон. Верхняя часть орудия оббита ударами пунктира. Длина — 12,8 см, диаметр — 4,7 × 4,4 см, ширина лезвия — 4 см. Найдено М. Ермоленко в районе г. Нальчика. Музей КБАССР в г. Нальчике, инв. № 1236 (рис. 6—5).

17. Аналогичное орудие более удлиненной формы, из серого кварцита. Изготовлено в той же технике. Сечение круглое. Длина — 20,2 см, диаметр — 5,5 см, ширина лезвия — 2,5 см. Происходит с территории Кабарды. Музей КБАССР в г. Нальчике, инв. № 1239 (рис. 6—1).

18. Такое же орудие из серого плотного песчаника. Лезвие слегка подшлифовано. Сечение круглое. Верхняя часть затуплена. Длина — 18 см, диаметр — 6 см, ширина лезвия — 3 см. Найдено в 1928 г. Ш. Купытьевым у селения Шалушка. Музей КБАССР в г. Нальчике, инв. № 1829 (рис. 6—16).

19. Клиновидное орудие овального сечения из зеленоватого базальта. Лезвие тщательно отшлифовано с обеих сторон. Длина — 11,4 см, толщина — 2,8 см, ширина лезвия — 2,5 см. Обнаружено в 1939 г. на территории бывшего грузинского колхоза, в 2 км от г. Нальчика. Хранится в музее г. Пятигорска, инв. № 687 (рис. 6—13).

20. Подобное же орудие из гальки серого кварцита. Лезвие тщательно отшлифовано с обеих сторон. Сечение круглое. Длина — 9,5 см, толщина — 3 см, ширина лезвия — 3,2 см. Найдено в 1929 г. Рошиным на территории Агубековского поселения. Музей КБАССР в г. Нальчике, инв. № 1328 (рис. 7—8).

21—22. Два экземпляра обломков лезвийных частей аналогичных ору-

¹⁴ Т. М. Минаева. Памятники эпохи раннего средневековья на Ставропольской возвышенности. Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 1. Ставрополь, 1949, стр. 136, рис. 9, е.

¹⁵ Т. М. Минаева. Археологические памятники Черкессии. Труды Черкесского научно-исследовательского института, вып. 2. Черкесск, 1954, стр. 272, 273, рис. 3, а.

й из плотной зеленоватой породы. Встречены в 1935 г. на том же поселении. Музей КБАССР в г. Нальчике, инв. № 1529.

23. Миниатюрное клиновидное орудие из зеленоватого змеевика с двусторонней шлифовкой лезвия. Сечение подпрямоугольное. Длина — 2,4 см, ширина — 0,7 см, ширина лезвия — 0,8 см. Происходит с Агубековского селения. Музей КБАССР в г. Нальчике (витрина № 1).

24. Крупное клиновидное орудие неправильной формы, из гальки серого гранита. Сечение подпрямоугольное. Лезвие слегка подшлифовано. Торцевая часть орудия — в пунктирной оббивке. Длина — 11,4 см, толщина — 1 см, ширина лезвия — 4,5 см. Обнаружено в 2 км от г. Нальчика — на территории бывшего грузинского колхоза. Музей в г. Пятигорске, инв. № 687 (рис. 6—4).

25. Обломок лезвийной части крупного клиновидного орудия из зеленоватого гранита. Лезвие зашлифовано с обеих сторон. Сечение подпрямоугольное. Длина — 7,5 см, толщина — 4 см, ширина лезвия — 5 см. Найдено в г. Пятигорске, инв. № 687 (рис. 6—12).

26. Плоское клиновидное орудие с округлой торцевой частью из светлоричневого кремня. Сечение линзовидное. Изготовлено двусторонней оббивкой. Лезвие слегка подшлифовано. Высота — 7 см, толщина — 0,8 см, ширина лезвия — 3,5 см. Найдено в кургане у селения Верхний Курп 1955 г.

Целый ряд каменных клиновидных орудий с подшлифованным лезвием происходят из различных пунктов Кабардино-Балкарии и по литературным данным.

Кремневые топоры, близкие по типу орудия из селения Верхний Курп, происходят из селения Малка¹⁶ и подкурганного погребения (№ 11) у селения Верхний Акбаш¹⁷. Известно долотовидное орудие с территории селения Докково¹⁸. Орудия типа долот и топоров найдены также на неолитическом селении близ г. Нальчика (Агубековская стоянка)¹⁹.

4. Северная Осетия

27. Клиновидный топор из зеленоватой яшмовидной породы. Сечение подпрямоугольное. Лезвие тщательно подшлифовано. Длина — 10,2 см, толщина — 2,2 см, ширина лезвия — 4,2 см. Обнаружен в селении Фараскат. Публичный музей в г. Орджоникидзе, инв. № 3717 (рис. 7—5).

По опубликованным данным известно еще несколько клиновидных орудий, найденных на территории Северной Осетии. Таков кремневый топор с двусторонней подшлифовкой из окрестностей г. Орджоникидзе²⁰. Заготовки клиновидных орудий были найдены в Кочковатой балке близ станицы Вознесенской²¹.

5. Чечено-Ингушетия

28. Клиновидный топор из желтой кремнистой породы, тщательно отшлифованный со всех сторон. Сечение прямоугольное. На поверхности то-

¹⁶ А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии, МИА, № 3, стр. 17, 18, рис. 2, 1.

¹⁷ Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 18 году. Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института, т. V. Нальчик, 1949, стр. 211—213, рис. 16, а.

¹⁸ А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 18, рис. 2, 3.

¹⁹ Е. Ю. Кричевский и А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 59, 60, рис. 6, 7; к. II, 4, 5, 6.

²⁰ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23, 1951, стр. 22, 23, рис. 1, 5.

²¹ Е. И. Крупнов. Первые находки неолита в Северной Осетии. КСИИМК, т. XLVI, 1952, стр. 42—47, рис. 8.

пора сохранились отдельные сколы первичной обработки. Лезвие сил испорчено. Длина — 9,4 см, толщина — 2,3 см, ширина — 5 см. Найден территории г. Грозного. Происходит из собрания А. А. Бобрински. Хранится в Государственном Эрмитаже, коллекционный № 136 (рис. 7—7).

29. Топор-тесло из гальки серого песчаника. Верхняя часть отломана. Лезвие слегка подшлифовано. Длина — 11,4 см, толщина — 1—1,9 см, ширина лезвия — 5,8 см. Обнаружен при раскопках Прикаспийской экспедиции ИИМК 1955 г. (начальник — Е. И. Крупнов) в с. Мужичи (бывшее с. Кавское; рис. 7—9).

6. Дагестан

До сих пор известно лишь одно клиновидное орудие типа топора с двусторонней подшлифовкой лезвия, из желтоватой метаморфической породы. Оно найдено на неолитической стоянке ур. Шура-озень, близ г. Буйнакса. Там же была поднята заготовка для подобного топора²². Другая заготовка клиновидного орудия обнаружена в урочище Тарнаир близ г. Махачкалы (сборы В. И. Марковина).

Оригинальное клиновидное орудие с едва намеченным желобком в ее центральной части обнаружено Р. М. Мунчаевым в нижних слоях Великентского поселения (Южный Дагестан)²³.

* * *

Мы описали целый ряд каменных клиновидных орудий, обнаруженных в различных областях Северного Кавказа. По форме и технике обработки поверхности их можно разбить на 4 группы:

1. Плоские клиновидные топоры с двусторонней подшлифовкой лезвия (№ 3—8, 13—15, 19—25, 27, 29). Эти орудия изготовлены из наиболее твердых пород камня (кварцита, гранита, змеевика и пр.).

2. Клиновидные топоры, первоначально оббитые сколами и обработанные затем шлифовкой (№ 9, 10, 28). Изготовлены большей частью из кристаллических и метаморфических пород.

3. Клиновидные орудия, подшлифованные с одной стороны («стамески» по терминологии А. Л. Лукина²⁴; № 1, 2).

4. Долотовидные орудия круглого и овального сечения с незначительной подшлифовкой лезвия. У большинства из них верхняя часть оббита для более прочного прикрепления к рукояти. Изготовлены из твердых пород камня (№ 11, 12, 16—18).

В перечисленные группы не входит орудие с Великентского поселения. Оно выделяется не только своей формой, но и функциональным назначением. Относится к более поздней эпохе (ранняя бронза).

Подобляющее большинство описанных выше клиновидных орудий находит аналогию в неолитическом материале. Таковы находки подобных топоров на Ахштырской стоянке на р. Мзымте²⁵, неолитический возраст которой не вызывает сомнений²⁶; в неолитических памятниках в районе

²² В. И. Марковин и Р. М. Мунчаев. Неолитическая стоянка близ г. Буйнакса (ДАССР), стр. 79, рис. 33—1, 2.

²³ Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в Нагорном Дагестане 1954 г. КСИИМК, вып. 71, 1958, стр. 52.

²⁴ А. Л. Лукин. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаута, СА, XII, 19 стр. 164, 165, табл. VI, 1—3, 7.

²⁵ Абхазская экспедиция. КСИИМК, вып. I, 1939, стр. 29.

²⁶ А. А. Формозов. О датировке неолитических стоянок Черноморского побережья Кавказа. КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 139—141.

Адлера, исследованных в 1956 г. Н. В. Анфимовым²⁷; в Кистрике²⁸ и др. Клиновидные плоские топоры вместе с долотовидными орудиями обнаружены также на Агубековском селище²⁹. Приведенные аналогии, однако, не дают полного основания относить публикуемые нами предметы к неолиту, так как комплекс из Кистрика имеет смешанный облик (наряду с ранними по типу предметами найдены и поздние). Таков характер находок и с Агубековского селища (находка обломка статуэтки, близкой трипольским фигуркам). Помимо того, судя по находкам каменных клиновидных орудий в курганах у селений Верхний Акбаш³⁰, Малка и Заюково³¹, у г. Орджоникидзе³², на Луговом поселении (№ 29; рис. 7—9), у селения Верхний (урп) (№ 26), они доживают до раннего этапа эпохи бронзы. Таким образом, описанные нами случайные находки могут быть суммарно отнесены к неолиту — энеолиту. Вместе с тем, явно неся древние черты (форма, техника изготовления), эти орудия свидетельствуют о переживании глубоких неолитических традиций в более поздних культурах Северного Кавказа и, таким образом, еще раз подчеркивают необходимость широких работ по выявлению неолитических и энеолитических памятников.

Плоские клиновидные топоры, как нам представляется, послужили прототипом для медных тесловидных орудий, широко известных в памятниках так называемой майкопской культуры³³. Особенно показательным в этом отношении каменное орудие из энеолитического поселения у селения Мужичи (Луговое) в Ингушетии (№ 29; рис. 7—9), пропорциями и формой совершенно совпадающее с медными теслами.

Возможно, что долотовидные орудия, снабженные в дальнейшем сверленным отверстием (рис. 7—14), стали одним из прототипов (конечно, не единственным) для сверленных боевых топориков, часто встречающихся в комплексах северокавказской культуры эпохи бронзы.

КАМЕННЫЕ МОТЫЖКИ

Этот тип орудий обнаружен в древнейших памятниках Черноморского побережья Кавказа. Наибольшее количество каменных мотыжек найдено в Сочинском и Адлерском районах Краснодарского края, что дало повод называть их мотыжками адлерского типа, хотя такое название вряд ли правомерно³⁴. Они обычно встречаются вместе с клиновидными каменными орудиями типа описанных выше из Мзымтской неолитической мастерской (селение Ахштырь).

Имеющийся в нашем распоряжении материал по каменным мотыжкам, изготовленным из твердых пород — кварцита, базальта и др., можно разделить на 3 типа:

1. Мотыжки подтреугольной формы. Изготовлены из крупного скола морской гальки, одна сторона которого подправлена грубой оббивкой. Лезвие — полукруглой формы, большей частью не подшлифовано. Размеры их

²⁷ Приносим глубокую благодарность Н. В. Анфимову за любезное разрешение ознакомиться с материалами его разведок.

²⁸ А. Л. Лукин. Указ. соч., стр. 247—286.

²⁹ Е. Ю. Кричевский и А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 59, 60.

³⁰ Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году, стр. 210—213, рис. 16, а.

³¹ А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 17, 18, рис. 2, 1, 3.

³² Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода, стр. 22, рис. 1, 5.

³³ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950, стр. 171, таблица.

³⁴ И. К. Недоля. Орудия земледелия эпохи неолита из района Адлера. КСИМК, вып. 67. 1957. стр. 142, 143.

варьируют: длина — 10—14 см, ширина лезвия — 9—12 см, толщина — 1—3 см (рис. 7—10, 11).

2. Мотыжки с округлым лезвием, плавных округлых очертаний. Изготовлены таким же способом, из скола гальки. Размеры колеблются примерно в тех же пределах (рис. 7—12).

3. Мотыжки с прямым трапецевидным лезвием и четко выраженной «рукоятью». Лезвие иногда подшлифовано. Изготавливались из скола гальки тем же способом, что и предшествующие типы. Самое крупное орудие этого типа имеет следующие размеры: длина — 13 см, ширина лезвия — 10,5 см, толщина — 1,5—2 см (рис. 7—13).

Типологические мотыжки последней, описанной нами, формы представляются нам более поздними. Правда, все 3 типа орудий встречаются вместе в одних и тех же памятниках.

В настоящее время, судя по коллекциям Государственного Эрмитажа и Сочинского музея, наибольшее количество каменных мотыжек происходит из Мзымтской неолитической мастерской у селения Ахштырь (работы А. П. Краснова). Здесь было найдено, судя только по материалам Сочинского музея, более 200 мотыжек и 10 клиновидных орудий вместе с целым рядом других изделий.

Каменные мотыжки известны также из бассейна р. Кудепсты, Имеретинской бухты у г. Адлера, с горы Батарейки у г. Сочи, из селений Пластунки, Казачий Брод, Ажек на р. Сочи, Воронцовской пещеры на р. Хосте, селения Дзыхра.

В литературе имеются сведения о каменных мотыжках из Ахштырской пещеры на р. Мзымте³⁵, а также с соседней территории Грузии — из селения близ Гудаут³⁶.

Картографирование находок подобных орудий показывает, что все они приурочены к стоянкам, расположенным по Черноморскому побережью Кавказа. Найдены они также в селище Кистрик³⁷. В других областях Кавказа каменные мотыжки нам не известны.

Стратиграфические исследования, проведенные Н. С. Замятниным в Ахштырской пещере, с несомненностью свидетельствуют о неолитическом возрасте описанных каменных мотыжек³⁸. Это подтверждают и наблюдения, сделанные недавно А. А. Формозовым³⁹.

Интересно, что каменные мотыжки совершенно аналогичных форм обнаружены в поздненеолитических культурах Передней Азии, например, в Хасуне⁴⁰. Этот факт может указывать на какие-то, пока не совсем ясные, связи Кавказа со странами Древнего Востока в ту отдаленную эпоху.

Подобные орудия, прикрепленные к рукояти с помощью битума, по Г. Чайлду, могли употребляться не только как наконечники мотыг для взрыхления почвы, но и как тесла для обработки дерева⁴¹. Возможно, как считает Н. В. Хоштария, каменные мотыжки являются прототипом бронзовых орудий аналогичных форм и назначения, часто встречаемых в памятниках Колхиды эпохи поздней бронзы⁴².

Рассмотренный нами материал свидетельствует о широком распространении на Северном Кавказе памятников, сохраняющих неолитические традиции. Весьма характерно, что каменные клиновидные орудия и мотыжки почти не известны в Закавказье. Они найдены там лишь в Западной Гру

³⁵ Абхазская экспедиция, стр. 29.

³⁶ А. Л. Лукин. Указ. соч., стр. 256, табл. IX, 2.

³⁷ Там же, стр. 245—286.

³⁸ Абхазская экспедиция стр. 29.

³⁹ А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 38—141, рис. 58.

⁴⁰ Гордон Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 167—169, рис. 56, 1, 2.

⁴¹ Там же, стр. 168.

⁴² Н. В. Хоштария. Об одном бронзовом орудии из Колхиды. КСИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 178.

ви и Абхазии⁴³ (Очемчири, Кистрик и др.), а также в Юго-Осетии (Гарс-Кари и Теревгани)⁴⁴.

Орудия этих типов обнаруживаются в значительном количестве в древнейших памятниках Передней и Малой Азии⁴⁵. В то же время каменные клиновидные орудия широко распространены на территории Русской равнины, Украины и Севера. Здесь они встречаются, как правило, в комплексах неолитических культур⁴⁶ и в памятниках Триполья⁴⁷.

Слабая изученность неолита и энеолита Северного Кавказа и Закавказья не позволяет поставить вопрос об отношении описанных нами материалов к этим культурным областям. Однако уже сейчас обилие клиновидных орудий свидетельствует о заметном своеобразии северокавказского неолита и энеолита в сравнении с закавказским.

Дальнейшие работы по изучению неолитических и энеолитических памятников помогут четкому выделению на Кавказе локальных культур, как это сделано уже в значительной степени для Европейской части СССР. Публикуемые нами материалы еще раз указывают на возможную успешность таких исследований.

⁴³ А. Л. Лукин. Указ. соч. стр. 247—286; Л. Н. Соловьев. Энеолитические селище у Очемчирского порта в Абхазии. Труды Абхазского научно-исследовательского института языка и истории, вып. XV. Сухуми, 1939; Н. Э. Киладзе. Памятник нового каменного века из Тетрамица. Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. 29. Тбилиси, 1951, стр. 264; А. Каландадзе. Остатки мезолитической и неолитической культур в Грузии. Изв. Института языка, истории и материальной культуры, IV, № 3. Тбилиси 1939, стр. 363—371.

⁴⁴ О. М. Джапаридзе. Ранний этап древней металлургии в Грузии. Тбилиси, 1955, табл. VII, 1, 2 (на грузинском языке).

⁴⁵ E. F. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar Damghan. Philadelphia, 1937, бл. XXXI; Гордон Чайлд. Указ. соч., стр. 169, рис. 56; стр. 183, рис. 59; W. Dörpfeld. Troja and Ilion, t. I, Athen, 1902, стр. 321, рис. 253, 254; стр. 371, рис. 311—314.

⁴⁶ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

⁴⁷ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949; Н. Бибиков. Поселение Лука-Врублевская. МИА, № 38, 1953.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*П. И. БОРИСКОВСКИЙ*НОВЫЕ РАСКОПКИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ
ВАЛУКИНСКОГО (КОСТЕНКИ XIX)

Расположенная в отложениях первой надпойменной террасы правого берега Дона позднепалеолитическая стоянка Валукинского (Костенки XIX) была открыта и раскапывалась в 1956 г.¹ В 1957 г. Костенковским отрядом ИИМК раскопки ее были продолжены. Общая площадь раскопа 1956-1957 гг. достигла 217 кв. м, и основной, дошедший до нас, палеолитический комплекс был изучен целиком. Он включает, как мы уже указывали, 4 скопления культурных остатков, четко ограниченных и довольно сильно различающихся между собой.

Первое скопление, в северной части раскопа, содержит очажную яму с канавкой, служившей, как показал специально поставленный в 1957 г. эксперимент, для притока воздуха в костер. Подобно второму скоплению в западной части раскопа, оно, несомненно, образовалось на месте какого-то жилища; об этом свидетельствует, в частности, наличие в обоих скоплениях отчетливо выраженного древнего пола и вырытых в нем небольших ямок-хранилищ. Четвертое скопление в восточной части раскопа, площадью около 16 кв. м, образовалось на месте кремневой мастерской. Из 19 тыс. расколотых кремней, происходящих со всей вскрытой раскопками площади, 17 тыс. кремней были найдены на территории мастерской. Строгая локализация скопления кремней свидетельствует о том, что кремневая мастерская располагалась в каком-то закрытом помещении.

По определению Н. К. Верещагина, фауна стоянки Валукинского из раскопок 1956 и 1957 гг. включает следующие виды; мамонт, волк, песец, лось, сайга, большой тушканчик, степная пеструшка, полевка-экономка, полевка обыкновенная, полевка узкочерепная. Преобладает мамонт (найден много остатков молодых особей). В культурном слое представлены все части скелетов мамонтов: бивни, зубы, позвонки, ребра, лопатки, кости конечностей и т. п. Эти кости, в общем в одинаковом подборе, представлены во всех частях поселения, вскрытых раскопом. Сортировки по определенным частям скелета или по частям поселения, столь обычной во многих палеолитических стоянках, здесь нет вовсе. Отсутствуют и анатомические группы костей мамонта. Вероятно, мамонтов убивали где-то очень близко от мест стоянки, может быть, у водопоя. Поэтому не было нужды оставлять на месте охоты те или иные части туши мамонта. В то же время стоянка не была обитаема очень долго и на ней не успели образоваться скопления различных частей скелетов мамонтов, представлявшие собой запасы сырого материала для изготовления жилищ, для обработки и т. п.

¹ П. И. Борисковский. Раскопки палеолитической стоянки Валукинского (Костенки XIX) в 1956 г. КСИИМК, вып. 73, 1959.

² Там же.

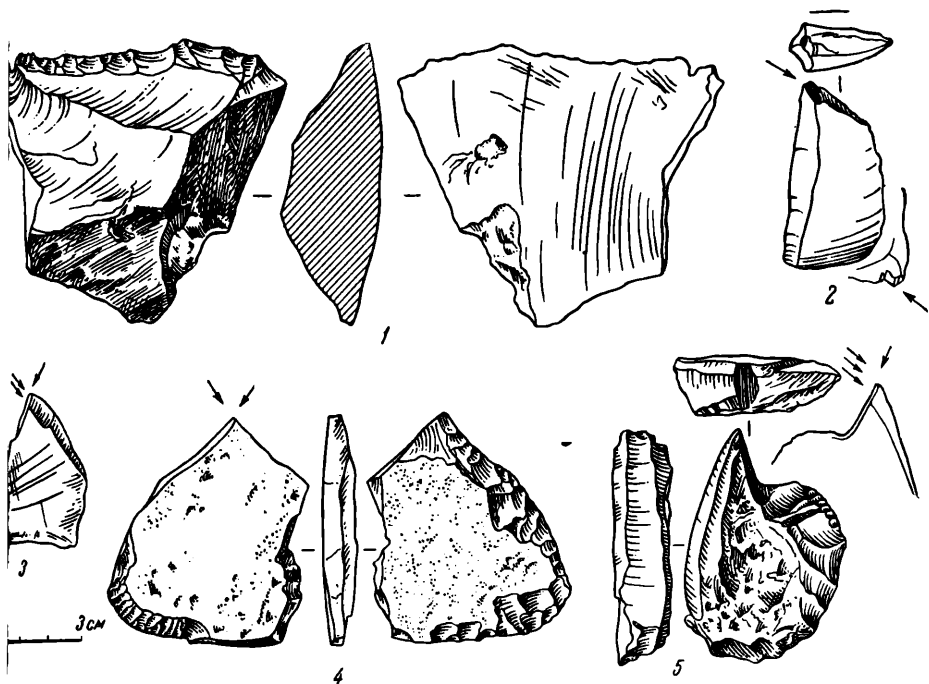

рис. 8. Стоянка Валукинского (Костенки XIX). Массивные атипичные кремневые орудия из раскопок 1957 г. (1—5).

Стоянка Валукинского интересна как особый тип позднепалеолитического поселения. На ней отсутствуют остатки долговременных жилищ с накоплениями костей. Но это и не сезонное временное стойбище с тонким, бедным находками культурным слоем, без ясно выраженной планировки. Перед нами — поселение, существовавшее достаточно долго, имевшее в своем составе небольшие легкие жилища типа шалашей. Планировка поселения выражена отчетливо.

Кремневый инвентарь стоянки Валукинского довольно своеобразен (рис. 8)³. Совершенно отсутствуют острия с затупленным краем, боковые резцы, проколки и многие другие типы позднепалеолитических орудий. Лишь редкими, единичными экземплярами представлены концевые скребки, пластинки с подтеской с нижней поверхности, пластинки с затупленным краем. Основную же массу кремневого инвентаря, состоящую из многих десятков экземпляров, образуют срединные и многофасеточные резцы, массивные нуклеидные орудия и примыкающие к ним массивные режущие и рубящие орудия из плиток и кусков кремня. Они довольно аморфны и сильно отличаются между собой. Обращает на себя внимание близкое сходство этого инвентаря с кремневым инвентарем деснинских мезолитических стоянок, в частности, самой ранней из них — Покровщины⁴. Там также преобладают массивные нуклеидные рубящие и режущие орудия из желваков и плиток кремня. Позволительно поставить вопрос — не встречаемся ли мы на стоянке Валукинского, принадлежащей и геологически к наиболее поздним костяковским палеолитическим поселениям, с самыми начальными этапами процесса вызревания мезолитических и ранненеолитических элементов в кремневой технике?

³ См. также П. И. Борисковский. Указ. соч., рис. 2, 3.

⁴ К. С. Алексахина. Стоянка Покровщина (Пушкاري VII). Ученые записки Ярославского университета, вып. 158, 1952; см. также и М. В. Воеводский и А. Формозов. Стоянка Песочный Ров на реке Десне. КСИИМК, вып. XXXV, 1950.

А. А. ВЕЛИЧКО И Р. В. ФЕДОРОВА

ОБ УСЛОВИЯХ ЗАЛЕГАНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ
ВАЛУКИНСКОГО (КОСТЕНКИ XIX)

Стоянка Валукинского располагается на правом склоне долины Дона в 40—50 м выше по течению от устья Попова лога. Она относится к числу немногих памятников, которые находятся непосредственно в долине Дона, а не в логах. Долина Дона близ стоянки характеризуется следующими особенностями. Общая ширина поймы — 3,5—4 км. Высота поймы над урезом реки — 5,5—6 м. На правом берегу против стоянки пойма имеет ширину 50—60 м. Далее следует хорошо выраженный уступ 1-й надпойменной террасы, крутизной 25°. Поверхность террасы, шириной 80—100 м, имеет слабый наклон в сторону реки (5—3°). В устье Попова лога эта терраса сливается с 1-й террасой лога, ширина которой — 40—45 м.

Человек здесь выбрал для поселения традиционный элемент рельефа — мыс, образуемый в данном случае левым склоном Попова лога — правым бортом долины.

Раскоп 1956 и 1957 гг. был поставлен на участке мыса, расположенного в долине, в месте, где поверхность 1-й надпойменной террасы переходит в уступ к пойме (рис. 9, I).

На стоянке вскрыты следующие отложения (описание верхней части толщ дается по западной стенке раскопа; нижняя часть была вскрыта шурфом, рядом с раскопом; оба разреза увязывались по нулевой линии раскопа):

1. Гумусовый горизонт. В слое отмечается много следов кротовин, особенно в нижней части	0,6 м
2. Суглинок коричнево-серый, плотный, пористый, слегка опесчаненный, насыщенный известковистыми частицами, особенно в верхних горизонтах . .	1,2 м
3. Большое количество включений белоглазки (местами до 15—20 на 1 кв. м стенки разреза). Имеются железисто-марганцовистые примазки	3,7 м
4. Суглинок коричнево-серый, плотный, более глинистый, чем 2-й слой, слабо пористый, с редкими включениями обломков мела, с бурыми и синими пятнами ожелезнения и железисто-марганцовистыми примазками. Видимая мощность	1,2 м

Культурный слой располагается на глубине 3 м (по западной стенке), 2-м слое. В среднем мощность его невелика — 0,1—0,15 м. Он прослеживается по уровню залегания находок. Ясно выраженных следов пола культурного слоя не отмечается; он залегает в целом горизонтально, с ед

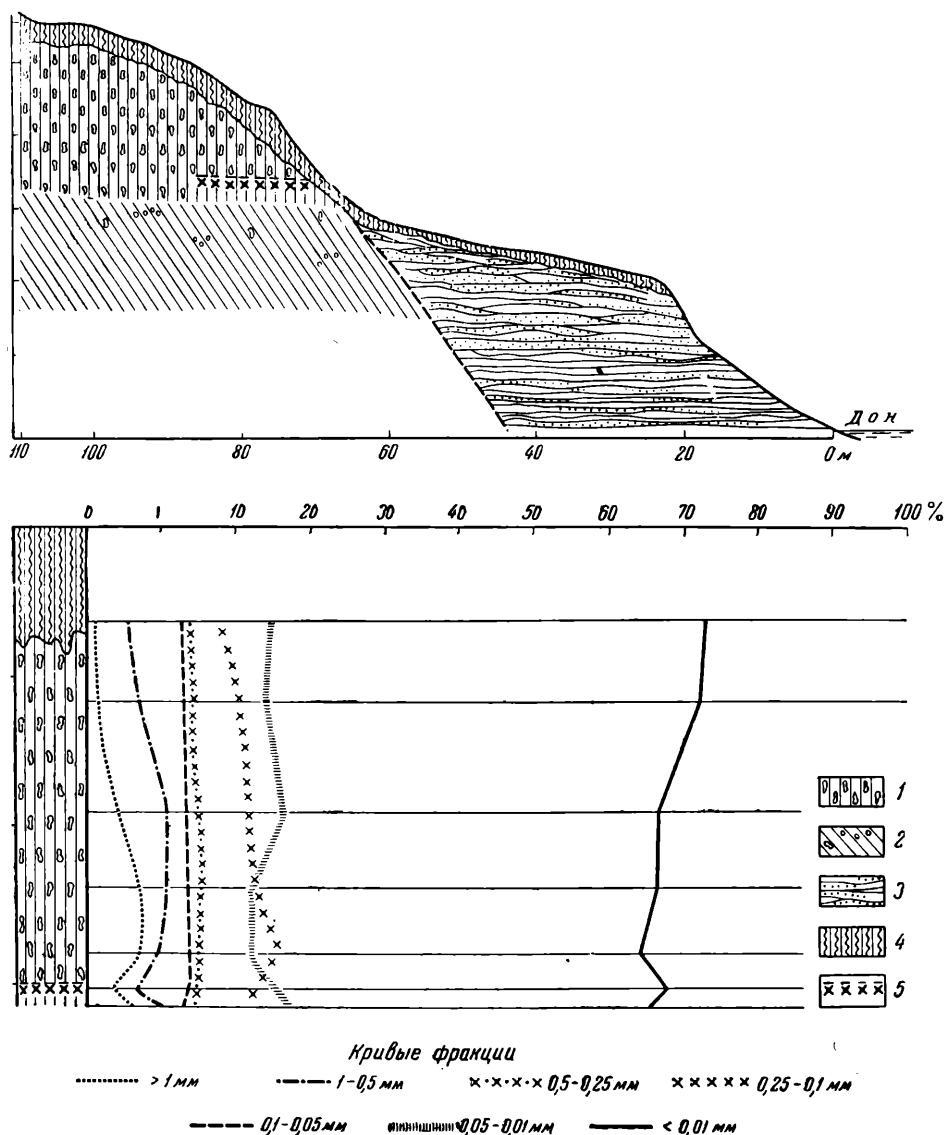

Рис. 9.

профиль через стоянку Валукинского (Костенки XIX): 1 — суглинок серо-коричневый с белоглазкой; 2 — суглинок коричнево-серый с редкими обломками мела; 3 — пойменные отложения; 4 — гумусовый горизонт почвы; 5 — культурный слой; II — кривые гранулометрического состава отложений, вмещающих палеолитический культурный слой стоянки Валукинского (по западной стене раскопа 1957 г.).

летным наклоном в сторону реки, и по своему высотному положению ближе к высоте тыловой части поймы в данном месте. Отложения поймы резко отличаются от описанных выше. Против стоянки в обрыве поймы к реке видны серые мелкозернистые пески, перемежающиеся с горизонтальными слоями темно-серой супеси (мощность — 1,1 м). Далее следует тонкоистый темно-серый суглинок с прослоями светло-серого песка; внизу динок становится более тяжелым (видимая мощность — 1,75 м).

Определение места стоянки Валукинского среди других стоянок поздней палеолита в этом районе, так же как и решение вопроса о возрасте памятников

1-й надпойменной террасы в целом, по геологическим данным сталкивает с рядом трудностей. Если в толще 2-й надпойменной террасы в Костенко-ско-Боршевском районе имеются такие хорошо прослеживающиеся стратиграфические горизонты, как две гумусированные толщи, разделенные прослоем вулканического пепла, то в толще 1-й надпойменной террасы такие горизонты отсутствуют. Единственным маркирующим горизонтом в толще 1-й надпойменной террасы на данном участке можно считать уровень, насыщенный большим количеством включений белоглазки, который располагается в верхней части террасы в среднем до глубины 3—3,2 м. В толще 2-й надпойменной террасы аналогичного уровня не отмечается.

Некоторые возможности для расчленения отложений 1-й надпойменной террасы были получены в последнее время с помощью пылевого и гранулометрического анализов. Так, пылевые анализы для основных разрезов террасы (у сыпного пункта с. Костенки и у хутора Боршевского) показали, что состав пылицы в обоих разрезах изменяется в целом одинаково. В нижних частях толщи преобладает пыльца древесных пород (в основном сосны и ели) и спор. С переходом к верхним слоям количество пылицы древесных пород уменьшается и одновременно значительно увеличивается количество пылицы травянистых растений. Аналогичный ход изменений в составе пылицы был получен Г. И. Лазуковым (1957 г.)¹.

Много общего в обоих указанных разрезах наблюдается и в ходе кривых гранулометрического состава. Если в верхних частях толщи содержание фракции 0,01 мм достигает 70%, то книзу оно постепенно уменьшается — до 30—40%. В этом же направлении падает содержание фракции 0,5—0,25 мм от 3—3,3 до 0,1—0,2%. Наоборот, содержание фракции 0,05—0,01 мм постепенно увеличивается книзу — от 15% вверху до 30—40% внизу.

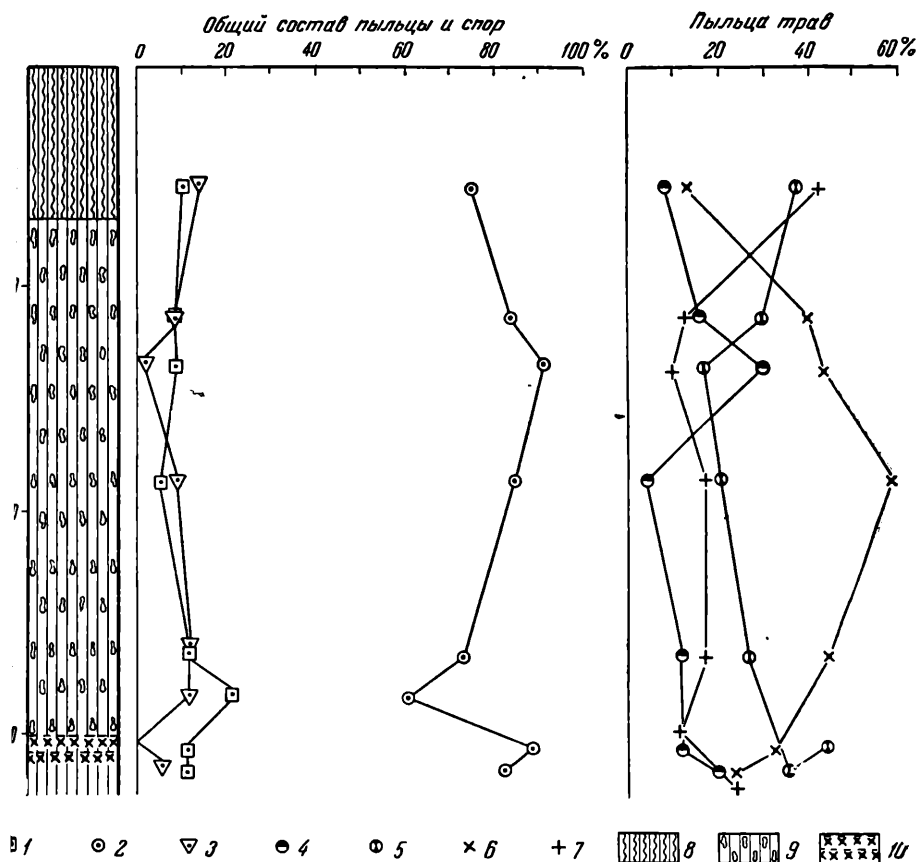
О положении культурного слоя стоянки Костенки XIX в толще 1-й надпойменной террасы Дона можно судить по следующим фактам. В месте стоянки терраса имеет нормальную высоту (11 м). Культурный слой залегает на глубине 3 м в толще коричнево-серого суглинка и приурочен к нижней части уровня с большим количеством включений белоглазки. Пылевой анализ толщи, вмещающий культурный горизонт (рис. 10), показал, что здесь господствует пыльца травянистых растений (до 60%).

Анализ гранулометрического состава вмещающей толщи (рис. 9) дает следующие результаты: на глубине 0,6 м от поверхности частиц фракции менее 0,01 мм содержится 73,2%, а на глубине 3,2 м их количество остается больше 60%. Содержание фракции 0,05—0,01 мм в этой части толщи невелико — не более 16,4%, тогда как частицы фракции 0,5—0,25 мм содержится свыше 4%, т. е. частицы этой фракции значительно больше, чем в нижних частях толщи террасы.

Таким образом, глубина залегания культурного слоя и приуроченность его к нижней части уровня с белоглазкой, а также характер пылевого и гранулометрического анализов вмещающей толщи показывают, что культурный слой стоянки относится к верхней части толщи 1-й надпойменной террасы и по условиям залегания близок к положению таких памятников 1-й надпойменной террасы, как Костенки III, а возможно, и Костенки I.

Никаких очевидных следов нарушения или переотложения в культурном слое стоянки Костенки XIX не обнаружено, а присутствие мощного хорошо локализованного очага с отводной канавкой говорит о том, что культурный слой здесь находится в первичном залегании. Примечательно, что, несмотря на отсутствие следов пола культурного слоя — изменения его уровня окраски вмещающего суглинка, все же наблюдаются измене-

¹ Г. И. Лазуков. Природные условия эпохи верхнего палеолита в Костенко-ско-Боршевском районе. СА, 1957, № 3.

10. Геологический разрез и спорово-пыльцевые диаграммы отложений 1-й надпойменной террасы Дона. Стоянка Валукинского (Костенки XIX).

1 — пыльца древесных пород; 2 — пыльца трав и кустарников; 3 — споры; 4 — пыльца злаков; 5 — пыльца разнотравья; 6 — пыльца лебедовых; 7 — пыльца полевых; 8 — гумусовый горизонт современной почвы; 9 — суглинок серо-коричневый с белоглазкой; 10 — культурный слой.

оставе суглинка в данном месте. Об этом можно судить по гранулометрическому составу. Просматривая кривые различных фракций, мы видим, что именно на уровне культурного слоя происходит взаимосвязанное изменение хода кривых. Так, содержание фракции менее 0,01 мм выше и ниже культурного слоя равно 64%, а на уровне культурного слоя оно увеличивается почти до 69%. С другой стороны, содержание фракции 1 мм выше и ниже культурного слоя равно 0,6%, а на уровне культурного слоя оно снижается до 0,2%. На уровне культурного слоя также уменьшается содержание следующей по крупности фракции (1—0,5 мм) с 0,9—1 до 0,5%. Такое увеличение мелкозернистости суглинка, скорее всего, связано с тем, что в этом месте жил человек, и, возможно, указывает на следы слабых почвообразовательных процессов, в результате чего произошло обогащение пороглинистыми частицами.

На стоянке Костенки XIX человек поселился в заключительный период формирования террасы, когда ее поверхность лишь периодически заливалась рекой, оставлявшей здесь тонкозернистые пойменные отложения.

Спорово-пыльцевые анализы, произведенные в отложениях 1-й надпойменной террасы у стоянки Костенки XIX, не показывают резких изменений: все спектры характеризуются подавляющим господством пыльцы

Спорово-пыльцевые анализы отложений 1-й надпойменной террасы р. Дона (Костенки XIX)

Показатели	№ образца											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	глубина взятия образцов в метрах											
	0,6	0,9	1,15	1,40	1,65	1,90	2,15	2,40	2,65	2,85	3,10	3,20
Количество подсчитанных пыльцевых зерен и спор	488	7	58	68	13	63	32	37	47	53	56	72
Общий состав пыльцы и спор:												
пыльца древесных пород	11%	—	8%	8%	1*	6%	2*	3*	13%	22%	11%	11%
пыльца трав и кустарничков	75%	7*	84%	91%	9*	85%	27*	34*	74%	61%	89%	82%
споры	14%	—	8%	1%	3*	9%	3*	—	13%	13%	—	7*
Пыльца древесных пород:												
Picea (ель)	3%	—	—	1*	—	4*	—	—	—	3*	—	1*
Pinus (сосна)	7%	—	3*	1*	1*	2*	2*	2*	3*	4*	4*	5*
Alnus (ольха)	14%	—	1*	1*	—	—	—	—	—	1*	—	—
Betula (береза)	70%	—	—	3*	—	2*	—	—	—	3*	2*	2*
Quercus гобш (дуб черешчатый)	6%	—	—	—	—	—	—	1*	—	—	—	—
Carpinus (граб)	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Tilia (липа)	+	—	—	—	—	—	—	—	3*	—	—	—
Corylus (орешник)	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Пыльца трав и кустарничков:												
Ericaceae (вересковые)	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Gramineae (злаки, дикорастущие виды)	8%	—	16%	30%	1*	4%	1*	5*	12%	3*	12%	20%
Cyperodiaceae (лебедовые)	12%	1*	40%	43%	5*	59%	17*	14*	45%	11*	32%	22%
Artemisia (полынь)	42%	—	14%	10%	1*	17%	1*	7*	16%	10*	12%	22%
Compositae прочие (сложно-цветные)	26%	4*	22%	9%	—	7%	3*	2*	26%	6*	32%	12%
Rumex sp. (щавель)	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Umbelliferae (зонтичные)	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Malvaceae (мальвовые)	2%	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Polygonaceae (гречишные)	—	—	—	—	—	2%	2*	5*	—	—	—	2%
Statice (кермек)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Saurorhynchaceae (гвоздичные)	1*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Nymphaeaceae (нимфейные)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2%
неопределенные	9%	1*	8%	8%	2*	11%	4*	1*	—	—	12%	20%
Споры:												
Brachiales (зеленые мхи)	7%	—	2*	—	1*	4*	2*	—	3*	3*	—	2*
Sphagnales (сфагновые мхи)	—	—	—	—	2*	—	—	—	—	—	—	1*
Luscorodum clavatum L. (плауны)	23%	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Polyodiaceae (папоротники)	70%	—	2*	1*	—	1*	1*	—	3*	4*	—	2*
Equisetaceae (хвощи)	+	—	—	—	—	1*	—	—	—	—	—	—
Дочетвертные пыльца и споры	10*	—	—	4*	2*	2*	5*	—	2*	—	1*	21*

равянистых растений (см. таблицу и рис. 10). Вместе с тем состав пыльцы растений не всюду в разрезе одинаков.

Верхний, гумусовый горизонт определен по одному образцу из нижней части, с глубины 0,6 м от поверхности. Несмотря на преобладание пыльцы травянистых растений, в анализе отмечены вполне очевидные лесные элементы — пыльца широколиственных пород, ели, споры плаунов и папоротников. Состав пыльцы широколиственных пород довольно разнообразен. Встречена пыльца дуба, липы, граба и орешника — обычного кулгарника широколиственных лесов. Наличие пыльцы дуба до 6% от общего количества пыльцы древесных пород показывает, что в этот поздний период, когда образовался верхний горизонт террасы, дубравы существовали в окрестностях с. Костенок. Но по общему составу спектра и малому значению в нем пыльцы широколиственных пород выясняется, что леса не имели сплошного распространения и, вероятно, находились на некотором расстоянии от Дона. Ландшафты этого времени носили характер южной лесостепи.

Судя по данным анализов из нижележащего коричнево-серого пористого суглинка, появлению лесостепи предшествовали степи с обилием ксерофитов. В этом слое пыльцы древесных пород меньше, чем в первом горизонте: содержание ее не превышает 6—8% от общего состава пыльцы и спор; но и это небольшое количество может быть объяснено дальним ветровым заносом. Для спор папоротников и сфагноума существует периодическая встречаемость единичными зернами. Их наличие можно отнести к явлениям локального порядка — в связи с близостью реки.

Для этого слоя весьма характерно обилие пыльцы лебедовых. Она занимает среди пыльцы других трав первое место и достигает 40—59% ее общего количества. В двух образцах обнаружена пыльца кермека — растения, типичного для засушливых степей.

Все это говорит о том, что формирование верхней части 1-й надпойменной террасы происходило в условиях сухого континентального климата. В этот период в окрестностях Костенок были распространены открытые безлесные ландшафты с ксерофильной растительностью.

На уровне культурного слоя вновь намечается некоторое увеличение содержания пыльцы древесных пород (за счет, главным образом, ели и осины) и спор папоротников. Несмотря на недостаточно полные статистические подсчеты, увеличению роли лесных элементов следует придавать значение еще и потому, что оно совпадает с уменьшением пыльцы лебедовых, происходящим, главным образом, в связи с более широким распространением злаков. Вероятно, этот период отличался от последующего большей влажностью климата.

Можно предполагать, что человек поселился у берега Дона невысоко над уровнем реки; это подтверждается находками пыльцы водных растений в культурном слое.

Таким образом, результаты пыльцевых анализов отложений на месте стоянки в целом показывают, что в период формирования верхней части 1-й надпойменной террасы преобладали открытые пространства. Но, как видно из анализов, природные условия в период обитания стоянки были сравнительно мягче, чем в последующее время.

А. Д. СТОЛЯР

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ АЛИМОВСКОГО НАВЕСА В КРЫМУ

(Предварительное сообщение)

Одним из новых мезолитических памятников юго-западного Крыма является пещерная стоянка в Алимовской балке, на правом берегу р. Ка вблизи с. Баштановки Бахчисарайского района. Она была открыта в густе 1952 г. Палеозоологической экспедицией ЗИН АН СССР, возглавляемой И. М. Громовым, и тогда же разведана А. А. Формозовым, установившим наличие двух культурных слоев с предположительной датировки кизил-кобинским и неолитическим временем¹.

В 1956 г. Баштановским отрядом археологической экспедиции (начальник — П. Н. Шульц) Крымского филиала АН УССР были осуществлены раскопки Алимовского навеса².

Навес расположен на северной оконечности узкого скального мыса, входящего в верховье балки, при ее разветвлении на два отвершка. Просторный и сухой, защищен от дождей высоким сводом. Площадка навеса по форме приближается к сегментовидной, с выпуклой дугой, обращенной к скале. Ее наибольшая длина (вдоль наружного края, проецирующая в целом очертания внешней кромки свода) составляет около 50 м при максимальной ширине в средней части до 15 м.

Именно здесь был заложен раскоп, доведенный последовательными прирезками до общей площади в 80 кв. м и углубленный на отдельных участках до 3—4 м от поверхности. При этом ни в одной точке не было достигнуто скальное дно, которое, судя по высокому конусу выноса у основания мыса, по-видимому, лежит на большой глубине. Точно так же в исследованной осталась, вероятно, значительная погребенная южная часть навеса; верхние горизонты отложений здесь вскрыты на площади всего 8 кв. м.

Как и следовало ожидать, стратиграфия навеса оказалась сложной, значительно видоизменяющейся на разных участках, а распространение большинства слоев, — и стерильных, и культурных, — носило локальный

¹ А. А. Формозов. Исследование стоянок каменного века в Крыму в 1952 г. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 67—69.

² Отряд состоял из автора статьи и сотрудника отдела истории и археологии Крымского филиала АН УССР А. А. Щепинского, который одновременно изучал обнаруженные на соседнем плато каменные погребальные ящики. Работы велись с перерывами — с конца октября 1955 г. по конец февраля 1956 г. В их финансировании принимал участие Бахчисарайский историко-археологический музей.

ракти. Наибольший интерес представляла средняя колонка осевого разреза, которая характеризовалась такой последовательностью напластований:

Слежавшийся темно-бурый кизяк с отдельными находками (преимущественно татарского времени). Мощность — 0,03—0,08 м.

Перегоревший розоватый гумус с включениями щебенки. Смешанные материалы средневекового и кизил-кобинского времени. Мощность — 0,1—0,18 м.

Крупная серовато-белая щебенка. Мощность — 0,35—0,5 м.

Мелкая серовато-белая щебенка. В верхней части окрашена золой культурного слоя (верхнего тарденуазского). Мощность — 0,2—0,3 м.

Очень мелкая серовато-желтая щебенка. На двух уровнях расчленяется линзами II (среднего тарденуазского) и III (нижнего тарденуазского) культурных слоев. Мощность — 0,6—0,8 м.

Плотная рыжая глина с отдельными обломками плит. Остатки культуры азиальского времени (IV слой). Мощность — до 1 м.

Плотная зеленовато-серая глина. Прокопана на 1 м.

Основной результат исследования Алимовского навеса — выявление четырех культурных слоев мезолитического периода, из которых три (I—III) относятся к разным фазам тарденуаза, а самый ранний (IV) — к азию. Ниже приводится их краткая характеристика.

Верхний тарденуазский слой (I). Связан с угольно-золой линзой кострищ, вытянутой с востока на запад и достигавшей в ширину 1,2—1,4 м при мощности до 0,15—0,2 м. Линза размещалась в восточной части раскопа и продолжалась далее в том же направлении — на участок, еще не вскрытый раскопками.

Какие-либо конструктивные детали (очаги и т. п.), а также закономерности планировки не установлены.

В кремневом инвентаре преобладают трапеции (91 экземпляр). В массе они крупные, обычно с пологой ретушью по боковым сторонам (рис. 11—4). Особо следует отметить среди них прообразы формы с частично струганной спинкой (рис. 11—5—7). Большинство трапеций несет характерные следы употребления — в виде выломов, плоских струйчатых заломов или микрорезцовых сколов на острых углах (рис. 11—8—11). Подобная специфическая соотношенность вряд ли позволяет отнести их к оснащению метательного вооружения. Вероятнее, они были орудиями труда (возможно, для обработки дерева).

Очень немногочисленны сегменты (7 экземпляров), относящиеся к поздней типологической форме — с подработанной вершиной (рис. 11—2—14). Три из них также имеют повреждения, аналогичные наблюдавшимся на трапециях.

Из других изделий следует упомянуть призматические нуклеусы (3 экземпляра; рис. 11—15), скребки на сечениях пластинок (3 экземпляра; рис. 11—16, 17), ножевидные пластинки (изредка с краевой ретушью) (т. п.).

Датировка слоя первоначально вызывала некоторые колебания — от позднего тарденуаза до раннего неолита. Правильнее будет датировать его поздним тарденуазом, так как керамики в этом комплексе нет, а двусторонне обработанная заготовка вкладыша (рис. 11—18), которая могла служить наиболее важным аргументом в пользу раннего неолита, изготовлена из иного кремня, чем основная масса орудий слоя, и, вероятно, проникла сверху, из перекрывающего горизонта серовато-белой крупной щебенки.

В кухонных отбросах слоя представлены кости следующих животных: лошади (17/152)³, свиньи (16/121), оленя (6/9), волка (5/7), сайги (4/4), лиса (2/3), овцы — козы (2/2), зайца (2/2), птиц (12 костей).

³ Числитель обозначает минимальное число особей данного вида, знаменатель — число представляющих его опознанных костей. Фаунистические определения принадлежат И. М. Грому.

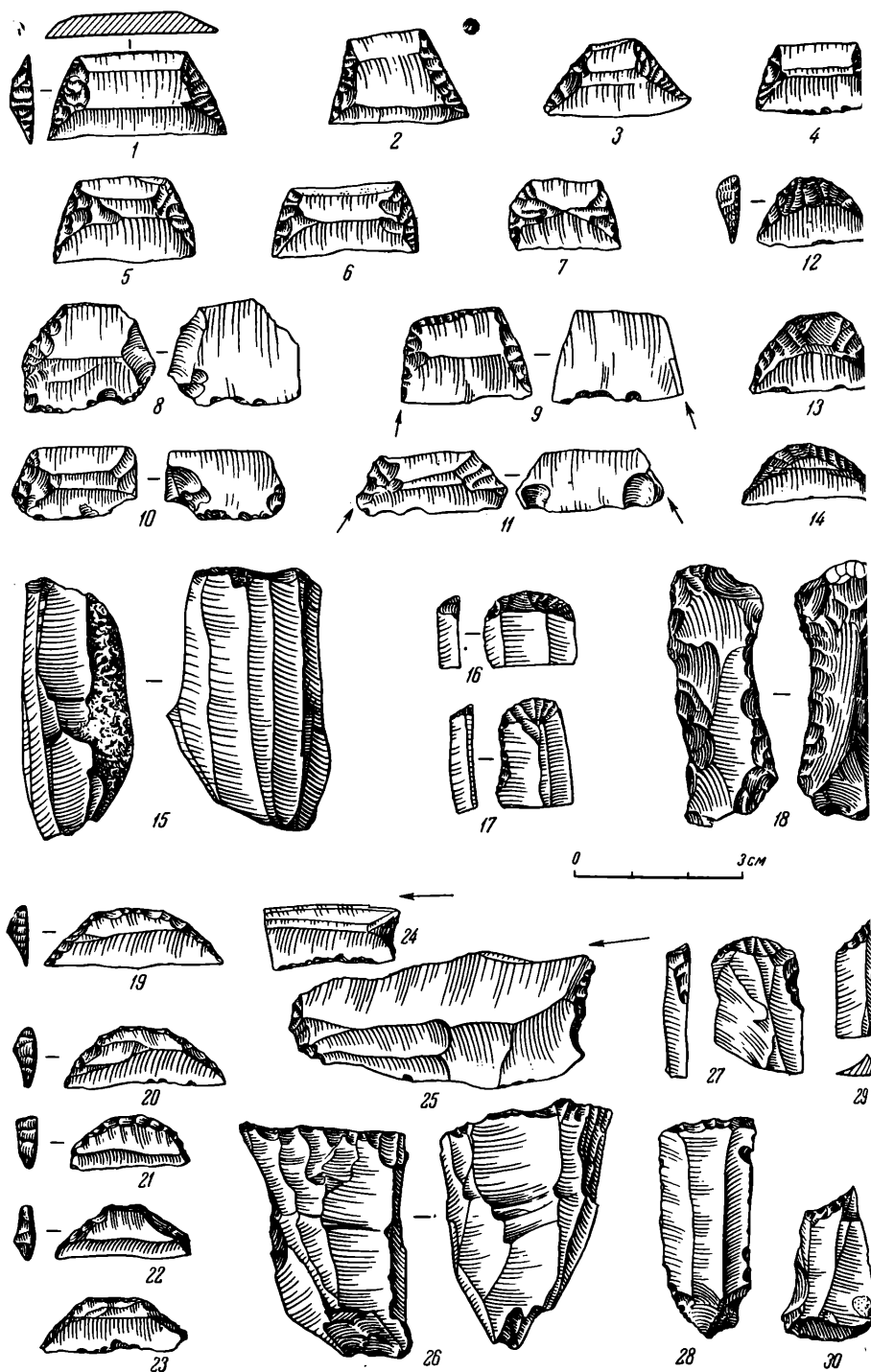

Рис. 11. Орудия верхнего (1—18) и среднего (19—30) тарденуазских слоев

1—4 — трапеции; 5—7 — трапеции с частично струганной спинкой; 8—11 — трапеции со следами производственного износа; 12—14 — сегменты с подработанной вершиной; 15 — нуклеус; 16, 17 — скребки; 18 — заготовка вкладыша; 19—21 — сегменты; 22, 23 — трапеции; 24 — боковой резец; 25 — резец-скребок; 26 — нуклеус; 27, 28 — скребки; 29 — пластинка со скошенным краем; 30 — проколка

Средний тарденуазский слой (II). Располагался примерно на том же участке, что и предшествующий, но ниже его на 0,25—0,28 м. Он также маркировался зольным пятном, в этом случае — очень тонким (мощностью до 0,03—0,04 м). Угольно-золистая линза оконтурилась в виде вытянутого с востока на запад овала (длина — 2,85 м, ширина — до 0,9 м). Скопление золы было обрамлено гумусированным пятном буровато-фиолетового цвета, толщиной до 0,03 м⁴. Площадь, занятой отложениями золы и гумусированным пятном, достигавшей в сумме ширины в 1,8—2 м, ограничивалось распространение археологических материалов этого комплекса, свидетельствующего о недолговременном заселении навеса.

В этом слое, в целом гораздо более бедном находками, чем верхний, сегменты (12 экземпляров; рис. 11—19—21) численно преобладали над трапециями (5 экземпляров) и треугольниками (3 экземпляра). Все микролиты значительно архаичнее описанных выше и не связываются с ними прямым типологическим переходом. Трапеции небольших размеров изготовлены с помощью крутой, относительно высокой ретуши, которая у 3 изделий продолжается по линии меньшего основания (рис. 11—22, 23). Большая часть микролитов либо поломана, либо повреждена в разной степени при их производственном использовании.

Из других форм орудий представлены пластинки со скошенным краем (3 экземпляра; рис. 11—29); скребки (6 экземпляров) — на укороченных пластинках (рис. 11—28) и их сечениях (рис. 11—27); два боковых резца (рис. 11—24) и один комбинированный резец-скребок (рис. 11—25); сработанные довольно грубые подпризматические нуклеусы (6 экземпляров, рис. 11—26); проколка (рис. 11—30).

Фаунистическая коллекция также, по-видимому, подтверждает кратковременный, охотничий характер этого стоябища (коза — овца — 6/20), лошадь — 2/8, косуля — 2/5, сайга — 2/4, свинья — 1/1).

Нижний тарденуазский слой (III). Оказался смещенным к западу относительно жилых площадок I и II горизонтов и, как можно судить по западной стенке раскопа, продолжался далее в том же направлении на участок, оставшийся нераскопанным. Стратиграфически этот слой связывался, главным образом, с лежавшей в основании мелкой, серовато-желтой щебенки зольной линзой, сложившейся из многочисленных кратковременных кострищ. Местами материалы этого слоя встречались несколько выше.

По мере выклинивания зольной линзы в глубину, число археологических и фаунистических находок резко уменьшалось. Но все же они продолжались и ниже — в верхней части подстилающей рыжеватой щебенки при переходе к мощной полосе рыжей глины. Следует поэтому разделить коллекцию на 2 группы: основную (верхнюю), связанную с собственно кострищами, и более бедную (нижнюю), по-видимому, несколько более раннюю по времени.

В основной группе наиболее характерной формой являются сегменты (32 экземпляра; рис. 12—1—4), из которых подавляющее большинство (24 экземпляра) поломано или несет признаки производственного употребления и износа. Дуга сегментов оформлена крутой ретушью, которая в 3 случаях нанесена с двух сторон (рис. 12—3). На одиночном сегменте имеется ретушь у одного угла по линии хорды, формирующая черенок (наконечник стрелы?) либо рабочий конец проколки (рис. 12—5). Трапеции (3 экземпляра; рис. 12—7, 8) — небольшие, грубые и архаичные по форме — частично, как и треугольники (рис. 12—6), несут следы утилизации. Из 10 скребков пять изготовлены на сечениях укороченных пластинок,

⁴ Аналогичная картина наблюдалась в азийском слое Замиль-Кобы 1 (Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Замиль-Коба № 1. Труды ГИМ, вып. VIII. М., 1938, стр. 12).

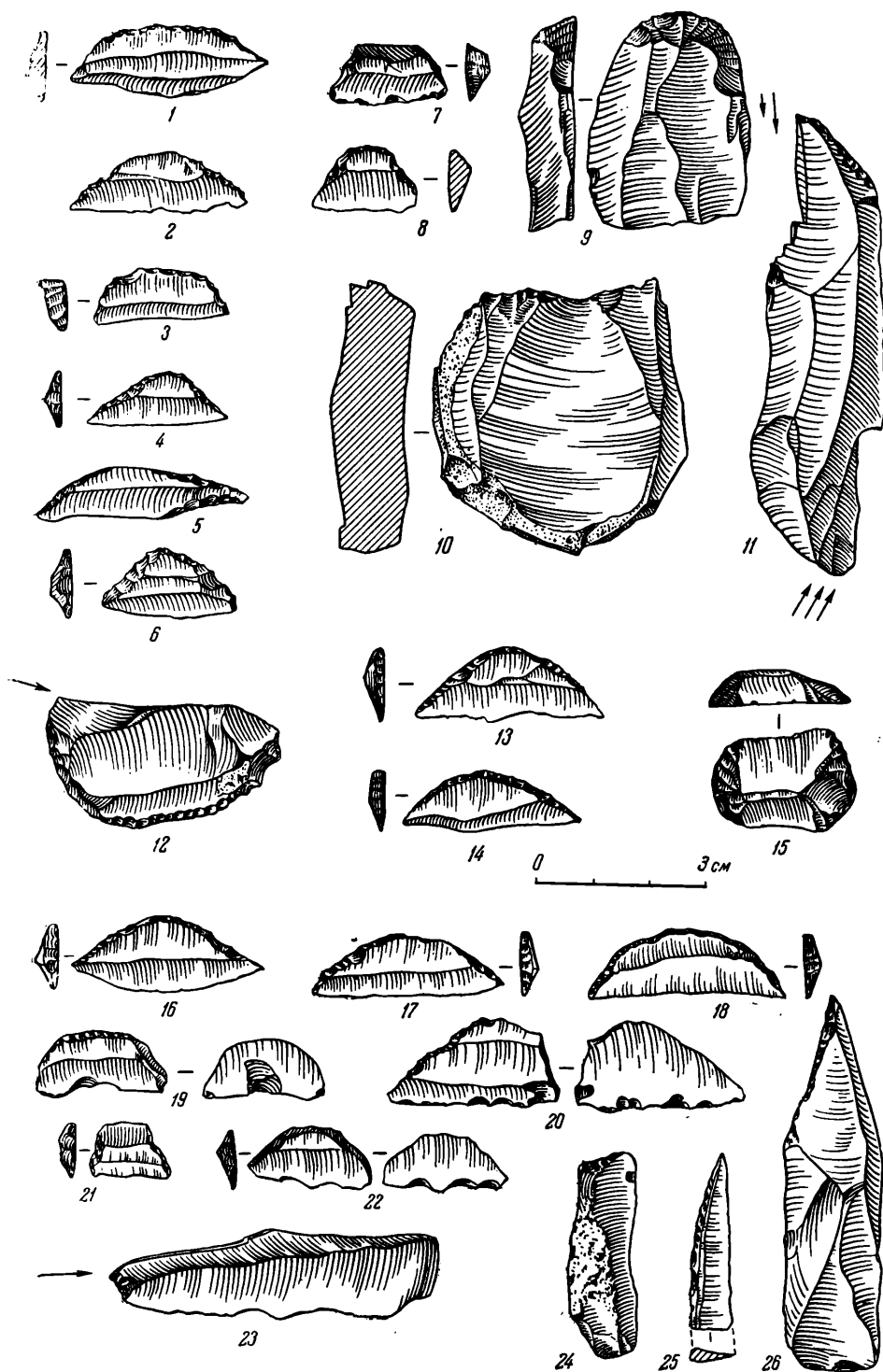

Рис. 12. Орудия из нижнего тарденуазского (основной горизонт 1—11; основание 12—15) и азильского (16—26) слоев

1—4 — сегменты; 5 — сегмент с ретушированным концом; 6 — треугольник; 7, 8 — трапеции; 9 — скребок; 10 — нуклеус; 11 — двойной резец; 12 — боковой резец; 13, 14 — сегменты; 15 — двойной скребок; 16—18 — сегменты; 19 — сегмент со следами употребления; 20 — треугольник; 21, 22 — трапеции; 23 — боковой резец; 24 — пластинка со скошенным краем; 25 — пластинка с затупленной спинкой; 26 — проколка

три — на таких же целых пластинках и два — на коротких и относительно широких отщепках (рис. 12—9).

К перечисленным орудиям еще следует прибавить пластинки со скошенным краем (3 экземпляра) и выемками по боковым сторонам (4 экземпляра), резцы (4 экземпляра; в том числе — наиболее крупный и массивный — двойной; рис. 12—11); нуклеусы — призматические, укороченные и грубоограниченные (4 экземпляра, один из них — уплощенный, полностью сработанный рис. 12—10); обломанный конец костяной проколки.

В нижнем горизонте найдены 16 сегментов (рис. 12—13, 14), в массе несколько более крупных, чем предыдущие, и также в подавляющем большинстве (13 экземпляров) поломанных и сношенных; 3 скребка (один — двойной; рис. 12—15); 2 пластинки со скошенным краем; боковой резец (рис. 12—12) и т. п.

К фауне всего III слоя в целом относятся: свинья (14/27), сайга (12/27), кося (9/16), олень (6/11), коза — овца (5/27), бык (2/2) и лошадь (1/1). Из ихтиофауны В. Лебедевым определен судак (обломок позвонка из нижнего горизонта).

При сопоставлении комплекса II слоя с основным (верхним) комплексом III горизонта явно бросается в глаза их типологическая близость. Оба они могут быть отнесены к первой половине тарденуаза, возможно, к его самому началу, а небольшая коллекция из нижней части III слоя, вероятно, должна быть приурочена к переходу от азиля к тарденуазу.

Азильский слой (IV). Связан с мощной полосой коричневатожелтой глины. Этот слой имел совершенно отличный от верхних культурных горизонтов (I—III) облик и характеризовался, главным образом, отдельными, рассеянными на всей его раскопанной площади (40 кв. м) и на разных глубинах, находками кремня и колотых костей животных. Уже это обстоятельство говорит об ином характере использования навеса человеком в азильское время, чем в более позднее.

Наибольшее число кремней и сравнительно с ними несколько более многочисленные кухонные отбросы приходились на горизонт, который лежал на глубине от 2,1 до 2,4 м на площади самых южных квадратов, примыкающих к основанию свода навеса. Здесь же расчищены остатки единственного кратковременного кострища — небольшое овальное пятно золы (оси — 0,4 и 0,6 м) мощностью до 0,04—0,06 м.

Из собранных в слое 106 кремней следует отметить следующие орудия: сегменты (5 экземпляров; рис. 12—16—18) — крупные, иногда с признаками производственной сработанности (рис. 12—19); треугольник (рис. 12—20); две небольшие (как и треугольник, с признаками утилизации) трапеции (рис. 12—21, 22), из которых у одной (рис. 12—22) легкая ретушь продолжается по линии верхнего основания; грубый резец бокового типа (рис. 12—23); две аморфные пластинки со скошенным краем (рис. 12—24); острый конец узкой ножевидной пластинки с затупленной спинкой (рис. 12—25); проколка на грубо ограниченной длинной пластинке рис. 12—26); трехплощадочный нуклеус и т. п.

В фауне слоя (сайга — 15/34, лисица — 7/14, свинья — 6/9, олень — 5/5, кося — 3/8, бык — 2/6, коза — овца — 1/4, заяц — 1/1) основное место занимали типичные промысловые виды животных крымского мезолита, что также подтверждает эпизодическое и очень кратковременное использование навеса в азили отдельными группами охотников. Кроме того, из тех же кухонных остатков происходят обломок нижней челюсти и позвонки проходного лосося, достигавшего длины 0,6—0,7 м (определение В. Лебедева).

В раскопках, благодаря просеиванию земли, была собрана коллекция микрофауны из погадок филина и неясны. Она состоит из 5630 определенных единиц. И. М. Громов пришел к выводу, что эти тафономические мате-

риалы более отчетливо, чем макрофауна, показывают смену азийского открытого ландшафта более поздним, лесным. Они свидетельствуют, что в начале голоцена, наряду с вымиранием ряда плейстоценовых видов, появляются лесные формы, позволяющие предполагать постепенное потепление климата уже в ту пору при сохранении прежней влажности. Остатки рыб указывают на то, что обмеление крымских рек, вызвавшее обеднение ихтиофауны, произошло в голоцене позднее, чем предполагалось.

Раскопки Алимовского навеса позволяют также сделать некоторые общие выводы:

1. Постоянное заселение холодного навеса с тарденуаза, вероятно, может быть понято лишь в связи с развитием новых сторон в хозяйственной деятельности, а именно с предполагаемым приручением собаки и, главным образом, свиньи.

2. Верхний тарденуазский слой навеса характеризует то археологическое звено, которое непосредственно предшествует неолиту Крыма.

3. Серия микролитов со следами интенсивной сработанности вновь ставит вопрос о производственном назначении части данных изделий. Этот вопрос, по нашему мнению, может быть решен лишь экспериментальным способом — путем получения при выполнении определенных операций на кремне того снашивания, которое наблюдается на микролитах.

В. П. ЛЮБИН

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ЯВОРА

В 1956 г. в Карачаево-Черкесской автономной области производила работы совместная археологическая экспедиция ИИМК и Ставропольского краевого музея¹. Разведывательные маршруты экспедиции пролегли, главным образом, по долинам рек — Верхней Кубани и ее левых притоков — Большого и Малого Зеленчуков. Экспедиции удалось обнаружить мустьерское местонахождение близ станицы Кардоникской, следы мезолита близ хутора Важный (балка Учкулька) и станицы Усть-Джегутинской, а также неолитическую стоянку на р. Овечка в окрестностях г. Черкесска. Наиболее интересным археологическим памятником является, однако, мезолитическая стоянка Явора, открытая благодаря сведениям, полученным от жителя селения Маруха А. И. Губского.

Стоянка Явора была обнаружена еще в дореволюционное время при рытье земляных ям для выжигания древесного угля. Обилие хорошего расщепленного кремня привлекало внимание местного населения, и оно в течение многих лет навещало стоянку, пудами выбирая кремь из культурного слоя. Именно поэтому за местом, откуда выбирался кремь, прочно закрепилось название «Кремення».

Место расположения стоянки совсем недавно было густо покрыто «яворами», т. е. кленовыми деревьями, что дало второе название этому пункту — «Явора», которое мы и закрепляем за памятником.

Стоянка Явора лежит в лесистых предгорьях Передового хребта на восточном склоне чрезвычайно узкого в данном месте водораздела между долинами рек Большой Зеленчук и Хуса, в 10—12 км к юго-западу от селения Маруха. Район стоянки представляет слегка покатую площадку, покрытую мелколесьем, группами больших деревьев, густыми зарослями папоротника, малины и высокотравия.

Как показали шурфы, почти вся территория стоянки многократно перекопана добытчиками кремня: в десяти заложённых шурфах найдено только несколько кремневых отщепов и пластинок; лишь в третий, последний, день работ в восточной части площадки удалось обнаружить участок с нетронутым культурным слоем. Последний был вскрыт на площади 3 кв. м (1,5 × 2 м).

Разрез отложений в месте вскрытия следующий (сверху вниз).

Почвенный слой	0,4—0,5 м
Светло-желтый суглинок	0,4—0,5—1 м
Желтая стерильная глина	1—1,3 м

¹ Состав экспедиции: В. П. Любин (руководитель), Т. П. Холодная, В. П. Кулаков, Б. Г. Облогин, М. В. Казанкова, А. Г. Гаркуша.

Культурные остатки прослеживались с глубины 0,2 м до глубины 1—1,1 м, т. е. были приурочены к суглинку и нижней части почвенного слоя. Подавляющее большинство находок залегаало в верхней части суглинка на глубине от 0,4 до 0,7 м; эта часть культурного слоя была наиболее интенсивно насыщена мелкими угольками и комочками красной охры (?).

Шурф, обнаруживший культурные остатки *in situ*, доставил около 300 оббитых кремней, а общее количество предметов, найденных во всех шурфах, и кое-где в единичных экземплярах на поверхности, равно 332.

Изучение краевых отщепов и участков естественной корки на нуклеусах и некоторых сколах свидетельствует о том, что сырьевой материал происходит из двух источников: 1) из россыпей галечника, о чем говорит наличие на ряде предметов трещиноватой галечной корки, и 2) из мест природного залегания кремня: на значительном числе поделок сохранилась желвачная меловая корка без следов окатывания.

Сортировка материалов по признаку качества корочного покрытия дает интересное наблюдение: весь кремь с галечниковой поверхностью — цветной (серо-желтый, табачно-желтый, розовый, красноватый); кремь с желвачной коркой — голубовато-белый, сероватый. Это еще раз подкрепляет вывод о том, что древние яворцы добывали сырой материал в разных местах. В настоящее время неизвестно, где они находили галечники, содержавшие высококачественные цветные кремни. Что же касается голубовато-серого мелового кремня, то яворцы могли приносить его из обнажений Пастбищного хребта (так называемая «Меловая гряда»), где он встречается в изобилии; для этого им надо было спуститься вниз по рекам Большой Зеленчук или Маруха на 30—35 км.

Интересны такие цифры: участки не затронутой оббивкой корки сохранила одна пятая часть всех кремней, большинство которых (60%) носит не меловую, а галечниковую корку. Приблизительно в таком же соотношении находятся цветные и светло-голубоватые кремни в составе коллекции в целом. Допустимо сделать следующий вывод: преобладающий в коллекции цветной галечниковый кремь был доступнее, выходы его располагались ближе и посещались чаще.

Среди яворских оббитых кремней — 150 отщепов и осколков; 140 узких, в большинстве своем усеченных ножевидных пластин (в том числе 34 микропластинки, ширина которых варьирует в пределах 5—8 мм, толщина — в пределах 2—3 мм); 3 нуклеуса; 7 реберчатых пластин; 1 поперечный скол подживления площадки нуклеуса; 7 отщепов и пластин, подправленных кое-где ретушью; около 25 хорошо выраженных целых и поврежденных орудий. В числе орудий — 6 резцов (4 боковых, из которых один двойной и два угловых), 1 концевой скребок, 2 строгальных ножа (один — в виде обломка) и около полутора десятков кремневых вкладышей, которые, за исключением 2—3 экземпляров, фрагментированы в древности (рис. 13).

Обилие сколов с корочным покрытием, отщепов и осколков как отходов производства, наличие нуклеусов, реберчатых пластин и сколов подживления свидетельствует о том, что расщепление кремня происходило в пределах самой стоянки.

Как показали исследования, выполненные, по нашей просьбе, С. А. Семеновым, кремь расщеплялся каменными отбойниками и отжимниками. При помощи первых производилась первичная оббивка желваков и галек, завершавшаяся подготовкой нуклеусов; вторые применялись для отщепления призматических пластинок. Следы (царапины и измятость), наблюдаемые на отжимных площадках нуклеусов и пластинок, показывают, что эта операция осуществлялась посредством кремневых отжимников.

Подавляющее большинство ножевидных пластинок не носит признаков вторичной обработки; эти пластинки можно рассматривать как заготовки

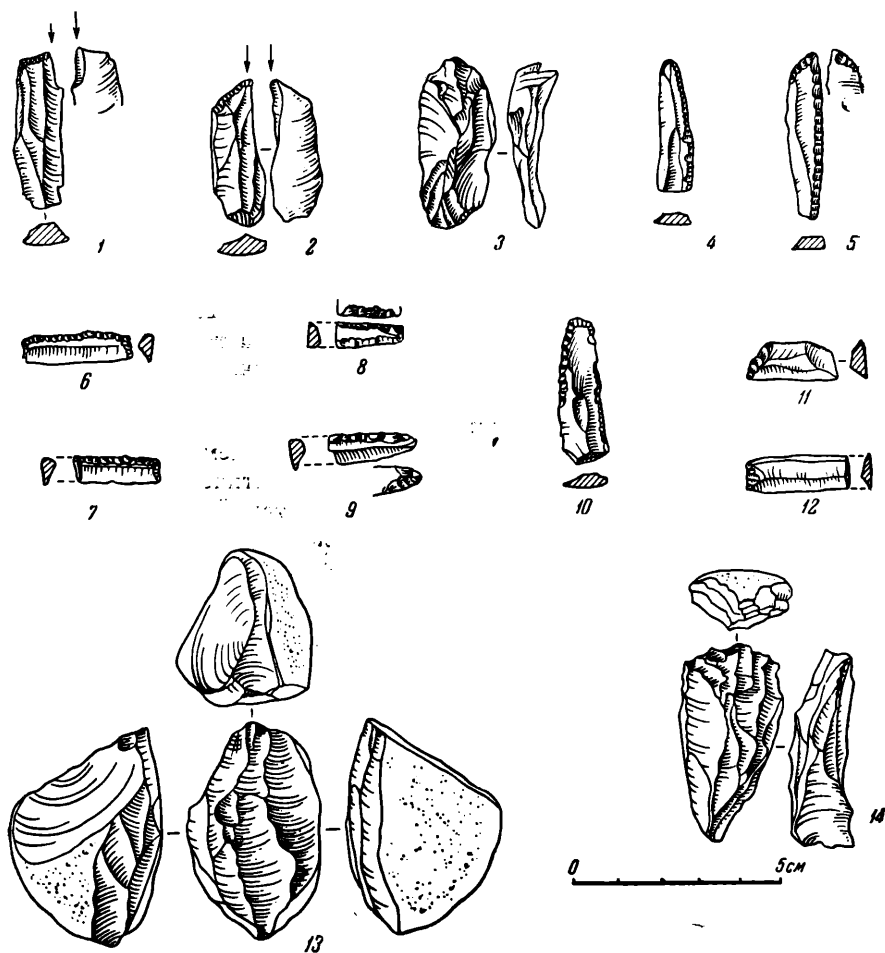

Рис. 13. Явора. Кремневые изделия

1, 2 — резцы; 3 — концевой скребок; 4, 8, 10—12 — усеченные микропластинки с ретушью и без ретуши; 6, 7 — «прямоугольные вкладыши»; 5, 9 — строгальные ножи (по С. А. Семенову); 13, 14 — нуклеус.

для вкладышей или вполне законченные изделия, которые применялись в качестве орудия без какой-либо дополнительной подправки. Их продольные лезвия имеют иногда многочисленные выщербинки — следы употребления (?) .

Небольшая группа узких, правильных и почти всегда усеченных пластинок характером обработки напоминает «пластинки с притупленным краем», т. е. пластинки, один продольный край которых обработан крутой, почти вертикальной ретушью. Эта ретушь нередко срезает значительную часть пластины, сокращая ее поперечник на одну треть и даже более, благодаря чему пластина получает клиновидный профиль, необходимый для употребления ее в качестве вкладыша. Такого рода вкладышами оснащались боевые части копий, а также ножи и кинжалы из кости и дерева.

Обработка большинства яворских «пластинок с притупленным краем» не ограничивается, однако, ретушированием одного продольного лезвия; некоторые экземпляры имеют подправленные таким же образом торцы (поперечные края) и, как показали наблюдения, произведенные при помощи

бинокулярной лупы С. А. Семеновым, исключительно тонко обработанно микроретушью второе продольное лезвие. Такие изделия мы выделяем по названием «прямоугольные вкладыши» (рис. 13—6, 7).

С. А. Семенову удалось обнаружить на двух поделках следы использования, которые документируют употребление этих кремней в качестве строгальных ножей (рис. 13—5, 9). По расположению линейных следов видно, что строгание производилось движениями «на себя». Ножи эти, как и резцы, по предположению С. А. Семенова, употреблялись для изготовления костяной и деревянной оправы с пазами для вкладышевых орудий.

Яворский комплекс каменных изделий в целом носит мезолитический облик (характер расщепления камня, крайнее «измельчение» размеров кремней, расщепление пластин для изготовления вкладышей, приемы вторичной обработки); однако в нем, несмотря на то, что найдено несколько сот предметов, совершенно отсутствуют типичные микролиты геометрических форм — изделия, наиболее показательные именно для эпохи мезолита; зато присутствуют «пластинки с притупленным краем» — форма более характерная для верхнего палеолита, чем для мезолита. Не находят аналогий среди кавказских верхнепалеолитических и мезолитических материалов и вкладыши прямоугольных очертаний. Последние, впрочем, встречаются в верхнепалеолитических комплексах Франции (грот Лакоста), Чехословакии (Квица) и Русской равнины (Пушкари I, Костенка IV), в позднемезолитических и неолитических комплексах Палестины (натуфийская культура), Маньчжурии², Волго-Окского района (стоянка Елин Бор)³.

Поэтому изложенное допускает лишь самую осторожную, предварительную датировку памятника концом верхнего палеолита — ранним мезолитом. Необходимо будет, раскопав стоянку Явора на большей площади и оперируя большим фактическим материалом, снова рассмотреть вопрос о возрасте памятника.

² Е. Е. Ларичев. Новые материалы с неолитических поселений около станции Ананци (Дунбэй). Сообщение на секторе палеолита ИИМК 15 февраля 1957 г.

³ В последних случаях налицо, однако, более развитые приемы вторичной обработки.

В. И. МАРКОВИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В АРГУНСКОМ УЩЕЛЬЕ
В 1958 ГОДУ

Перед Северокавказской археологической экспедицией (руководитель — Е. И. Крупнов) стоит задача планомерного изучения памятников Чечено-Ингушской Автономной Республики, в том числе монографическое исследование древностей Аргунского ущелья — территории, сыгравшей важную роль в историческом и культурном развитии чеченского народа.

Аргунский отряд¹ проводил свои работы у селения Асланбек-Шерипово, Советского района, где еще в 1956 г. были обнаружены археологические памятники². Произведены также разведочные работы по верховьям рек Чанты-Аргуну и Шаро-Аргуну.

В 1,5 км к северо-востоку от селения Асланбек-Шерипово, у дороги в селение Хал-Калой (в 3—3,5 км от него), близ каньона речки Хьер-ыл, найдены остатки жилого комплекса эпохи бронзы. В раскопе на глубине 1,4—1,5 м обнаружили большое количество пережженной глиняной обмазки, угольные пятна, сохранившие структуру не очень толстых бревен, и завалы камней. В плане сооружение (сильно потревоженное дорогой) — прямоугольной формы, длиной 6 м. Обилие дерева и обмазки позволяет предположить, что постройка была турлучной. Помещение делилось каменной перегородкой на две части — западную и восточную. В западной половине сохранились остатки очага в виде углубления, дно которого было уложено небольшими камнями. Незначительные размеры очажной ямы (0,28 × 0,2 м) позволяют предполагать здесь нечто наподобие мангала. Вокруг очага обнаружены пережженные кости и обломки грубой черноглиняной керамики. Крупный камень, находившийся у очага, вероятно, предназначался для сидения. Все сооружение было укреплено каменной вымосткой, служившей одновременно полом. Отдельные конструктивные детали жилища («лежанки», очаг) находились на разном уровне, на что указывают находки костей животных, керамики, отдельных предметов, обнаруженных на глубине от 1,5 до 2 м.

На территории жилья найдены отбойник из плотной коричневой известковистой породы (рис. 14—1), кварцитовый пест-терочник, две каменных

¹ Начальник Аргунского отряда — В. И. Марковин; сотрудники — И. Я. Карлюк, А. И. Лаврищева, Д. В. Седов, Б. В. Сушко, А. Ф. Петраш, Р. Н. Гончарова, М. Муртаева, М. Ошаев, А. Ганжуев.

² Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа. СА, 1958, № 3, стр. 97 и сл.

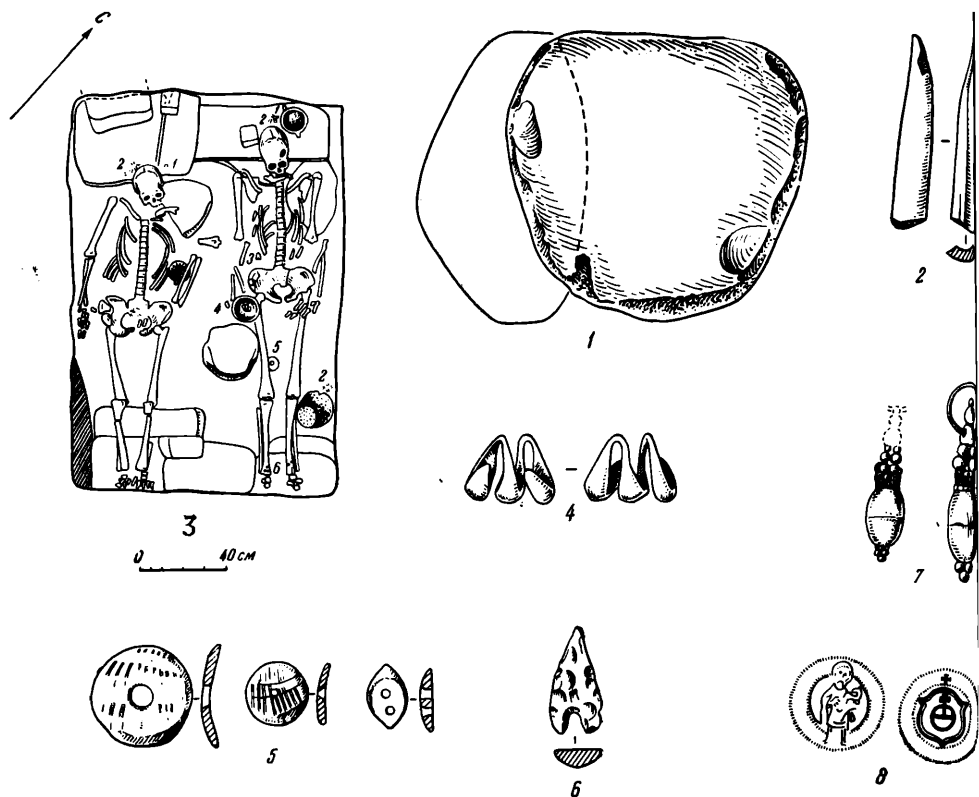

Рис. 14. Материалы из памятников эпохи бронзы и средневековья у селения Асланбек-Шерипово в ущелье р. Аргун

1, 2 — отбойник и костяная проколка из жилого комплекса эпохи бронзы; 3 — погребение мужчины-воина и женщины на дне склепа могилы № 7 (могильник эпохи бронзы); 4—6 — предметы из могилы № 7, 8 и 1 (височная подвеска, плоские бусы из морских каспийских раковин, кремневый наконечник стрелы); 7 — серебряные серьжки из погребения девочки, XVI—XVII вв.; 8 — тип монет, найденных в погребении девочки, XVI—XVII вв. (avers и revers).

поделки со следами сколов и заглаженности, костяная проколка (рис. 14—2). Инвентарь имеет ранний облик. Преобладание костей коровы над костными остатками других животных³ напоминает подобное соотношение костей на Долинском поселении у г. Нальчика⁴, что также указывает на раннюю дату данного комплекса. Ориентировочно этот памятник можно датировать довольно ранней порой эпохи бронзы.

В 3 км к северо-западу от селения Асланбек-Шерипово, в 200—250 м к западу от средневековой башни, исследовался грунтовой могильник эпохи бронзы — Гатын-Кале, открытый нами в 1956 г. Здесь в 1957 г. вскрыты 4 погребения, в сезон 1958 г. — еще 11 могил⁵. Захоронения взрослые совершались в склепах, впущенных в щебнистый грунт; детские костяки покоились в сооружениях, близких каменным ящикам. Всего исследовано 5 крупных склепов, в двух из них (могилы № 7 и 14) оказались массовые

³ Помимо костей коровы, найдены кости свиньи; единичны находки костей, принадлежащих овце и косуле. Определения любезно сделаны В. И. Цалкиным.

⁴ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское у г. Нальчика. МИА № 3, 1941, стр. 192.

⁵ Погребениям, открытым в 1957—1958 гг., придана общая нумерация.

хоронения; в склепе могилы № 9 были погребены мужчина, женщина и ребенок.

Склепы сооружались из нескольких рядов камней, положенных насухо так, чтобы их внутренние стены были ровными (неровностями наружу). Олом служил грунт. Внутренние размеры склепов варьируют от $1,3 \times 0,8$ м до $2 \times 1,5$ м при глубине в 1—1,5 м. Детские могилы (№ 10—12, 15) имели значительно меньшие размеры ($1,2—0,7 \times 0,6$ м при глубине $0,25—0,5$ м от верхнего края плит). Перекрытий могил не сохранилось. Склепы и ящики ориентированы длинной осью с северо-запада на юго-восток⁶ и расположены один за другим, образуя три довольно правильных ряда, направленных с северо-востока на юго-запад.

Костяки, как правило, лежали вдоль юго-западных стен сооружений (по длине могилы); сосуды стояли компактными группами, поэтому большая часть могилы оставалась незаполненной. Только в детском погребении № 11 скелет найден у северо-восточной стены. Взрослые были погребены вытянуто (на спине) и скорченно, дети — только скорченно. Костяки ориентировались на северо-запад, за исключением скорченного костяка в погребении № 5, обращенного головой на юго-восток. Трудно сказать, связывались ли различия в ориентировке и положении погребенных с их олом, тем более что в погребении № 7 в вытянутом положении находились скелеты и мужчины, и женщины (рис. 14—3).

Особенно интересны коллективные погребения № 7 и 14 в каменных склепах.

В погребении № 7 отдельные человеческие кости и сосуды обнаружены в склепе, на глубине 0,3—0,4 м от поверхности. С глубины 0,7—0,8 м находки костей и предметов стали массовыми; при этом создавалось впечатление, что в могилу складывались расчлененные на части трупы. Необходимо отметить, что недостающие части скелетов не были обнаружены полностью. Только на дне могилы (1,3—1,5 м) покоились два целых скелета: молодого мужчины-воина, с черепом, пробитым в лобной части, и женщины. Оба лежали вытянуто, на спине, ориентированные на северо-запад. Головы и ноги их покоились на возвышавшихся каменных плитах. Кости ног мужчины были окрашены красной охрой. Возле мужчины находились сосуды, щеп и кремневый наконечник стрелы с выемкой (рис. 14—6). У бедра — пряслицевидный предмет из кости крупного животного; вероятно, эта вещь служила булавой. Около женского костяка найдены сосуды и небольшое колечко из серебра (рис. 14—3). Всего в этом склепе обнаружены останки 12 погребенных.

В погребении № 14 не было целых костяков; здесь оказались отдельные части от 11 погребенных. Они сопровождалась обильным инвентарем. Как правило, в каждой могиле возле сосудов и черепов находились деревянные угольники.

Инвентарь из могильника довольно обилен. Сосуды изготовлены из хлосной глины; у некоторых из них на поверхности — грубая или слегка глаженная обмазка, налепные валики (рис. 15—4). Найден сосуд с налпами в виде рожек животного. Отдельные сосуды заложены и снабжены ушками энеолитического типа (в форме полушария, с выпуклыми закраинами). В погребении № 5 найден обломок мергелевой булавки. В погребении № 7, помимо указанных вещей, обнаружено удлиненное каменное орудие типа ложила. Предметы из кости немногочисленны: подвески (рис. 16—3), улавки или пряслища (рис. 16—5), проколки, игральные кости (бараньи астигалы — «альчики»; в погребении № 14 их найдено 39 экземпляров). Среди предметов из бронзы — два листовидных ножа (рис. 15—5, 6), булавки с двиконидными и валютными навершиями (рис. 15—1—3), колпачки, височ-

⁶ Склеп погребения № 14 был ориентирован с северо-востока на юго-запад, хотя и входил в общий ряд с крупными склепами.

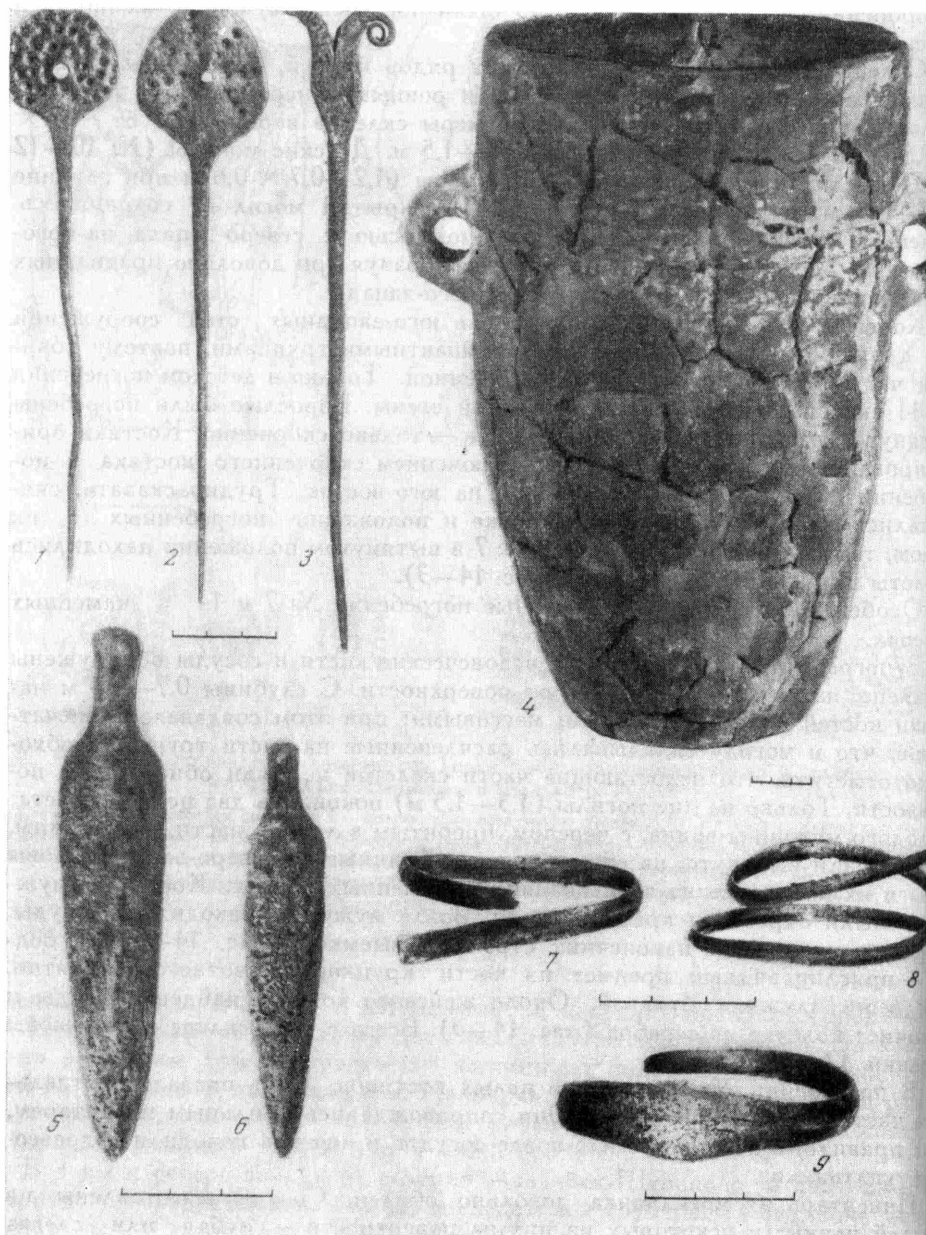

Рис. 15. Предметы из могильника Гатын-Кале

1, 2, 5, 6—9 — бронзовые булавки, ножи и браслеты из погребения № 7 в склепе; 3 — бронзовая булавка могилы № 14 (коллективное захоронение в склепе); 4 — сосуд из погребения № 9 в склепе.

ные кольца, браслеты (рис. 15—7—9), подвеска (рис. 16—4). Интерес находка в погребении № 7 бус и подвесок из крупных каспийских морских раковин [*Cardium* sp. или *Didacna trigonoides* (Pallas); рис. 14—5] мелких раковин (*Theodoxus pallasi* Lindh.)⁷. В погребениях найдены также кости коровы, овец, свиньи.

⁷ Раковины любезно определены П. В. Матекиным (Зоологический музей МГУ), что приносим ему благодарность.

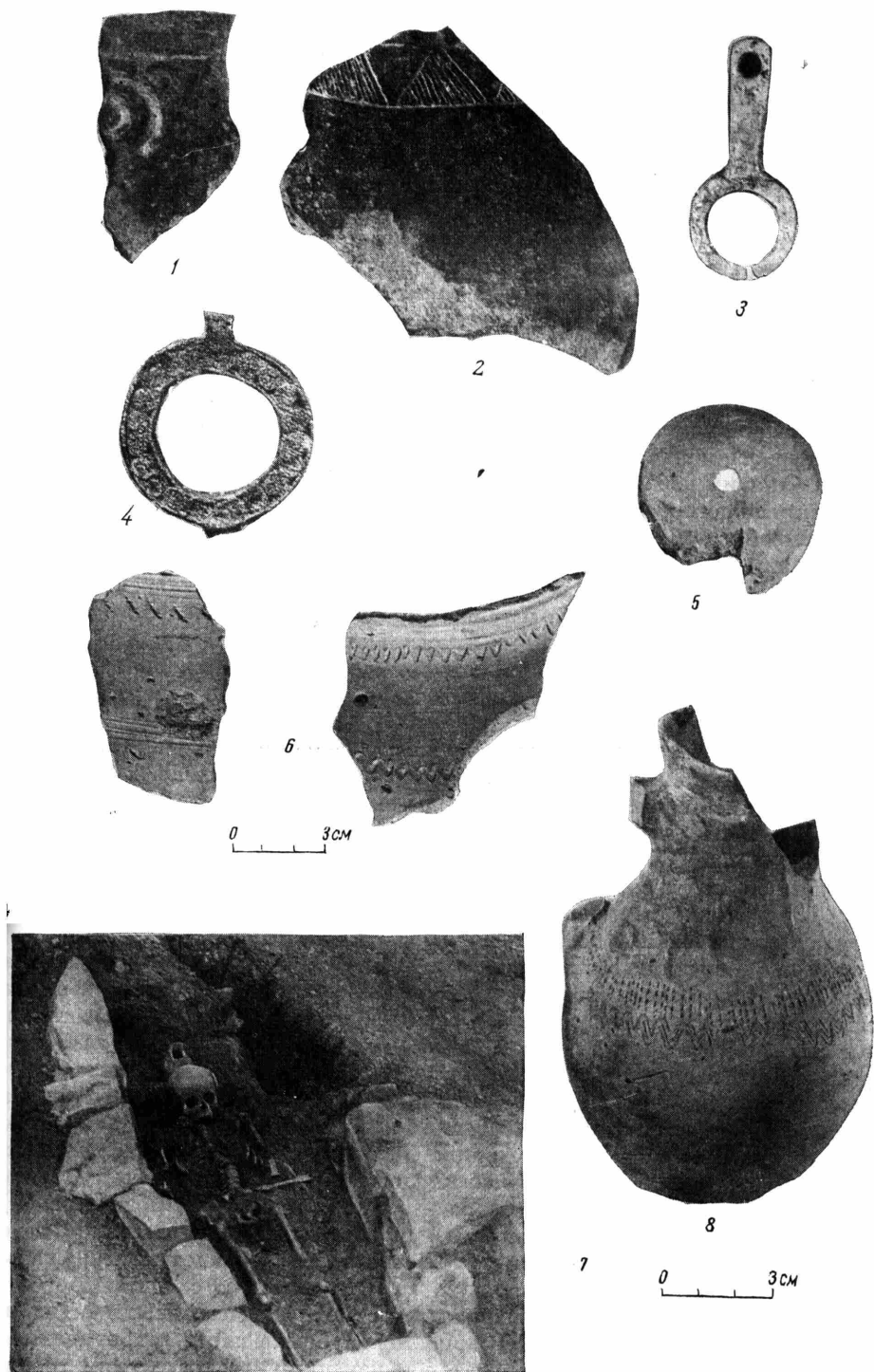

Рис. 16. Материалы из памятников эпохи бронзы и средневековья у селения Асланбек-Шерипово в ущелье р. Аргун.

1—5 — предметы из могил № 7, 8, 14 эпохи бронзы (1, 2 — керамика из могил № 8 и 14; 3 — костяная подвеска; 4 — бронзовая подвеска и 5 — костяная булава из могил № 7); 6 — керамика из раскопа у входа в средневековую башню Гатын-Кале; 7 — погребение девочки, XVI—XVII вв., с немецкими гольдгульденами; 8 — сосуд из того же погребения.

Материал могильника находит аналогии в курганах Кабардинского парка г. Нальчика, в известных могильниках у Пятигорска и Кисловодска исследованных Д. Я. Самоквасовым⁸, и во многих других. Это дает право говорить о том, что Гатын-Калинский могильник принадлежал носителю северокавказской культуры эпохи бронзы; однако он имеет ряд своеобразных черт. Керамика северокавказской культуры часто украшалась оттисками шнура; здесь же нет этого вида орнаментации, хотя надо сказать, что на керамике восточного варианта данной культуры шнур вообще встречается менее часто, чем на сосудах с других территорий. Гатын-Калинская керамика украшена редкими налепами, иногда выпуклым валиком с защипами. Последний вид орнамента, а также грубая обмазка на поверхности позволяют сближать керамику описанного могильника с керамикой как кентско-хорочоевской культуры. Однако рядом с этими, поздними по типу, формами соседствуют сосуды энеолитического облика (лощенные с ручками в виде полушария). Так, в погребении № 14 найдена керамика с выпуклым орнаментом энеолитического типа (рис. 16—17). Интересно, что в погребениях № 7, 8, 14 обнаружены фрагменты сосудов с нарезным узором, близким кобанскому (рис. 16—2). Сходны с кобанскими и височные подвески из погребения № 7 (рис. 14—4).

Таким образом, Гатын-Калинский могильник выделяется среди других памятников Северного Кавказа эпохи бронзы. Его комплексы, безусловно, окажут помощь в разрешении вопроса о происхождении каякентско-хорочоевской культуры, указывая на связи древних племен Северного Кавказа и Дагестана. Вещи, обнаруженные в могильнике, могут дать новый материал и для хронологической шкалы. В настоящее время мы склонны ориентировочно датировать открытые комплексы временем около середины II тысячелетия до н. э.

Остановимся кратко на исследованных средневековых памятниках.

Напротив селения Асланбек-Шерипово, около колхозных построек, у шоссе и рядом с каньоном речки Верды-ахк обнаружен средневековый могильник. Вскрыты два погребения, одно из которых оказалось разрушенным. На глубине 0,7 м от поверхности склона выявлена могильная обкладка из камней, положенных плашмя друг на друга, суживавшаяся к одному концу. Внутренние размеры ее — $1,4 \times 0,55$ — $0,33$ м при глубине 0,32 м. Могила ориентирована с востока на запад.

Скелет (девочки) лежал вытянуто, на спине, головой на восток (рис. 16—7). У черепа находился красноглиняный сосуд, сделанный на гончарном круге. Горло его слегка огранено, плечики покрыты точечным и волнистым узором (рис. 16—8). Там же найдены 2 подвески из монет с отверстиями, миниатюрная полусферическая бляшка с 2 отверстиями, 2 сережки тонкой работы с зернью (рис. 14—7), плоская круглая бусина из мергеля. Возле груди оказалась крупная граненая гагатовая бусина, около таза — круглые бусины из стеклянной пасты, плоские прямоугольные из гагата и многогранная сердоликовая бусина; там же находились железные туалетные шпильки. У правого бедра — обломки бронзовых браслетов (?) и круглого предмета с перекрестием и циркульным орнаментом. Около разрушенного второго погребения (у его изголовья) найден камень, напоминающий небольшой обелиск ($0,53 \times 0,21 \times 0,24$ м) со следами обработки. Вероятно, могилы при их сооружении отмечались подобными стелами.

Первая могила датируется довольно точно. Очень плохо сохранившиеся монеты серебряной бронзы⁹ относятся к немецким императорским гольдгульденам (золотым гульденам; рис. 14—8). На аверсе их чеканились изо-

⁸ Д. Я. Самоквасов. Описание археологических раскопок и собрание древностей. М., 1908, стр. 23—32.

⁹ Анализ металла монет произведен в лаборатории структурного и спектрального анализа кафедры археологии Московского государственного университета.

бражения святых Иоанна, Петра, Мартина, на реверсе — держава с крестом мальтийского типа в щите¹⁰. Такая держава изображена на портретах императоров Максимилиана II (ум. 1576 г.) и Матвея (ум. 1617 г.)¹¹. Подобные монеты известны со времени Конрада II фон Вейнсберга (1390—1396 гг.) и до Рудольфа II (1576—1612 гг.). По мнению А. А. Марковой, данные монеты принадлежат императору Рудольфу II¹², так как на реверсе сохранились следы букв ...VDO... Это позволяет датировать погребение XVI—XVII вв., учитывая вероятную длительность проникновения монет в горную Чечню. Такой датировке не противоречит и остальной инвентарь погребения (сосуд, серьги, бусы, шипчики).

Эта могила, обряд погребения в которой явно не мусульманский, подтверждает мнения Н. Семенова, А. П. Берже¹³ и др. о позднем проникновении в горную Чечню мусульманства с его религиозными обрядами. Последние работы по истории религии в Дагестане указывают на подобные факты и для этой страны¹⁴. Монеты могли попасть в Чечню в результате обмена, так как для этого времени уже установлены интенсивные связи русских купцов с народами Дагестана и Закавказья¹⁵. Привозившиеся товары, а также монеты и даже подделки их, известные для XVIII в., могли попасть и в Чечню.

Отряд изучал также древние чеченские боевые и жилые башни. Раскопками у селения Асланбек-Шерипово исследовали фундамент башни и культурный слой рядом с ней. Обнаружены строительные остатки (обломки камней и целые блоки) и керамика с волнистым орнаментом. Башня была построена на материке (щебнистый грунт); фундамент ее состоял только из одного ряда крупных камней, что и привело к перекосам и разрушению стен. Судя по керамике (рис. 16—б), близкой сосуду, обнаруженному в описанной выше могиле, башня была построена в XVI—XVII вв. Это подтверждает датировку, сделанную на основании изучения ее конструкции.

Отрядом изучались также крестообразные столы у бывшего с. Памятой и башни в районе селения Башен-Кале (башня Гучан-Кале на р. Гучан-Эрк), у селений Ушкалой (башня в нише скалы у р. Аргун и над селением), Итум-Кале в ущелье Тазбичи. У селения Итум-Кале, в местности Пакоч, обнаружены руины целого башенного поселка.

¹⁰ «Die Saurmasche Münzsammlung». Berlin, 1892, стр. 51, 59, табл. XXXV, 1059, 1060.

¹¹ Оскар Иегер. Всеобщая история, т. II. СПб., 1894, стр. 258, 266 (иллюстрации).

¹² Старшему научному сотруднику Государственного Эрмитажа А. А. Марковой, принявшей участие в определении монет, приносим глубокую благодарность.

¹³ Н. Семенов. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895, стр. 101; А. П. Берже. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859, стр. 84.

¹⁴ А. Шихандов. О проникновении христианства и ислама в Дагестан. Ученые записки ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, т. III. Махачкала, 1957, стр. 76; Д. М. Атаев. Христианские древности Аварии. Ученые записки ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, т. IV. Махачкала, 1958, стр. 179 и сл.

¹⁵ «Русско-дагестанские отношения XVII в. — первой четверти XVIII в. (Документы и материалы). Махачкала, 1958, стр. 91—93, 104, 105, 214 и др.; М. В. Фехнер. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. Труды ГИМ, вып. XXI. М., 1952, стр. 16 (карта), стр. 40 и сл.

Р. М. МУНЧАЕВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО АРХЕОЛОГИИ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

(Из результатов работ Северокавказской экспедиции 1958 года)

В 1958 г. Северокавказская экспедиция продолжала большие стационарные и разведочные работы на территории Чечено-Ингушской АССР и Северо-Осетинской АССР. Два отряда экспедиции вели исследования в Чечено-Ингушетии¹. Экспедицией в 1958 г. была поставлена задача начать планомерное обследование археологических памятников Чечено-Ингушской АССР, главным образом на территории Чечни (Ингушетия археологически изучена довольно обстоятельно), развернув широкие разведочные работы в районах к югу и юго-востоку от г. Грозного. В настоящей статье приводятся предварительные результаты работ разведочного отряда экспедиции.

Разведочный отряд экспедиции² провел обследование в ряде районов плоскостной и горной Чечни. Выявлено значительное количество разнообразных и разновременных памятников. Добыт новый материал, характеризующий отдельные этапы развития местной культуры в древности и средневековье.

Мы ограничимся здесь изложением наиболее важных и интересных итогов работ отряда. Прежде всего следует отметить раскопки трех курганов у хутора Новые Аршти, близ селения Бамут, Ачхой-Мартановского района. Эти курганы, составлявшие группу, были расположены в 30—70 м друг от друга по линии северо-восток — юго-запад, на самом краю террасы на левом берегу р. Фортанги, рядом с гидроэлектростанцией. Они имели шаровидную форму. Средние размеры курганов: высота — 1,5 м, диаметр — 18 м. Весьма любопытный материал обнаружен в кургане № 2, содержавшем 3 погребения, в том числе два впускных.

В центре кургана под каменной кладкой, на глубине 1,55 м, находилось основное погребение — парное. Первый костяк лежал в северо-восточной части могилы, в вытянутом положении, на спине, с протянутыми вдоль туловища руками, головой на северо-запад. У левой руки отмечены зубы животных. Слева от черепа (на 0,1—0,6 м к северо-северо-востоку) находились два раздавленных глиняных сосуда. Остатки второго скелета оказались на расстоянии 0,2—0,8 м к юго-юго-востоку от первого. Судить о положении погребенного трудно, так как костяк потревожен. Под кучей костей и облом-

¹ В организации экспедиции (начальник — Е. И. Крупнов) приняли участие ИИМК, Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы при Совете Министров Чечено-Ингушской АССР и Чечено-Ингушский республиканский музей краеведения.

² В состав отряда входили: Р. М. Мунчаев (заместитель начальника экспедиции по Чечено-Ингушской АССР и начальник разведочного отряда), Г. Н. Лисицына, Н. Г. Блохина, А. К. Тарасевич, М. И. Перепелов, В. Б. Виноградов, В. А. Архипов, С. Ш. Дукузов и Н. Н. Немнонов.

в таза лежало несколько фрагментов венчика сосуда. Большой раздавленный сосуд находился в 0,3—0,5 м западнее остатков костяка, в области ярепа. По-видимому, это погребение было потревожено при захоронении первого костяка. Второе погребение открыто в насыпи под бровкой южной долины кургана, на глубине 0,6—0,8 м. Сохранились обломки костей рук, ног, таза и челюсти. На них лежал глиняный сосуд, отличающийся по форме от обнаруженных в первом погребении. Почти прямо под этой могилой, на глубине 1 м, находилось третье погребение. Скелет весь истлел; сохранились лишь осколки детского черепа и отдельных костей. В погребении найдены обломки маленького сосуда и два бараньих астрагала.

Керамика из основного (первого) погребения — серого цвета, с темными пятнами, слегка залощена; обжиг слабый. Глина содержит примесь пашота. Найдено всего 3 целых сосуда. Несмотря на различие в размерах и характере орнаментации, они сходны по форме — яйцевидной. Тулово сильно раздуто, днище непропорционально узкое, венчик плавно отогнут наружу. На самой выпуклой части корпуса сосуда находятся две ручки.

Среди сосудов выделяется самый маленький, с 4 ножками, возможно, имитирующими вымя (рис. 17—4); ручки миниатюрные, архаической формы. Орнамент на плечиках сосуда нарезной, зигзагообразный. Этот сосуд уникален; он не находит аналогий в керамике Кавказа. Довольно интересен характером орнаментации и два других сосуда. Один из них украшен парами симметрично расположенных налепных концентрических кругов, между которыми находятся однотипные рельефные изображения. В целом же вся орнаментальная композиция представляет собой ряд лицевых изображений человека — концентрические круги имитируют как бы глаза, а находящиеся между кругами налепы — нос и отходящие от него брови (рис. 17—3). Этому сосуду мы тоже не знаем аналогий. Последний сосуд такой же, как и второй, но больших размеров и иначе украшен: с двух сторон на лицевой части сосуда нанесен налепной зигзагообразный орнамент (рис. 17—1).

Каковы основания для культурно-хронологического осмысления данного памятника? Прежде всего — весьма архаический облик описанной керамики³: яйцевидная форма и соотношения основных частей этих сосудов характерны для древнейшей керамики Кавказа в целом, Северо-Восточного Кавказа — в частности. Описанные сосуды по форме можно сопоставить с керамикой Карабудахкентского могильника № 2 эпохи ранней бронзы в Дагестане⁴. Для энеолитической керамики Закавказья и примыкающих к нему районов Северо-Восточного Кавказа характерен рельефный орнамент, особенно в виде спиралей и концентрических кругов, наряду с которым там встречается, — правда, реже, — и нарезной. Как об этом можно судить по некоторым памятникам Грузии, — в частности, древнейшим курганам Триалети, — нарезной орнамент становится господствующим на керамике ранне-бронзовой эпохи⁵. Между прочим, на керамике Карабудахкентского могильника № 2 нанесен и налепной, и нарезной орнамент⁶. Любопытно, что зигзагообразный налепной орнамент, близкий тому, которым украшен третий из описанных сосудов, отмечен, на энеолитической керамике Нахичеванской Кюль-Тапа. Такой же орнамент, но выполненный в росписи, встре-

³ Мы ограничились описанием погребений и не проанализировали обряд захоронения. Это объясняется тем, что погребения в кургане № 2, особенно в основной (первой) могиле, потревожены. Поэтому погребальный обряд в данном случае не выясняется с достаточной полнотой. Но то, чем мы располагаем, не противоречит намечаемой дате.

⁴ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ с. Карабудахкент (ДАССР). МИА, № 68, 1958, стр. 151, рис. 4.

⁵ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 465, табл. СХV.

⁶ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 152, рис. 5.

чается на керамике из верхних частей энеолитического слоя Бешташенск крепости⁷.

О большой древности погребения с описанной керамикой свидетельствует также курганный стратиграфия. Второе и третье погребения, находящиеся в насыпи кургана, содержали тоже весьма раннюю керамику; в частности, во втором найден сосуд охристого цвета, приземистой формы, с коротким прямым венчиком, край которого резко отогнут наружу (рис. 17—1). Обжиг хороший. В глине — примеси мелко толченой керамики. На дне — нарезной крестообразный орнамент. По форме, обработке и цвету поверхности этот сосуд чрезвычайно близок керамике некоторых древнейших памятников Северного Кавказа, например, сосудам Соломенского кургана и горшку из основного погребения в кургане у селения Старый Лескен. В другом впускном погребении (третьем) обнаружен небольшой остроугольный горшочек, орнаментированный вокруг полосой заштрихованных треугольников. Он, безусловно, относится к эпохе бронзы.

Таким образом, можно утверждать, что основное погребение кургана № 2 у хутора Новые Аршти с его оригинальным комплексом керамики относится к ранним этапам развития культуры медно-бронзовой эпохи Кавказа. Довольно незначительный, но весьма специфический керамический комплекс данного памятника указывает на существование в бассейне р. Фортан своеобразной культуры или локального варианта культуры Северного Кавказа раннего этапа медно-бронзового века. Следует отметить в этой связи, что в курганах № 1 и 3 оказались фрагменты совершенно такой же керамики. По всей вероятности, большое количество курганов, разбросанных группами почти от селения Ачхой-Мартан до селения Бамут, т. е. до самых предгорий, относится к указанному времени и характеризует отмеченную своеобразную культуру или локальную группу памятников раннего этапа медно-бронзового века Северного Кавказа.

Весьма интересен грунтовой могильник, открытый в 1958 г. у селения Сержень-Юрт, Шалинского района. Он находится в 1—1,5 км к юго-западу от аула, над совхозной птицефермой, в 500 м от нее, на дороге из селения в лес, в лесистой предгорной местности, известной у местных жителей по названию «Ода ваъахна дукъ» (в переводе означает «перевал, где жили Ода»). В канаве, прорезавшей могильник и образовавшейся в результате протока по склону дождевых вод, найдено несколько бронзовых предметов (круглое в сечении колечко, обломок пластинчатого браслета и круглая поясная бляха с петлей для прикрепления на оборотной стороне) и много фрагментов слабо обожженной керамики. Это инвентарь одного из разрытых погребений. В заложенном рядом с канавой небольшом раскопе (3 × 2 м) открыто другое погребение. Сохранились лишь полуистлевшие кости ног. Определить положение погребенного не удалось. Рядом с костями лежали 4 бронзовых пластинчатых браслета с незамкнутыми концами, бронзовый предмет в виде ворворки. Вся остальная часть могилы была завалена обломками керамики — не менее 15—20 сосудов. Длина могилы (по линии север — юг) — 1,5 м, ширина (по линии запад — восток) 2 м.

Среди обнаруженных предметов обращают на себя внимание пластинчатые орнаментированные браслеты с незамкнутыми концами (рис. 18—2). Особенно выделяется необычной формой и орнаментом в виде трех продольных рядов округлых шишечек браслет с шипами (рис. 18—3). Этот браслет не имеет прямых аналогий, остальные же находят близкие формы в кобанской

⁷ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 481, табл. СХХI.

⁸ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. Материалы к археологии Кабардино-Балкарии. М.—Л., 1941, стр. 213—216.

⁹ Е. И. Крупнов. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР. Уч. записки Кабардинского научно-исследовательского института, т. I 1948, стр. 282—290.

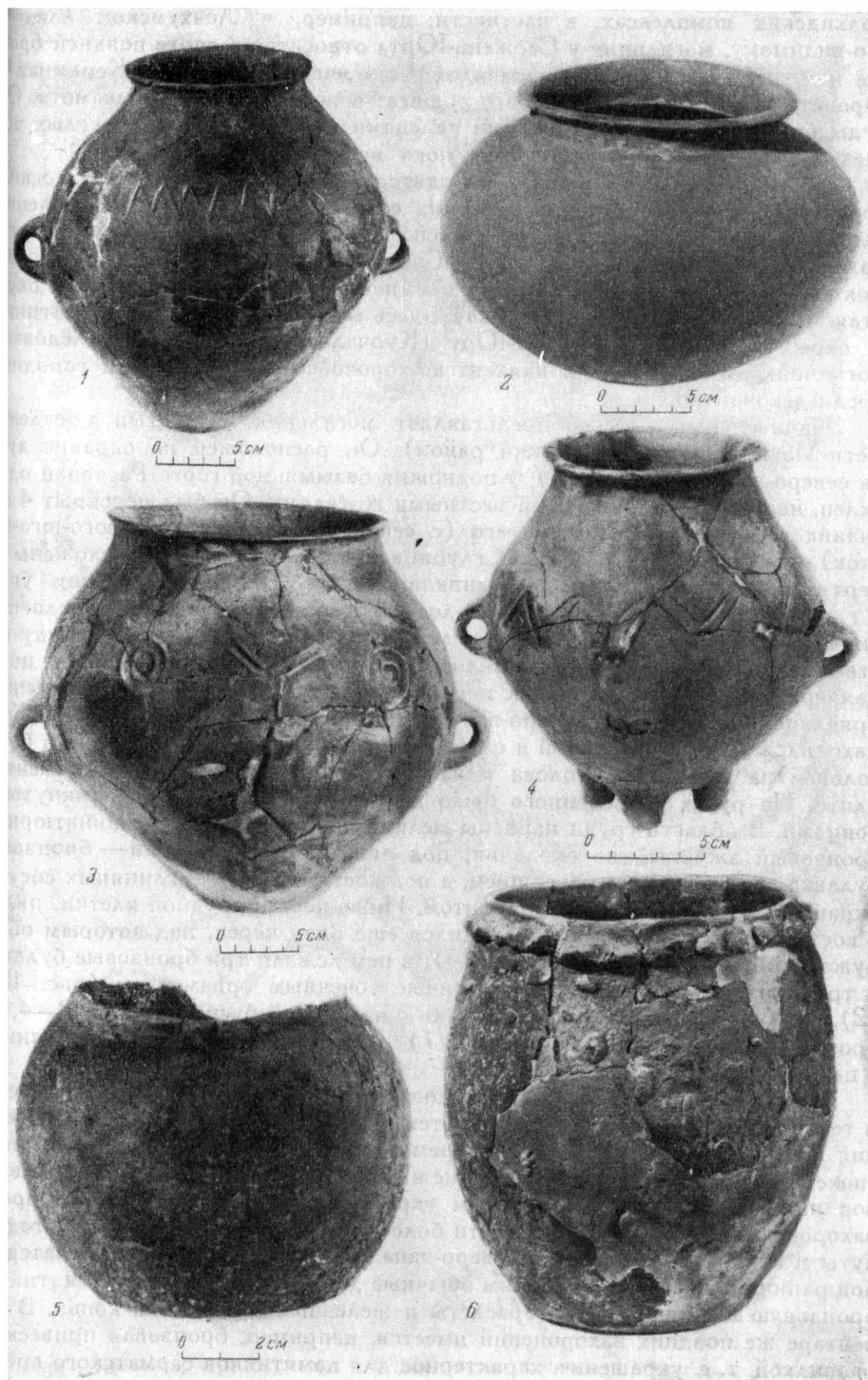

Рис. 17. Керамика различных памятников Чечни

1—4 — с хутора новые Аршти у селения Бамут, подкурганное погребение № 3; 5, 6 — из селения Бети-Мохк, склеп.

колхидских комплексах, в частности, например, в Лечхумском кладе По-видимому, могильник у Сержень-Юрта относится к эпохе поздней бронзы и может быть датирован началом I тысячелетия до н. э. Керамика серовато-охристого цвета, слабого обжига; в ней есть примеси шамота. Суды были украшены различными налечами в виде полосок, округлых шпек и т. д. Восстановить формы пока не удалось.

Рядом с этим могильником находятся почти синхронные ему древние городища, расположенные на высоких естественных холмах, и поселения. Следовательно, в окрестностях Сержень-Юрта существует целый комплекс памятников позднебронзовой эпохи. Судя по подъемному материалу (обломки каменного желобчатого топора, кремневая ножевидная пластинка, охрестая керамика архаического облика), здесь есть и более древние памятники. В окрестностях селения Бачи-Юрт (Курчалоевский район) обследован могильник, относящийся к каякентско-хорочоевской культуре, и городище средневековой эпохи.

Значительный интерес представляет могильник, открытый у селения Бети-Мохк (Ножай-Юртовский район). Он расположен на окраине аула (к северо-востоку — востоку), у подножия безымянной горы. Раскопан один склеп, несколько разрушенных местными жителями. Он был перекрыт 4 пласчаниковыми плитами; длина его (с северо-северо-запада на юго-юго-восток) — 1,87 м, ширина — 1,5 м, глубина — 0,7 м. Стенки были сложены из вертикально поставленных песчаниковых плит. В северо-западном углу с глубины от 0,3 до 0,7 м наблюдалось беспорядочное скопление человеческих костей, в том числе 3 черепа, лежавших один над другим. Между костями встречены бронзовые шейная гривна в 4 оборота (рис. 18—6), поясная пряжка, железные кинжал и наконечник втульчатого копья, каменные пряслице. По диагонали северо-запад — юго-восток, на глубине 0,5—0,75 м находился костяк, лежавший в слабо скорченном положении, на левом боку головой на юго-запад. Голова и часть туловища покоились на каменной плите. На руках погребенного было по одному браслету с незамкнутыми концами. В области груди найдены мелкий пастовый бисер и миниатюрный бронзовый ажурный колокольчик, под лопаточными костями — бронзовая булава с треугольным навершием, а под костями ног — 4 глиняных сосуда украшенных каплевидным орнаментом. Ниже костей грудной клетки, рядом с костями рук погребенного, находился еще один череп, под которым обнаружен глиняный горшок (рис. 17—5); в нем лежали три бронзовые булавы с треугольным навершием, украшенные точечным орнаментом (рис. 18—12), две бронзовые височные подвески с напускной бусиной (рис. 18—4, 5) бронзовые браслеты (рис. 18—7—11) и большое количество стеклянных и пастовых бус (рис. 18—1).

Характер обряда не выяснен с достаточной полнотой. Это объясняется и тем, что склеп был потревожен, и тем, что он использовался для погребения дважды — в позднекобанское время и сарматскую эпоху. К сарматской эпохе относятся описанное погребение в слабо скорченном положении и череп под ним, с горшком, наполненным украшениями. По-видимому, во время захоронения этих покойников кости более древних погребений были отодвинуты и аккуратно сложены в северо-западном углу склепа. Среди материалов ранних погребений мы видим обычные для позднекобанских памятников бронзовую шейную гривну, браслеты и железный наконечник копья. В инвентаре же поздних захоронений имеется, например, бронзовая привеска развилкой, т. е. украшение, характерное для памятников сарматского времени Северо-Восточного Кавказа, в частности, Карабудахкентского могильника № 1 в Дагестане. Такие привески отмечены в Дагестане в еще более поздних памятниках, например, в могильнике у селения Гапшима, относящемся

¹⁰ Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракские энеолит. ВМГ, XIII-В. Тбилиси, 1944, табл. XIV, 2.

Рис. 18. Предметы из различных памятников Чечни

1, 4—12 — из селения Бети-Мохк, склеп (1 — бусы; 4, 5 — височные подвески; 6 — бронзовая гривна; 7—11 — бронзовые браслеты; 12 — бронзовая булавка); 2, 3 — из селения Сержень-Юрт, могильник (2 — бронзовый пластинчатый браслет; 3 — бронзовый зооморфный браслет); 13 — из селения Яман-су, могильник (бронзовая височная подвеска).

к V—IV вв. до н. э. Любопытно, что подвески подобной формы не встречены за пределами Дагестана и Чечни. В связи с неизученностью памятников позднекобанского времени и сарматской эпохи горной Чечни открытие м. гильника в Бети-Мохк имеет особое значение.

Следует также сказать о курганном могильнике, обследованном в Уру-Мартановском районе. Он расположен на второй террасе левого берега р. Аргуна, в 2 км к юго-юго-западу от селения Старые Атаги, по левую сторону шоссе на дороге Грозный—Шамой. Здесь оказалось около 50 курганов почти одинаковых размеров. Диаметр большинства из них колеблется в пределах 8—12 м, средняя высота — около 1 м. Четкой планировки в расположении курганов нет; основная часть их как бы полосой тянется по направлению с северо-запада — запада на юго-восток — восток. Насыпь курганов состоит из суглинки, насыщенного щебенкой. В конце XIX в. отдельные курганы у селения Старые Атаги были грабительски раскопаны. По-видимому, из этих курганов происходит ряд интересных предметов, имеющих в собрании гр. П. С. Уваровой. Это бронзовая пряжка в виде двух голов ланей, соединенных между собой ушами, другая бронзовая пряжка из 4 завитков с оленьей головой, бронзовые стрелы скифского типа и др.¹¹

Нами раскопано 5 курганов, из которых четыре расположены примерно в 20 м друг от друга и тянутся по направлению с северо-запада — запада на юго-восток — восток, а пятый стоит как бы особняком в 40—60 м к востоку и северо-востоку от остальных. Для всех раскопанных курганов характерна одна весьма любопытная особенность — полное отсутствие в них каких-либо признаков захоронений человека. Под насыпью, в центральной части курганов, отмечены погребения керамики — фрагментированных сосудов или отдельных обломков горшков, иногда в сопровождении костей мелкого рогатого скота. Никаких признаков, указывающих на ограбление курганов, не замечено. Считать, что кости человека полностью истлели, — также нет оснований. О трупосожжении не может быть и речи, так как ни в одном случае не прослежены угольки и зола. Возможны пока два предположения: или мы здесь имеем дело с могилами кенотафов, или это особый погребальный обряд, т. е. явление, до сих пор не отмеченное в древней культуре местных племен. Это значительно повышает интерес к курганному могильнику у селения Старые Атаги. Он относится к скифскому времени, что подтверждается характером типичной для позднекобанских памятников керамики (миски и грушевидные сосуды, часто украшенные различными налестками). Такая керамика обнаружена в значительном количестве в Луговом и Нестеровском могильниках, могильнике Исти-су и других местных памятниках VI—V вв. до н. э.

В 1958 г. разведочным отрядом экспедиции были изучены два новых могильника с каменными ящиками, относящиеся к каякентско-хорочевской культуре. Один из них находится у селения Яман-су, на границе Новолакского (ДАССР) и Ножай-Юртовского (ЧИАССР) районов, а другой — в 2,5 км к югу от селения Бачи-Юрт, Курчалоевского района. В первом из них обнаружены характерные для указанной культуры бронзовые височные подвески, но отличающиеся менее широкими лопастями (рис. 18—13).

При разведочном обследовании предгорной полосы Чечни в 1958 г. здесь обнаружены весьма интересные разновременные памятники. Они доказывают развитие на этой территории самобытной культуры с глубокой древности до позднего средневековья. Дальнейшие стационарные исследования этих памятников обещают дать значительные материалы для восстановления интересных страниц древней и средневековой истории и культуры Чечни.

¹¹ «Древности». Труды МАО, т. 15, вып. 1. М., 1894 (приложение № 2 к протоколу № 324, стр. 84); Каталог выставки VIII Археологического съезда в Москве, 1890, стр. 23, 25, 28

И. И. АРТЕМЕНКО

ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ В ВЕРХНЕМ
ПОДНЕПРОВЬЕ В 1958 ГОДУ

В 1958 г. Белорусский отряд Верхнеднепровской экспедиции ИИМК под руководством автора продолжал обследование¹ памятников эпохи неолита бронзового века в Верхнем Поднепровье. В результате разведки обследованы одна неолитическая стоянка и 6 поселений бронзового века. Кроме того, произведены небольшие контрольные раскопки на поселениях в урочищах Сосонка и Борок-Семиновский у дер. Лучин, Рогачевского района, Гомельской области.

Неолитическая стоянка у дер. Романовичи. Расположена на песчаных дюнах в пойме правого берега р. Ипуть (Гомельская область). Во время посещения стоянки в 1957 г. на поверхности разветренных дюн мы нашли около 100 кремневых орудий и керамику². В 1958 г. культурный слой стоянки на площади свыше 300 кв. м оказался разветвленным, и на поверхности обнаружены 212 кремневых орудий и много керамики. Собранная в 1957—1958 гг. большая коллекция кремневых орудий и керамики представляет значительный интерес для изучения неолита Верхнего Поднепровья.

Кремневые орудия изготовлены из серого или темно-серого мелового кремня. Выходы такого кремня известны во многих пунктах на Соже³. Большая часть орудий сделана на отщепах; обломки нуклеусов также указывают на отбивание отщепов, иногда довольно крупных.

Из орудий производства в коллекции имеется 9 нуклеидных ретушеров, пользовавшихся, по-видимому, для нанесения контрударной ретуши.

Наконечники стрел (найжены в 1957 г.) имеют ромбоидальную форму. Найжена одна заготовка, вероятно, — наконечника копья.

Группа режущих орудий состоит из 6 обломков ножевидных пластин, обработанных тонкой отжимной ретушью со стороны спинки (рис. 19—11, 12), и 65 ножевидных пластин без ретуши со следами употребления (рис. 19—10, 13—15).

Скребки составляют наиболее многочисленную группу кремневых орудий (97 экземпляров). Несколько скребков сделаны на массивных

¹ С 15 по 30 июня 1958 г. В работе отряда принимала участие С. С. Березанская (ИА АН УССР).

² И. И. Артеменко. Памятники эпохи неолита и бронзового века Верхнего Поднепровья. КСИИМК, вып. 78, 1960.

³ К. М. Паликарпович. Дагістарычныя стаянкі сяродняга і ніжняга Сажа. Рэцыз катэдр археалёгіі, т. I. Менск, 1928, стр. 129; его же. Дагістарычныя стаянкі сяродняга Сажа. Працы Археалёгічнай камісіі, т. II, Менск, 1930, стр. 386.

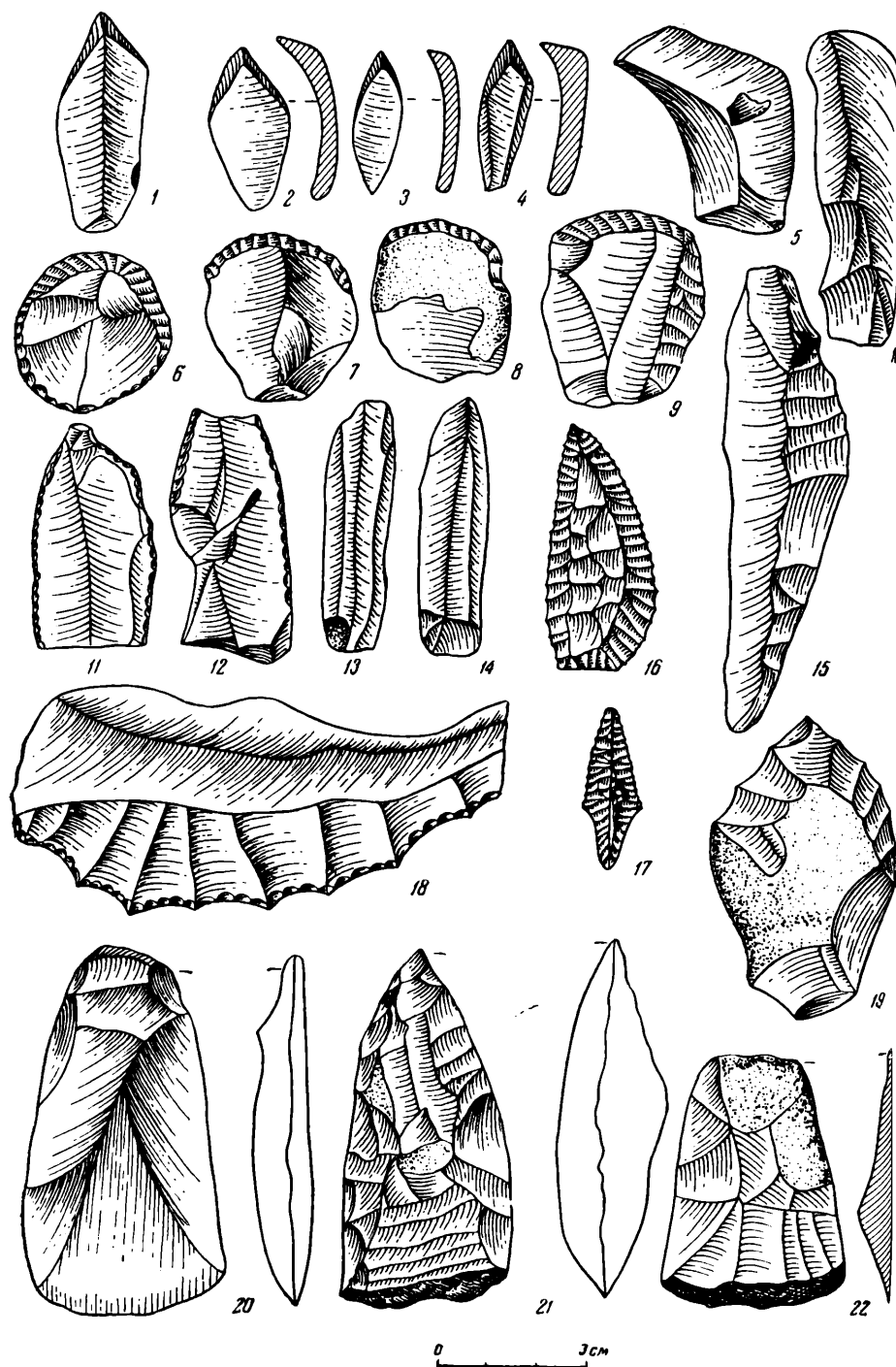

Рис. 19. Романовичи. Кремневый инвентарь (1—22).

отщепках; рабочий край (дугοобразный) обработан высокой крутой ретушью (рис. 19—9). Основная масса скребков — на тонких, небольших отщепках, часто с сохранившейся первичной меловой коркой; дугοобразный рабочий край оформлен тонкой отжимной ретушью (рис. 19—7, 8). В коллекции есть три небольших округлых скребка с отжимной ретушью вокруг всего края (рис. 19—6).

Интересна группа (4 экземпляра) скребковидных орудий на отщепках. Дугοобразно вогнутый рабочий край этих орудий обработан отжимной ретушью. Они, по-видимому, применялись в качестве выемчатых скребелей для обстругивания круглых древков стрел. Есть группа скребковидных орудий (5 экземпляров), изготовленных из крупных массивных отщепов. Со стороны спинки рабочий край оформлен короткими продольными сколами, а затем подправлен тонкой отжимной ретушью. Следы работы, заметные со всех сторон (со спинки и с брюшка), указывают, что этими орудиями, видимо, не скребли, а резали или пилили какие-то твердые предметы (кость, дерево и др.; рис. 19—18).

В коллекции имеется 10 мелких резцов; среди них — два срединных, изготовленных на ножевидных пластинах (рис. 19—1). Все остальные относятся к типу так называемых клювовидных резцов (рис. 19—2—5). Сделаны они на мелких отщепках.

Группа рубящих орудий состоит из 8 клиновидных топоров (рис. 19—20, 21) и одного тесла (рис. 19—22); их корпус и округлые лезвия оформлены продольными сколами. На одном клиновидном топоре лезвие сформировано тонкими поперечными сколами (рис. 19—21).

На стоянке собрано большое количество обломков глиняной посуды. Сосуды, по-видимому, были остродонные, с округлыми боками и слегка сведенными внутрь стенками в верхней части; горло прямое или чуть отогнутое наружу. В глиняном тесте имеется примесь песка или мелкого кварца; изредка встречается растительная примесь. Внутренняя поверхность (а у некоторых сосудов и внешняя) заглажена зубчатым штампом. Обжиг сосудов производился на кострах, но он сравнительно хороший, хотя цвет фрагментов посуды в изломах не однородный. Внешняя и внутренняя поверхности посуды — желтая или красновато-коричневая. Толщина стенок — 0,6—0,8 см. Орнамент гребенчатый, треугольно-накольчатый, «лапчатый» (нанесен концом палочки, обмотанной шнуром) и ямочный (рис. 20—1—10). Последний представляет собой поверхностные вдавления в виде ямок, сделанных концом круглой, треугольной или полукруглой в сечении палочки либо штампа.

По характеру кремневого инвентаря (наконечники стрел, клиновидные топоры и др.) и керамики стоянку у дер. Романовичи можно сопоставить с поздненеолитическими стоянками Никольская Слободка⁴, Моства⁵ и др. Однако находки на стоянке у дер. Романовичи резцов, особенно срединных резцов на пластинах, возможно, говорят о ее более раннем неолитическом возрасте.

Памятники бронзового века. На песчаных дюнах у дер. Романовичи, кроме описанного выше неолитического инвентаря и керамики, найдены кремневые и каменные орудия, а также керамика бронзового века. Встречены кремневый треугольный наконечник стрелы с черешком, обработанный пальчатой ретушью (рис. 19—17); заготовка треугольного наконечника стрелы с выемкой в основании; кремневый нож с двусторонней плоской ретушью, лезвие его оформлено пальчатой ретушью (рис. 19—16).

⁴ В. М. Даниленко. Дослідження неолітичних пам'яток в районі Київ в 1949 р. АП УРСР, т. VI, Київ, 1957.

⁵ І. Ф. Левицький. Дослідження стоянки на торфовищі Моства в 1948 р. АП УРСР, т. IV, Київ, 1952.

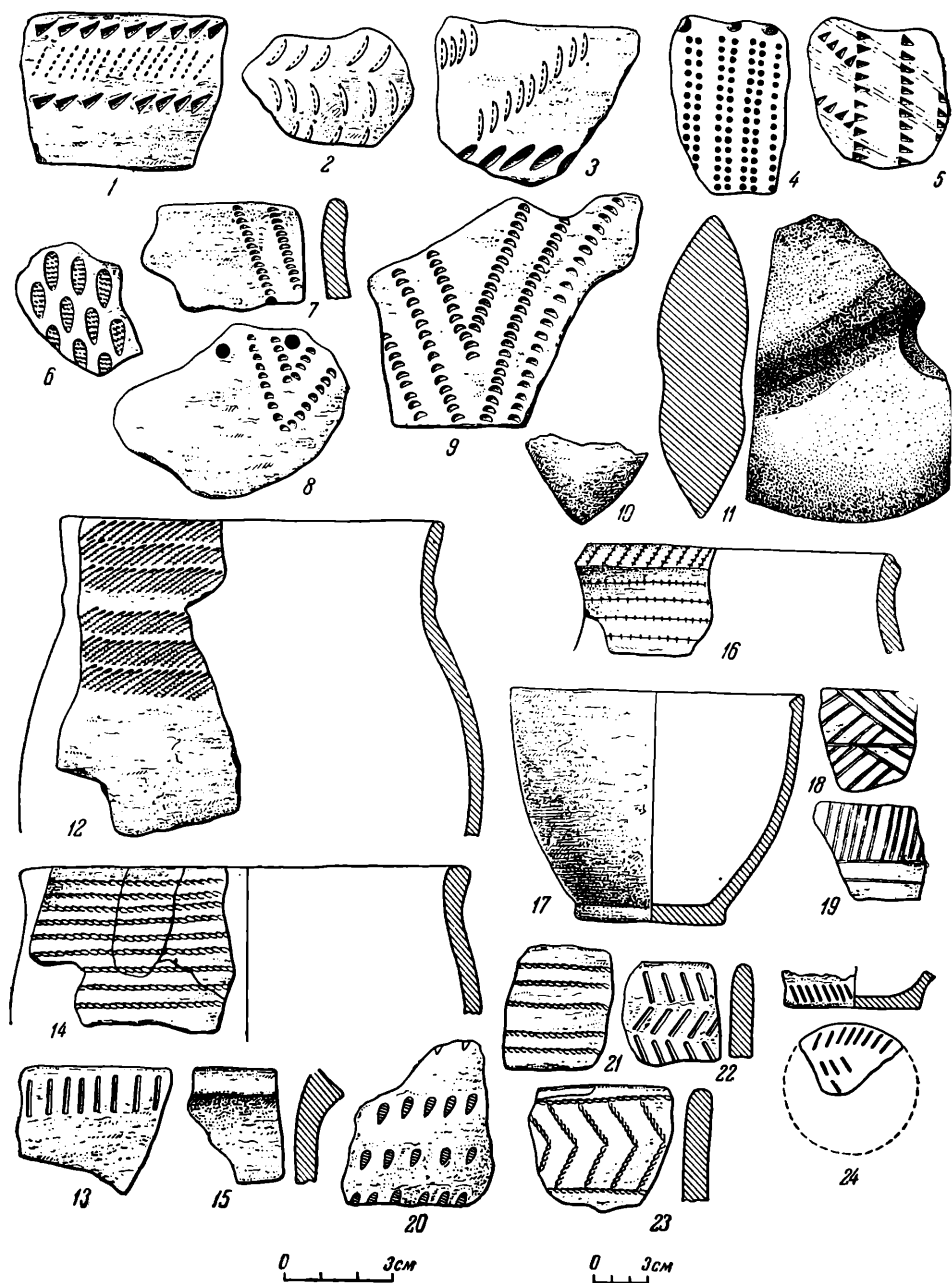

Рис. 20

1—10 — керамика; 11 — клиновидное орудие из песчаника (1—11 — со стоянки Романовичи); 12—24 — керамика с поселений бронзового века (12, 13 — Ксёнязова гора; 14, 15 — Романовичи; 16 — урочище Гребля; 17—19 — Малые Роги; 20, 21 — Новобелая; 22—24 — Солонное).

В составе каменного инвентаря есть 4 гранитных растиральника и клиновидное орудие из песчаника, по-видимому, — мотыга (?) (рис. 20—11).

Керамика — желтого и красно-кирпичного цвета. Масса песчаная. Орнамент — шнуровой и линейный штамп (рис. 20—14). Найден также один обломок венчика с утолщенным и наискось срезанным наружу краем (рис. 20—15).

Поселение у г. Быхова. Расположено в 4 км от города вниз по Днепру, в пойме правого берега, на небольшой песчаной возвышенности, известной под названием «Ксёнова Гора». Возвышенность вытянута с востока на запад (длина ее — 50—60 м, ширина — 25—30 м, высота — 3 м); восточной стороны она примыкает к руслу Днепра и ежегодно подмывает, с западной — развеена. Остальная поверхность хорошо задернована, культурный слой поселения, по-видимому, не нарушен. Впервые поселение исследовал К. М. Поликарпович в 1928 г. Собранную здесь керамику он датировал неолитом⁶. В 1958 г. с западной стороны возвышенности мы провели зачатку культурного слоя на площади 3 кв. м (3 × 1 м). Культурный слой поселения находится под слоем дерна в 20—25 см и состоит из темно-серого зернистого песка с вкраплением мелких углей. Толщина культурного слоя не везде одинакова: в наиболее высокой части возвышенности она составляет 20—25 см, а по южному склону — увеличивается и достигает 30 см.

В слое поселения найдены две кремневых ножевидных пластины без отщипки, 3 скребка на мелких отщипках, а также несколько отщипов и кусков кремня. Керамика — желтого и коричневого цвета, масса песчанистая. Внешняя и внутренняя поверхности заглажены зубчатым штампом. Орнамент резной и «гусеничный», нанесен тонким стержнем, обмотанным ниткой (рис. 20—12, 13).

Поселение у дер. Малые Рогы. Находится возле деревни с восточной стороны (Жлобинский район Гомельской области), на небольшом мысу, образованном поворотом р. Добысны (правый приток Днепра), припадении ее в пойму Днепра. Мыс возвышается над поймой на 1,5—1,7 м. Площадь поселения ежегодно распаивается; культурный слой разрушен. В 1957 г. на поверхности мы собрали небольшую коллекцию керамики и кремневых орудий⁷. В 1958 г. на восточном краю мыса были заложены два больших раскопа общей площадью 36 кв. м. Культурный слой поселения состоит из темно-серого мелкозернистого песка и находится под слоем дерна в 10 см. Толщина культурного слоя — 14—15 см. На площади раскопов керамики и кремневых орудий найдено немного. По-видимому, это объясняется тем, что раскопы закладывались не в центре, а на краю поселения; но была единственная, не подвергшаяся распаивке, площадь.

Кремневый инвентарь представлен 3 ножевидными пластинами без отщипки и 9 скребками на отщипках. Керамика найдено около 30 фрагментов, из которых 16 принадлежали одному сосуду, причем среди них оказались дно и венчики. Таким образом, можно реконструировать этот сосуд: видимо, плоскодонный, баночной формы, с прямым венчиком, край которого косо резан внутрь. Поверхности сосуда желтые, внутренняя — заплечена. Масса песчанистая, с примесью мелкого кварца. На внешней и внутренней сторонах — тонкие штрихи от сглаживания. Сосуд не орнаментирован (рис. 20—7). Вся остальная керамика — желтого или желто-коричневого цвета. Масса песчанистая. Орнамент гребенчатый, резной и шнуровой (рис. 20—8, 19).

Поселение у Новобелицы. Расположено к востоку от Новобелицы (пригород г. Гомеля), в пойме левого берега р. Ипути, на высоких песчаных останцах, поверхности которых развеваются. На поверхности встречается керамика желто-коричневого цвета. Масса плотная, с небольшой примесью песка и мелкого кварца; обжиг сквозной, хороший. На внутренней поверхности — полосы от сглаживания; внешняя поверхность была ровнена, по-видимому, зубчатым штампом, а затем тщательно заглажена. встречаются фрагменты керамики с заглаженными до блеска поверхностями.

⁶ К. М. Поликарпович. Указ. соч. (Працы... т. I), стр. 265.

⁷ И. И. Артеменко. Указ. соч.

ми — внутренней и внешней. Орнамент — шнуровой, линейный штамп «гусеничный» — нанесен концом палочки, обмотанной тонким шнур (рис. 20—20, 21).

Поселение в урочище Гребля. Находится в 1 км к юго-западу от дер. Клубовка, Репкинского района, на невысоких песчаных дюнах в урочище Гребля. Впервые поселение обследовал К. М. Поликарпович⁸ в 1926 г. В настоящее время дюны распахиваются и культурный слой поселения по-видимому, разрушен. На поверхности встречается керамика желтого коричневого цвета. В массе — примесь песка и кварца. Сосуды, вероятно, были плоскодонные, со слегка выпуклым туловом. Края венчиков валиобразно утолщены и косо срезаны наружу. Орнамент — нарезной, «гусеничный» — нанесены тонким стержнем или штампом, обмотанным ниткой (рис. 20—16).

Аналогичная керамика встречена также на двух поселениях у г. Радул Черниговской области. Поселения расположены к югу от Радуля (первое на южной окраине, второе — в 1 км к югу от первого), на песчаных дюнах левого берега Днепра.

На основании анализа керамики обследованные нами в 1958 г. поселения бронзового века разделяются на две разновременные группы. Поселения первой группы — в урочище Ксёньзова Гора и у дер. Малые Роги — можно датировать ранней порой бронзового века Верхнего Поднепровья. Керамика с этих поселений находит аналогии в сосудах с поселения в урочище Заваля у дер. Лучин⁹, а также в керамике днепро-деснинской группы среднеднепровской культуры. В этой связи следует упомянуть о хранящейся в Эрмитаже коллекции керамики из раскопок Е. Р. Романова у дер. Солонихин Жлобинского района, в 1905 г.; она обнаружена при исследованиях славянских курганов, насыпанных, по-видимому, на поселении бронзового века. Керамика — красно-коричневого цвета. Масса песчанистая. Орнамент гребенчатый, нарезной и шнуровой (рис. 20—22, 23). Имеется один обломок плоского дна, украшенный нарезным орнаментом (рис. 20—24).

Вторую группу обследованных нами в 1958 г. памятников бронзового века составляют поселения у Новобелицы, в урочище Гребля и у г. Радуля. Сюда относится также керамика бронзового века, собранная на неолитической стоянке у дер. Романовичи. По типологии керамики эти поселения можно датировать средней бронзой Верхнего Поднепровья, т. е. серединой и второй половиной II тысячелетия до н. э.

⁸ К. М. Палікарповіч. Указ. соч. (Праці..., т. I), стр. 238, табл. XLV 3—20.

⁹ Исследования автора в 1956—1957 гг. Материал хранится в Государственном историческом музее.

Т. С. ПАССЕК

РАСКОПКИ НА ПОСЕЛЕНИИ У СЕЛА ФЛОРЕШТЫ
В 1958 ГОДУ

В 1958 г. Молдавская экспедиция продолжала раскопки по изучению многослойного поселения у с. Флорешты, на левом берегу р. Реут (правый приток Днестра) в Молдавской ССР¹. За два предыдущих раскопочных сезона (1956—1957 гг.) экспедицией на поселении вскрыта площадь общей сложностью 656 кв. м (в 1956 г.— 256 кв. м., в 1957 г.— 400 кв. м), исследовано 15 жилищ-полуземлянок и ям хозяйственного назначения эпохи неолита — энеолита и более позднего времени, сделан ряд наблюдений по стратиграфии поселения².

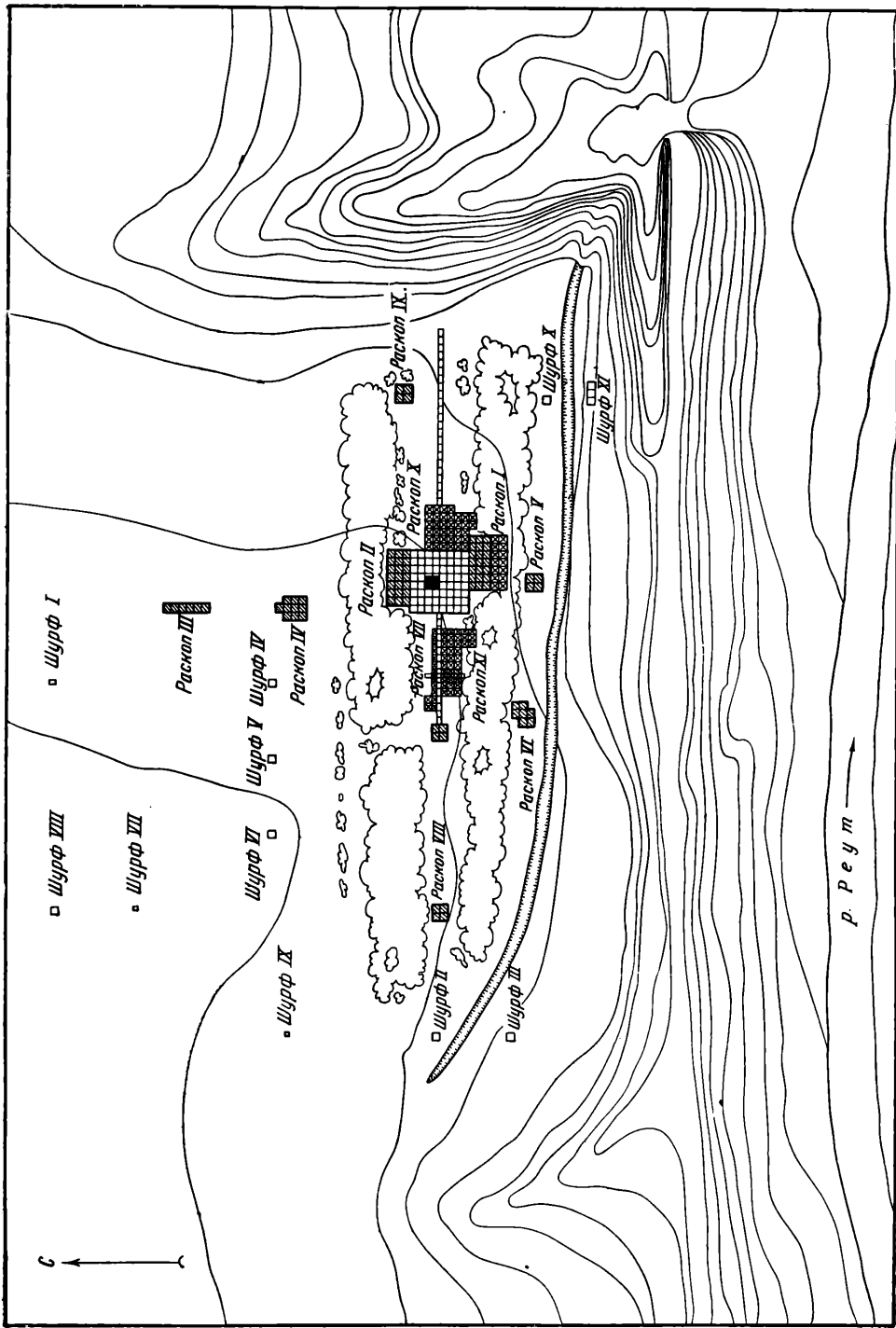
Раскопки в 1958 г. велись, главным образом, в центральной части поселения, а также на периферии древнего поселка. В центральной части поселения в 1958 г. были расширены на юг, восток и запад основные раскопки (I и II) 1956 и 1957 гг. Работы производились в пределах раскопа I на юг от линии 9, раскопа X — на восток от линии E и раскопа XI — на запад от линии B до раскопа VII (рис. 21 и 22).

Кроме того, в 1958 г. были заложены две разведывательные траншеи в западной (50 × 1 м) и восточной (30 × 1 м) частях поселения, частично затем включенные в границы раскопов X и XI. Эти траншеи, так же как и другие разведывательные раскопы (III—IX), заложенные экспедицией в 1957 г., показали, что древний поселок занимал значительную территорию, общей площадью 100 × 120 м.

Поселение располагалось на запад от с. Флорешты (1,5—2 км) на левом возвышенном берегу р. Реут (20 м над уровнем реки), на 2-й надпойменной террасе, вплотную примыкая к железнодорожной линии Бельцы — Жмеринка. Раскопки 1958 г., как и наблюдения предшествующих лет, подтвердили многослойный характер поселения. Наибольшая насыщенность культурного слоя наблюдалась на участках, которые находятся в непосредственной близости к основным раскопам 1956—1957 гг. (I—II). Таким образом, ежегодно расширяя эти оба центральных раскопа на север, юг, восток и запад и сохраняя единую раскопочную сетку, мы вскрываем, видимо, центральную часть древнего поселка (рис. 22).

¹ Молдавская экспедиция ИИМК, как и в предыдущие годы, была организована совместно с Молдавским филиалом АН СССР. В экспедиции в 1958 г. участвовали Т. С. Пассек (руководитель), А. П. Черныш, Е. К. Черныш, Т. Г. Мовша и др.

² Т. С. Пассек. Некоторые итоги раскопок в Молдавии в 1955 г. КСИИМК, вып. 70, 1957; ее же. Новые открытия на территории СССР и вопросы поздненеолитических культур Дунайско-Днестровского Междуречья. СА, 1958, № 1.

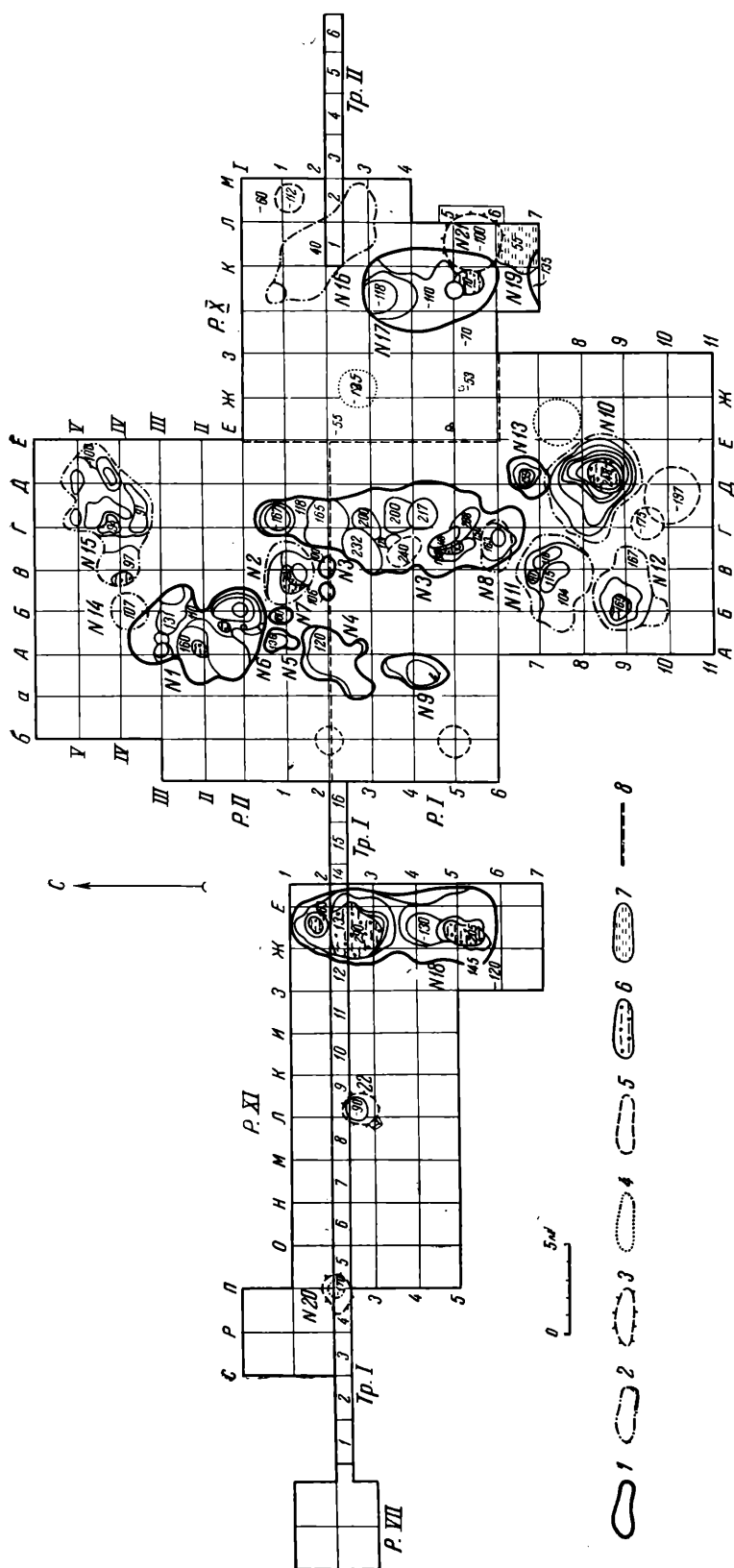

Рис. 22. Общий план раскопок на поселении Флориншты в 1956—1958 гг.

1 — контуры ям культуры анисейно-асветочной керамики; 2 — контуры землянок и ям культуры Боян; 3 — контуры ям эпохи бронзы; 4 — контуры ям эпохи «полей погребений»; 5 — контуры ям позднех; 6 — очаги; 7 — обмаза; 8 — границы раскопов.

Два основных культурных горизонта на поселении относятся к поздне-неолитическому периоду. Нижний из них, наиболее древний культурный горизонт, принадлежит культуре линейно-ленточной керамики. Этот слой залегает в желтоватых суглинках, начиная с глубины 0,9—1 м. В нем за все годы раскопок были обнаружены остатки больших землянок с более глубокими ямами и очагами. Всего на поселении за время раскопок 1956—1957 гг. открыто 9 землянок и хозяйственных ям культуры линейно-ленточной керамики. В 1958 г. выявлены еще две землянки этого времени (№ 17 и 18).

Материалы, аналогичные находкам из нижнего слоя во Флорештах, известны на территории Среднего и Верхнего Поднестровья и соседних стран — Румынии, Чехословакии, Венгрии, Польши, а также в Средней Европе.

Верхний из поздне-неолитических слоев во Флорештах перекрывает слой линейно-ленточной керамики и залегает в черноземе и переходном слое коричневатых суглинков, начиная с глубины 0,4—0,5 м и примерно до 0,9—1 м. Этот слой чрезвычайно насыщен костями животных, орудиями из кремня, сланца, кости и рога, фрагментами керамики культуры типа Боян. Слой этот датируется дотрипольским временем и относится к средней фазе культуры Боян (фазе Джулешты — Ларга Жижиа). В нем открыто за время раскопок 1956—1957 гг. 6 глубоких землянок с очагами. В 1958 г. обнаружены еще две (№ 12 и 16).

Материалы, сходные с находками из верхнего поздне-неолитического слоя во Флорештах, обнаружены на территории Румынии и связаны своим происхождением с культурой Боян. Вместе с тем комплекс находок (особенно керамических) в верхнем слое поселения Флорешты отличается значительным своеобразием и многими чертами, родственными культуре племен раннего Триполья.

В 1958 г. выше культурного слоя Боян были обнаружены на различных участках зольные пятна, очаги из камней, зернотерки, просверленный топор и скопления сосудов (тюльпановидной формы, с оттянутым у основания края валиком), которые характеризуют так называемую культуру зольников, датируемую эпохой поздней бронзы (концом IX — началом VIII в. до н. э.) на территории Молдавии. Открыты также ямы хозяйственного назначения и остатки глинобитных вымосток эпохи поздней бронзы, разрушивших более древние поздне-неолитические культурные наслоения. В верхних горизонтах на поселении найдены остатки глинобитных жилищ, ям хозяйственного назначения с серой лощеной керамикой, изготовленной на круге, так называемого черняховского типа. Наибольшее количество находок этого времени сделано в траншее II — в восточной части поселка.

В 1958 г. нижний неолитический культурный горизонт, принадлежащий культуре линейно-ленточной керамики, был выявлен в раскопе X (в юго-восточном его секторе) под слоем культуры Боян, начиная с 0,9 м, в желтоватых суглинках. Слой был выражен очень слабо, так что трудно говорить о его толщине. На уровне 0,9—1 м отдельные фрагменты сосудов встречались то там, то здесь на всей площади раскопа X. Кроме того, здесь же обнаружено жилище (№ 17) полуземляночного типа, того же времени, овально-неправильной формы. Оно было вытянуто с севера на юг на 6 м; ширина его — 3,6 м. Углубленная часть жилища была мелкой; наибольшая глубина неровного дна жилища составляла 1,07—1,1 м (т. е. жилище было углублено на 30—35 см от древнего горизонта). Лишь днища двух очажных ям в жилище достигали глубины 1,18—1,2 м (т. е. были углублены на 50 см от древнего горизонта).

Наибольшее количество находок, — главным образом, фрагментов керамики, — оказалось в южной половине жилища. Здесь когда-то находился один из очагов, от которого сохранилось немного золы, угля, разрозненных

сков обмазки. Около очага обнаружено скопление фрагментов грубой, лощеной керамики и серой, лощеной с линейно-ленточным («нотным») орнаментом. С южной стороны яма эпохи поздней бронзы (№ 21) и прилегающая к ней площадка из глины нарушили здесь культурный слой бояновского времени, частично разрушив и нижележащий слабо насыщенный горизонт линейно-ленточной керамикой; поэтому проследить южную границу жилища № 17 было очень трудно (см. рис. 22).

В раскопе XI после расчистки и разборки культурного слоя Боян — же, в коричневатых суглинках на уровне 1—1,2 м — находок почти не нашлось, кроме отдельных фрагментов сосудов с линейно-ленточным орнаментом. Нижний неолитический культурный слой с линейно-ленточной керамикой на раскопе XI выявлен очень слабо. Несколько большее количество этой керамики встречено в восточной части раскопа XI. При прокопке на глубине 0,9—1 м обнаружилось, что на границе коричневатых и желтых суглинков здесь имеются значительные скопления керамики с линейно-ленточным орнаментом, а в разрезе (по линии 2—Ж и 2—Е) — заметное понижение и волнистость культурного слоя, который значительно углубляется желтоватые суглинки.

Раскопки здесь велись на глубине 0,85—0,9 м — вначале для снятия верхнего культурного слоя Боян, а затем с целью выявить контур пятна входившей здесь землянки. Когда были уловлены границы пятна, стало очевидным, что открытая здесь землянка (№ 18) — очень большое жилище, вытянутое с севера на юг. Оно оказалось расположенным параллельно землянкам, относящимся ко времени культуры линейно-ленточной керамики (№ 1, 3, 17 и др.), которые были вскрыты при прежних раскопках (1956—1958 гг.) в нижнем культурном слое поселения. Землянка № 18 отличается от них обилием лучше сохранившегося материала³.

По мере «выкружения» пятна землянки, которое было начато от центра к краям, выяснилось, что границы ее уходят на юг (за линию 5), в связи с чем раскоп здесь был расширен. Это позволило постепенно оконтурить границы пятна культурного слоя землянки № 18 на глубине от 0,85 до 1 м, рёбрами хорошо вырисовывавшейся благодаря более темному цвету сильно уплотненного грунта на фоне желтоватых суглинков.

Жилище состояло из трех глубоких ям неправильно-овальной формы, выделявшихся в общих границах более мелких углублений, составлявших в целом землянку № 18. Длина жилища с севера на юг — 10 м, ширина — 2,4 м (центр) до 3,7 м (северная и южная части). Землянка была вырыта в желтоватых суглинках и имела овально-неровные очертания, вытянутые с севера на юг; она как бы состояла из 3 частей, в каждой из которых на дне, на глубине до 2 м, находился очаг (рис. 23—1).

В северной части землянки округлая очажная яма (глубиной 1,65 м) была сплошь заполнена золой с угольками; здесь же найдены отдельные кости животных, фрагменты грубой, кухонной и серой, лощеной керамики с линейно-ленточным орнаментом. Другая очажная яма, тоже округлая, находилась в центральной части жилища; она была больше других по размерам (диаметр — 2 м, глубина — до 1,9 м) и оказалась заполненной углями, золой, плотно слежавшимся культурным слоем. У самого дна сохранился толстый слой сильно обожженного глиняного пода очага.

Третья очажная яма в южной части жилища — овальная, вытянутая с севера на юг. Размеры ее — 2 × 1 м; наибольшая глубина — 2—2,5 м. Глиняной подмазки на дне не было. Интересно, что с юго-западной стороны к очагу вел ступенчатый вход (2 ступеньки), который можно было хорошо наблюдать в процессе выборки культурного слоя, заполнявшего очажную яму (рис. 23—2). В продольном и поперечном разрезах четко

³ На всей площади раскопа были оставлены контрольные бровки толщиной 30 см (продольные — с севера на юг и поперечные) для разрезов.

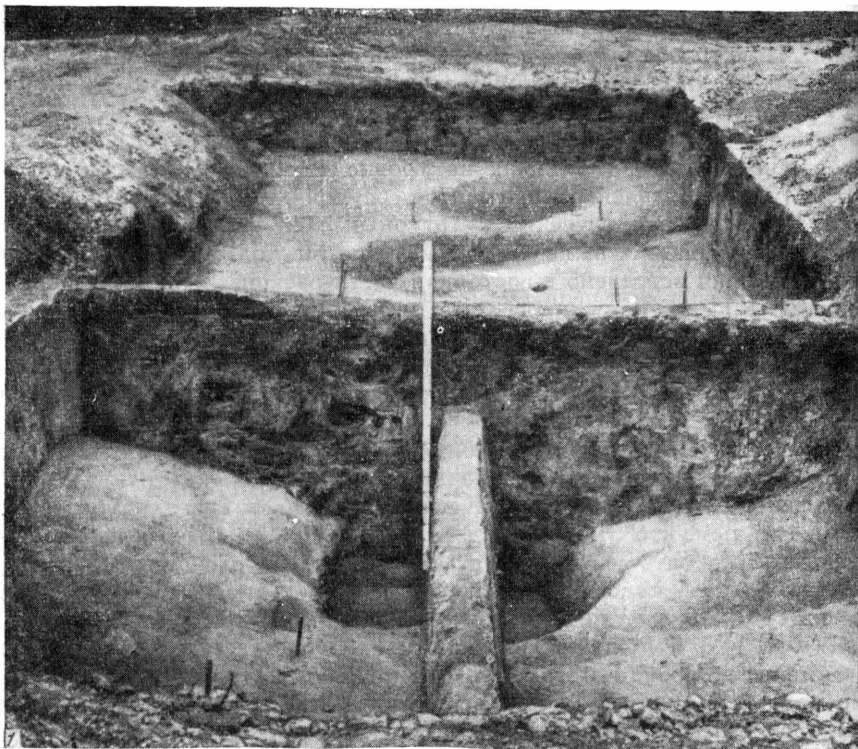

Рис. 23. Флорешты

1 — общий вид землянки № 18 с севера; 2 — землянка № 18 в разрезе.

рослеживались культурные горизонты верхнего слоя Боян и нижнего — с линейно-ленточной керамикой; при этом, как отмечалось и ранее, стерильно-голубого слоя, без находок, между ними не было. Верхний слой (Боян) лежал в черноземе, начиная с глубины 0,3—0,4 м, а ниже — в коричневато-сероватых суглинках; на глубине, начиная с 0,85—0,9 м, непосредственно под слоем Боян в суглинках находился слой с линейно-ленточной керамикой. Образцы глин найденных в очажных ямах землянки № 18, были переданы в лабораторию ИИМК Г. Н. Лисицыной для определения. Из 6 образцов четыре оказались углем дуба (*Quercus*) и два — ясеня (*Fraxinus*).

Среди находок в землянке № 18 следует выделить керамический комплекс, состоящий из сосудов двух типов: 1) тонкостенных, серых, лощеных, с линейным («ленточным») орнаментом и 2) коричневато-черных, из массы с известительной примесью. Среди находок в землянке № 18 следует отметить каменные тесла в форме «башмачной колодки», одно сланцевое долото и следующие изделия из кости: 1 костяную пластину с округлыми краями (возможно, — ложило для формовки и сглаживания сосудов), 4 костяных пила и 3 плоских костяных лопаточки, одна из которых сохранилась целиком; у ней узкая рукоятка и широкая рабочая часть (рис. 24).

Нижний культурный слой с линейно-ленточной керамикой на поселении (рис. 25) Флорешты был перекрыт культурным слоем бояновского времени. Так, в раскопе X, заложенном в восточной части поселения, слой Боян сохранился хорошо и достигал в среднем толщины 0,4 м, но насыщенность его находками была различной. В западной части раскопа толщина слоя была меньше, находки залегали реже; в восточной части находок в бояновском культурном слое было больше, а в северо-восточной — наблюдалось ярко выраженное скопление находок, залегавших необычайно густо на площади примерно 4 × 8 м. Скопление находок имело неправильную форму и было вытянуто в направлении с северо-запада на юго-восток; видимо, это было место жилища (№ 16) бояновского времени (рис. 22). Здесь найдено огромное количество фрагментов керамики, костей животных, изделий из кремня и кости, отщепов кремня, обломков камней и т. п.

У северного края скопления находилась небольшая глинобитная площадка — размером 0,8 × 0,7 м. Находок на ней было мало, но, судя по нескольким фрагментам сосудов, она, очевидно, связана с каким-то жилым местом бояновского времени; это тем более вероятно, что северо-западнее площадки (на расстоянии 1 м) располагалась небольшая яма диаметром 0,6 м и глубиной 1,1 м, в которой на дне находились уголь и зола. Это была очажная яма бояновского времени или яма, в которую ссыпали золу из очага. Неподалеку, у края скопления находок, лежали камни зернотерок, а у самой площадки и у очажной ямы находилось исключительно большое количество костей животных, в том числе — рога быка. Граница контура пятна бояновского времени на плане показана по наибольшему скоплению находок (см. рис. 22). В действительности она была, возможно, несколько шире. Это скопление следует считать местом наземного жилища (№ 16) бояновского времени.

Раскоп XI, заложенный в западной части поселения, первоначально составлял 30-метровую траншею (30 × 1 м), которая соединила западную стенку раскопов I и II с раскопом VII. Траншея эта была прокопана лишь до глубины 0,3—0,4 м. Дальнейшее углубление было приостановлено в связи с тем, что культурный слой Боян оказался чрезвычайно насыщенным, и приступлено к расчистке его на этом горизонте. По всему пространству траншеи в черноземе обнаружено много керамики, костей животных, орудий и отщепов кремня культуры Боян. Раскоп XI был расширен в обе стороны (на север и на юг) от траншеи с оставлением продольных и поперечных перемычек для разрезов. Общая площадь раскопа составила 200 кв. м. На глубине 0,4—0,5 м на всем пространстве раскопа XI слой Боян сохранился почти

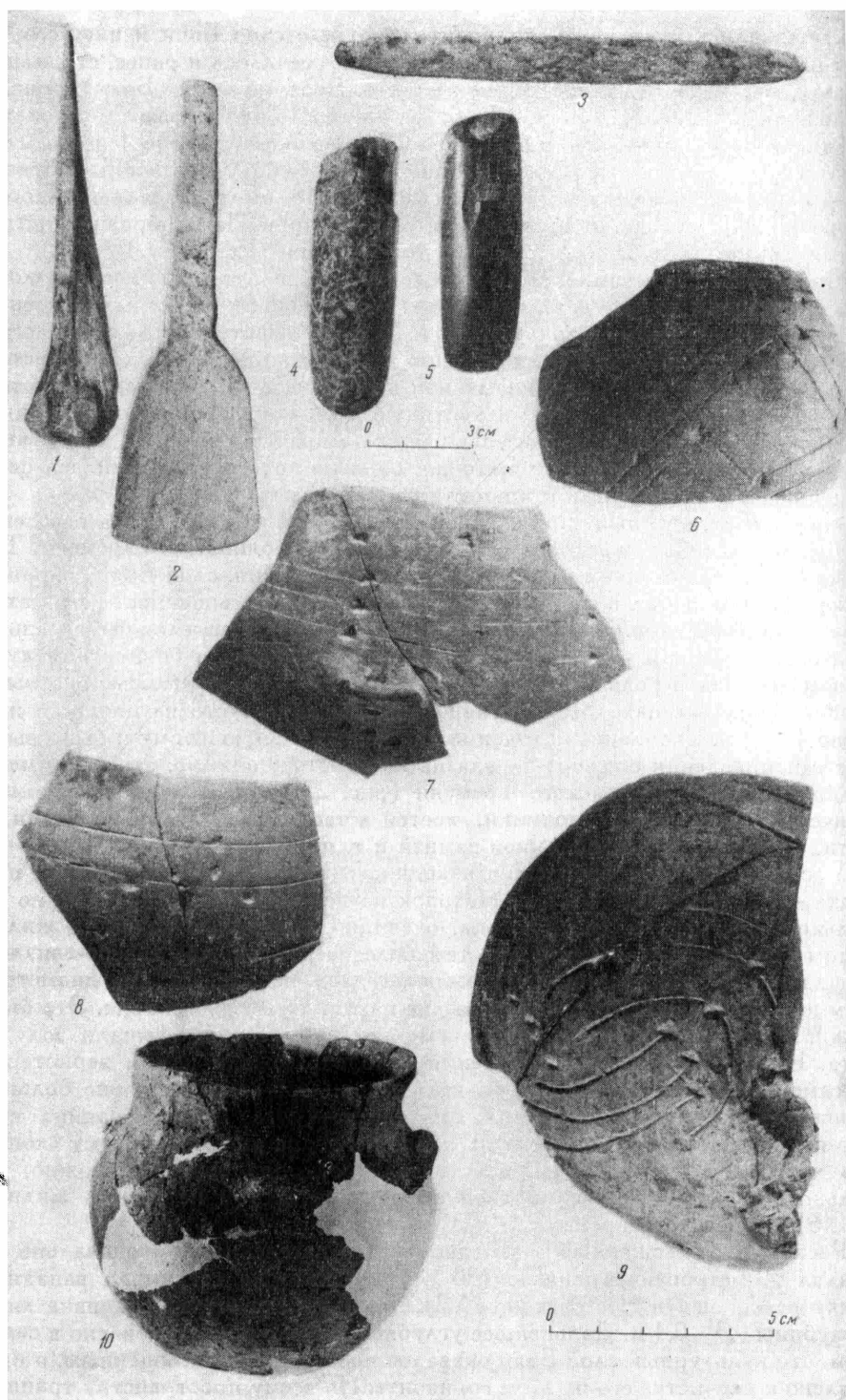

Рис. 24. Флорешты. Находки из землянки № 18. Нижний культурный слой с линейно-ленточной керамикой

1—3 — изделия из кости; 4, 5 — каменные тесла; 6—9 — фрагменты керамики с линейно-ленточным орнаментом; 10 — кухонный сосуд.

Рис. 25. Флорешты

1 — общий вид раскопа XI с расчищенным верхним культурным слоем типа Боян;
2 — верхний культурный слой в разрезе.

непотревоженным и залегал очень плотно. Поэтому было решено произвести на всей территории расчистку культурного слоя (местами перекрытого остатками культуры эпохи поздней бронзы) и проследить места наибольшего скопления слоя культуры Боян (рис. 25—1).

После снятия остатков культурного слоя эпохи поздней бронзы и расчистки слоя Боян довольно четко выявились два крупных пятна — скопления находок этого периода, возможно, соответствующие тем местам, где были устроены легкие наземные жилища поселка времен культуры Боян. Толщина культурного слоя, залегавшего в черноземе и переходном к суглинкам

слое в западной и центральной частях раскопа XI, была наиболее интенсивна и доходила до 0,4—0,5 м (начиная с глубины 0,4—0,5 м и до 1 м).

В западной части найдено особенно много каменных зернотерок этого времени. Культурный слой чрезвычайно насыщен костями, главным образом крупных животных — рогатого скота, благородного оленя (рога) и др., орехами и орешками из кремня, сланца, изделиями из рога и кости, многочисленными фрагментами керамики (рис. 25—2). Керамический комплекс культурного слоя Боян состоял в основном из посуды трех типов: 1) сосудов с углубленным и резным орнаментом, часто заполненным белой массой (рис. 26—1—9); 2) серых, лощеных, с каннелюрами (рис. 27—5—11) и 3) грубых, кухонных, с ногтевым орнаментом (рис. 26—10—15), покрывающим обычно всю поверхность сосуда. Среди отдельных находок — фрагменты глиняных статуэток (рис. 27—2—4), костяные шилья, костяные фигурки, роговые мотыги, кремневые скребки, острия микролитического облика.

Открытые в этом культурном слое значительные скопления находок (в частности, — лежавших на древнем горизонте зернотерок), видимо, следует рассматривать как места наземных жилищ, где древний человек в летнее время обрабатывал камень и кости, растирал зерно, разделывал туши убитых зверей. Неподалеку от этих скоплений обнаружены глубокие землянки с очагами на дне, где человек укрывался в холодное время. У летних жилищ могли быть легкие навесы, а у землянок с очагом — шалашевидные покрытия.

В этот период (культура Боян) поселение существовало достаточно длительное время, о чем говорит мощность его культурного слоя. В западной части раскопа XI была открыта очажная яма бояновского времени, разрушенная в верхней части ямой бронзового века (№ 20). Яма бояновского времени хорошо сохранилась, начиная с глубины 1,5 м. Диаметр ее — 1,4—1,6 м (на глубине 1,9 м). На дне лежал толстый слой (примерно 10 см) золы и угля; в нем обнаружены фрагменты керамики культуры Боян и кости животных. Эта яма, видимо, связана с теми скоплениями находок на местах летних жилищ, которые наблюдались в раскопах X и XI.

За 3 года раскопок на поселении у с. Флорешты обнаружено несколько подобных очажных ям, а также землянок и полуземлянок с очагами на дне, относящихся к бояновскому времени⁴. Одна из таких землянок (№ 12) вскрыта еще в 1957 г. в раскопе I. Однако тогда была выбрана до дна лишь северная часть землянки; южная часть исследована в 1958 г. (см. рис. 22). В плане землянка прослежена на глубине 1—1,15 м, в слое желтовато-коричневатых суглинков. На их фоне потемнение слоя вырисовывалось в форме полуовала с небольшим неправильно-прямоугольным выступом на юго-западе. После выявления пятна землянки № 12 приступили к расчистке ее, начиная от центра (т. е. от середины заполнения землянки — к краям), причем оставили контрольный разрез. На глубине 0,4 м в землянке шел суглинок с сильным золистым заполнением, содержащим фрагменты керамики культуры Боян и кости животных. Толщина интенсивно золистого слоя — 0,25—0,3 м; в нем встречались вкрапления угольков.

Вдоль восточного и западного краев землянки на глубине 1,47—1,7 м расчищена обмазка розовато-красного цвета, состоявшая из глиняных вальков (толщиной 5—8 см) с растительной примесью, сильно обожженная. Она служила основанием очага. В юго-западной стороне землянки в слое пепла и углей найден обломок черепа быка с одним сохранившимся рогом. Рядом с черепом, восточнее, лежали обломки верхней части чаши на поддоне, а несколько южнее, у самого южного края землянки, — ребро крупного животного.

⁴ Т. С. Пассек. Указ. соч.

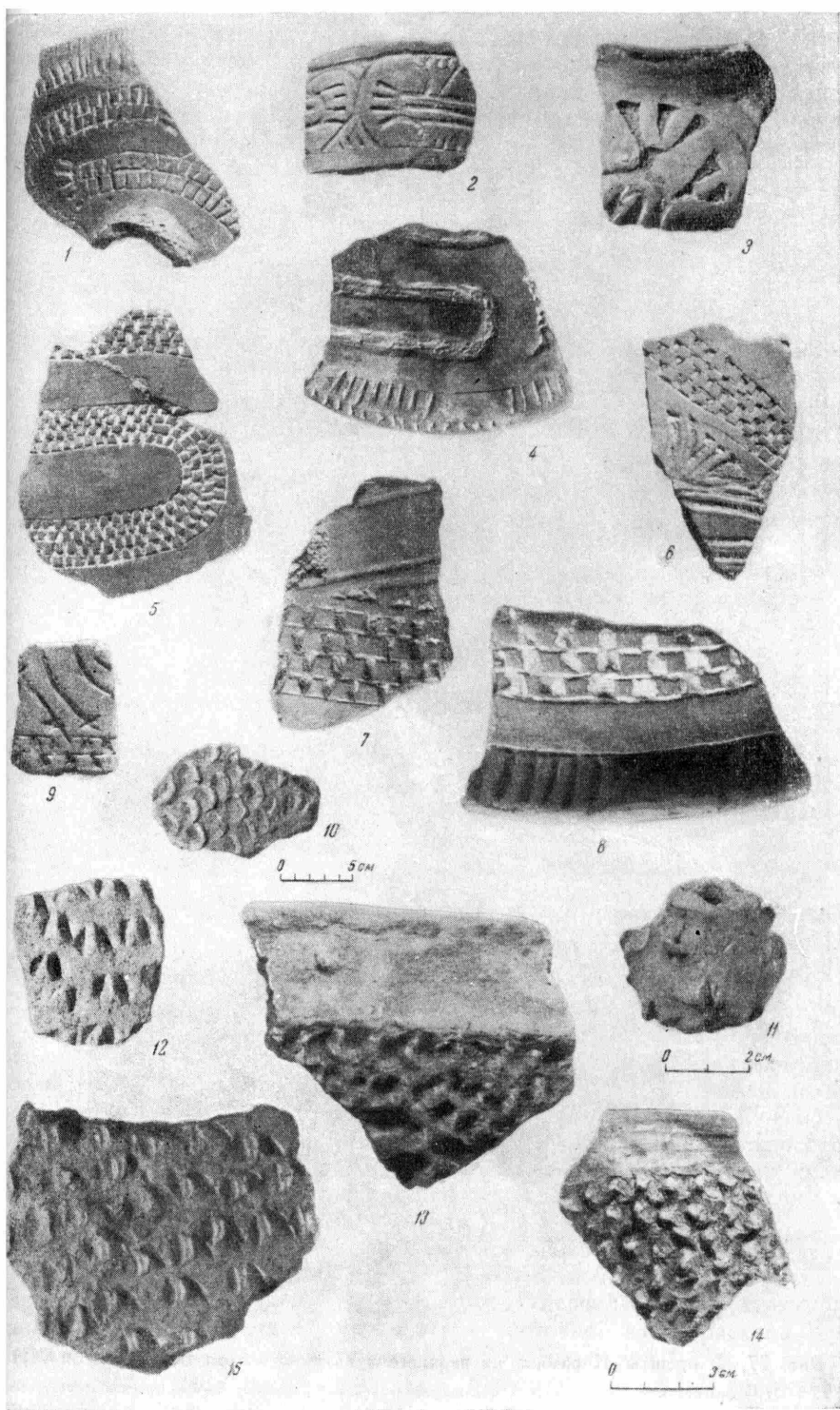

Рис. 26. Флорешты. Керамика из верхнего культурного слоя Боян (раскоп XI)

1—9 — фрагменты сосудов с резным орнаментом; 10—15 — фрагменты кухонных сосудов.

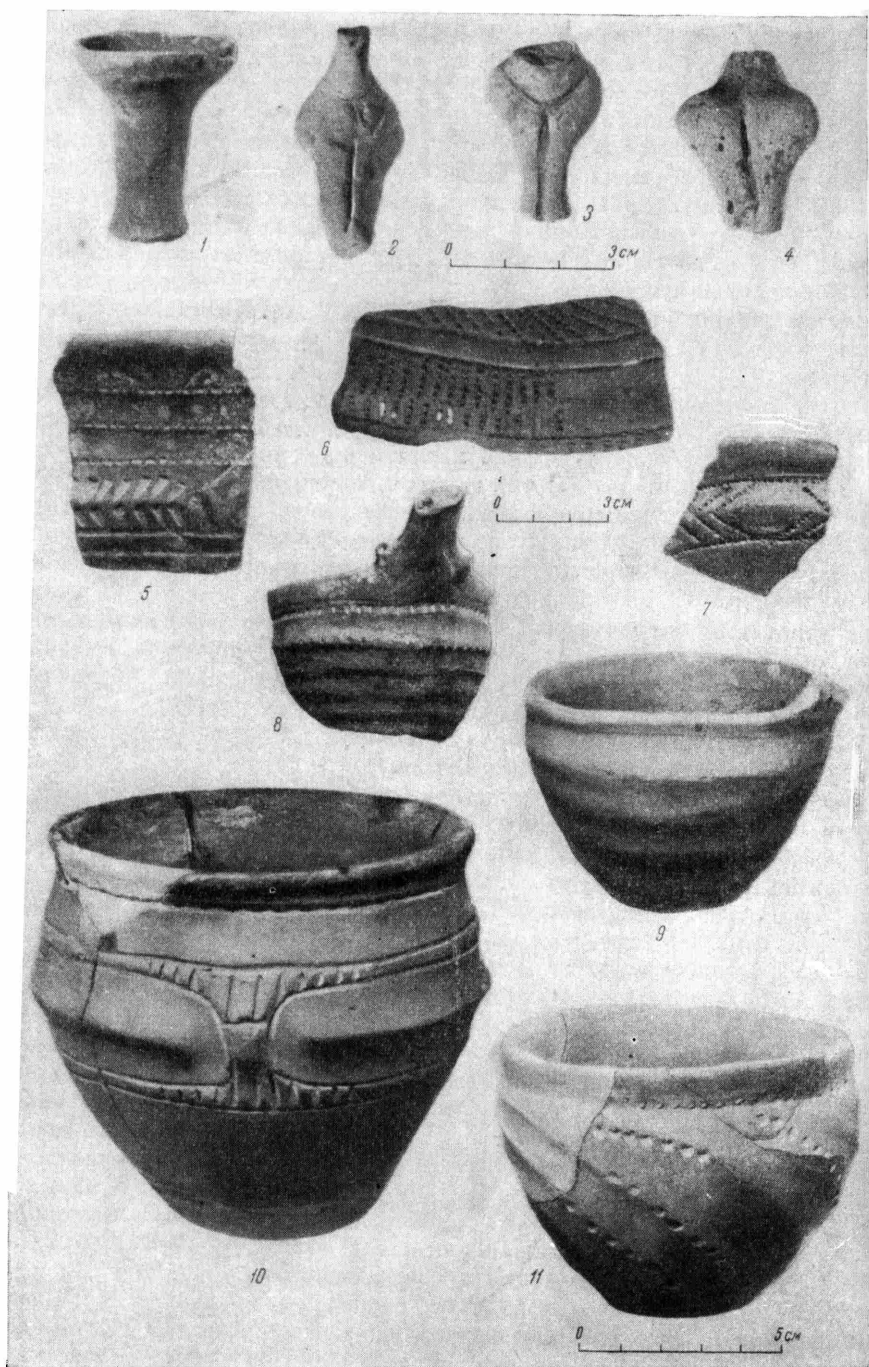

Рис. 27. Флорешты. Керамика из верхнего культурного слоя Боян (раскоп XI)
 1, 5—11 — фрагменты сосудов и сосуды с каннелированной поверхностью; 2—4 — фрагменты статуэток.

Землянка была вскрыта до дна. В ней обнаружено около 100 фрагментов керамики. Преобладают сосуды с углубленным орнаментом (Боян); много грубой, кухонной посуды, с небрежно сглаженной поверхностью. Найдена также характерная для комплекса культуры Боян тонкостенная посуда с индентированной поверхностью. Кремневых орудий немного, так же как отщепов и мелких чешуек.

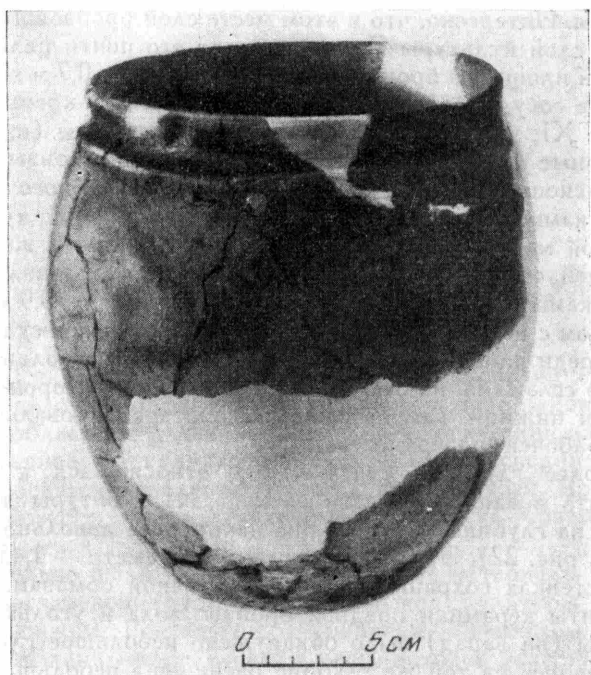

Рис. 28. Флорешты. Сосуд эпохи поздней бронзы.

Форма землянки № 12 оказалась неправильно-овальной в плане ($2,2 \times 2,8$ м). В юго-западной части был ступенчатый вход; ступенька шириной 0,5—0,6 м находилась на глубине 1,25 м. Почти в центре землянки, ближе к западному краю, располагался очаг ($1,1 \times 1,2$ м), западный и восточный края которого имели глинобитную обмазку. Очаг был заполнен золой и угольками. Наибольшая глубина землянки — в месте очага (1,74 м). По комплексу находок, в основном керамическому, землянка № 12 относится к верхнему культурному слою неолитического времени и принадлежит культуре Боян, как и другие землянки, ранее исследованные на поселении у с. Флорешты (№ 2, 10, 11, 14, 15 и др.).

В 1958 г. на раскопах X и XI в значительно большем количестве, чем на других раскопах (1956—1957 гг.), обнаружены остатки поселений эпохи поздней бронзы, частично перекрывавшие культурный бояновский слой. Так, на глубине 0,6 м в восточной части раскопа X выявлены контуры круглой ямы диаметром 1,25 м, глубиной 1,12 м. В яме найдены фрагменты сосудов эпохи поздней бронзы — из грубой коричневаточерной массы (рис. 28).

Значительно севернее этой ямы, на той же глубине, были расчищены фрагменты крупного сосуда. Кроме этого, почти на всей площади раскопа X, на границе перехода чернозема в суглинки, попадались отдельные обломки сосудов эпохи поздней бронзы, типа керамики культуры зольников.

Большая хозяйственная яма (№ 21) того же времени была расчищена южнее (см. рис. 22); диаметр ямы — 2,7 м, глубина — 1 м. На дне ее лежали 3 крупных раздавленных сосуда и обломок зернотерочного камня. В одних из сосудов находились кости животных. Яма № 21, очевидно, была связана с глинобитной площадкой бронзового века, находившейся у южного края ямы. Обмазка площадки лежала очень неровно на глубине 0,45—0,65 м. На площадке найдены плоские камни зернотерок и фрагменты сосудов эпохи поздней бронзы. Интересно, что в этом месте слой бронзового века нарушил нижележащий слой культуры Боян, прорезав его почти целиком. Под глиняной обмазкой площадки бронзового века на глубине 0,7 м хорошо сохранились небольшие сосуды бояновского типа и орудия из кремня.

На раскопе XI, над слоем Боян, местами расчищены (на глубине 0,4–0,6 м) культурные остатки поселения эпохи поздней бронзы. На центральном участке раскопа была замечена золистость культурного слоя и найдено много плоских камней, а между ними — фрагменты грубой, кухонной посуды из коричневатой массы (эпохи поздней бронзы) и кости животных. Здесь же, среди камней, обнаружена небольшая яма (№ 22), заполненная золой мелкими угольками (диаметр ее — 1,1 м, глубина — 0,4—0,9 м; см. рис. 22). И в яме, и рядом с ней находились фрагменты крупных сосудов эпохи поздней бронзы. Среди плоских камней вокруг ямы было довольно много зернотерок с хорошо сглаженной поверхностью; с западной стороны на краю ямы лежал крупный нижний камень такой зернотерки — овальной формы, углубленной рабочей поверхностью.

Другая, более глубокая яма (№ 20), относящаяся к эпохе поздней бронзы, вскрыта в западной части раскопа XI. Контуры ямы были прослежены лишь на глубине 1 м, хотя она начиналась довольно высоко в слое чернозема (см. рис. 22). Эта яма округлая, ее диаметр — 1,45 м, глубина — 1,5 м. На стенках сохранились куски глиняной обмазки, в культурном слое — фрагменты керамики поздней бронзы, зола и угольки. На глубине 0,5 м близ ямы (на запад) было обнаружено небольшое глинобитное возвышение, а севернее на той же глубине расчищена небольшая глинобитная вымостка, возле которой также найдены фрагменты керамики эпохи поздней бронзы. Яма № 20, относящаяся к этой эпохе, разрушила находившуюся здесь в более древнее время яму — культуры Боян.

Результаты археологических раскопок в 1958 г. на многослойном поселении у с. Флорешты позволяют, на основе стратиграфических наблюдений, подойти к разрешению одного из сложных вопросов древней истории Дунайско-Днестровского междуречья — о последовательной смене поздненеолитических племен, установлении их относительной датировки, создании периодизации этих культур. Раскопки на поселении у с. Флорешты раскрывают еще одно звено в истории раннетрипольских племен и расширяют наши представления о начальном периоде трипольской культуры. Изучение обоих поздненеолитических горизонтов во Флорештах устанавливает взаимоотношение двух групп неолитических племен — культуры типа Боян и культуры линейно-ленточной керамики.

Д. А. КРАЙНОВ

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ФАТЬЯНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Летом 1958 г. Ярославской археологической экспедицией ИИМК были проведены разведочные и раскопочные работы в ряде районов Ярославской и Ивановской областей с целью изучения археологических памятников эпохи неолита и фатьяновской культуры. В организации экспедиции приняли также участие Ярославский областной краеведческий музей, Ярославский педагогический институт имени Ушинского и Ильинско-Хованский районный краеведческий музей¹.

Предварительно были учтены вещественные материалы для «свода» памятников «ярославской группы» фатьяновской культуры, хранящиеся в Ильинско-Хованском, Ростовском, Рыбинском, Угличском и Ярославском музеях. По этим данным обследованы места находок указанных вещей. Произведены раскопки двух фатьяновских могильников — Милославского в Ивановской области и Карашского в Ярославской области, а также продолжены раскопки Карашской торфяниковой стоянки эпохи неолита и поздней бронзы.

По музейным коллекциям и в результате разведочных работ экспедиция зафиксировала около 60 новых мест так называемых случайных находок вещей фатьяновской культуры и свыше 20 новых могильников в Ивановской и Ярославской областях. Случайные находки в основном состоят из каменных сверленных топоров-молотков разных типов, кремневых клиновидных топоров, каменных булав и кремневых пластинок. Все эти предметы, найденные, главным образом, на полях при пахоте, по-видимому, большей частью были утеряны; места стоянок и могильников они не обозначают. Однако эти находки указывают на присутствие где-то рядом или поселений, или могильников.

Значительное количество находок на севере Рыбинского района, в Пешехоно-Володарском и Даниловском районах свидетельствует о проникновении фатьяновских племен далеко на север. По-видимому, придется значительно расширить границы фатьяновской культуры и на северо-восток, и на северо-запад. Интересно, что большинство этих находок концентрируется по берегам рек и речек. Только по ним, вероятно, и было возможно продвижение фатьяновцев на север в условиях леса.

¹ В работах участвовали: А. В. Шибанов и Д. Е. Чернявский — от Ильинско-Хованского музея, Л. С. Кример — научный сотрудник Рыбинского краеведческого музея, лаборанты О. С. Гадзяцкая и М. Б. Бохина и студенты Ярославского педагогического института.

Особо нужно остановиться на обследовании Ильинско-Хованского Аньковского районов Ивановской области. Сейчас районы бедны лесом. Их центральная часть представляет собой сильно пересеченную местность с высокими холмистыми возвышенностями моренного происхождения, значительная часть занята болотами, останцами древних озер. Эти места никогда не обследовались археологами. Однако надо отметить большую и плодотворную работу основателя Ильинско-Хованского музея Д. Е. Чепнявского по сбору среди населения археологических вещей, регистрации археологических памятников района и составлению карты находок. Нас интересует район фатьяновскими памятниками заставила нас произвести разведку, которая выявила свыше 30 мест случайных находок и 13 фатьяновских могильников, не известных до сих пор. Более половины указанных могильников разрушено карьерными разработками. Почти все они располагались на высоких холмах моренного происхождения. Как правило, около каждого могильника имеются крупные болота с останцами озер и озерки. Это представляет интерес для поисков мест поселений и выяснения вопроса о палеогеографии данной местности в фатьяновское время. Возможно, большинство поселений располагалось в низких местах по берегам древних озер. Нашими разведками в Ярославской и Ивановской областях обнаружено несколько каменных сверленных топоров-молотков на территории современных болот.

Большое количество так называемых случайных находок фатьяновских боевых топоров-молотков и каменных булав² в Ильинско-Хованском районе, а также относительная частота расположения могильников (иногда 2—4 км друг от друга) могут свидетельствовать или о густоте фатьяновского населения, или о больших передвижениях. Интересно, что во всех разрушенных могильниках, судя по расспросам, было очень мало могил и находок.

В Ильинско-Хованском районе мы провели раскопки вновь открытого Милославского могильника. Деревня Милославка находится в 12 км к юго-западу от с. Ильинско-Хованского. На ее территории неоднократно находили каменные сверленные топоры-молотки. В Ильинско-Хованском музее хранятся 3 находки. Одна из них — каменный обушковый сверленный топор-молоток из серого диорита. Заполировка хорошая. Обушок короткий округлый. Поверхность среза плоская. Плечики широкие. Тыльная сторона — выпуклая у сверлины, а лобная — слегка выгнутая. Лезвие округлое с мелкими выколами. Сверлина цилиндрическая, с нарезками. Топор — небольшого размера; длина его — 10,6 см, ширина — 6 см, лезвие — 3,8 см, диаметр сверлины — 2,5 см (лобная сторона) и 2,4 см (тыльная сторона³, рис. 29—1). Топор найден в 1939 г. колхозником П. Е. Лешенковым «в обвалившейся картофельной яме, выкопанной на урочище Горка» в дер. Милославка.

Вторая находка — обломок каменного сверленного топора-молотка серого цвета. Сверлина (диаметром 2,5 см) — с кольцевыми нарезками. Лезвие прямое, с выколами от работы. Лобная сторона уплощена. Длина обломка — 10,7 см, ширина — 5,7 см, лезвие — 4 см⁴ (рис. 29—2). Найден в 1945 г. трактористами на горе в поле, называемом «в ригу концами», у р. Сахты. Точнее место не установлено. Третья находка — обломок каменного топора-молотка, обнаруженный у дер. Милославка т. Карповым в 1948 г.⁵

Лиц, нашедших эти топоры, мы не разыскали, и нам никто не мог указать места находок. В западном конце дер. Милославка имеется большой холм, называемый «Горка» или «Лешенково место». Бригадир колхоза

² Находки булав редки в Ярославской и Ивановской областях.

³ Хранится в Ильинско-Хованском музее, инв. № 14.

⁴ Хранится там же, инв. № 11.

⁵ Топор утерян.

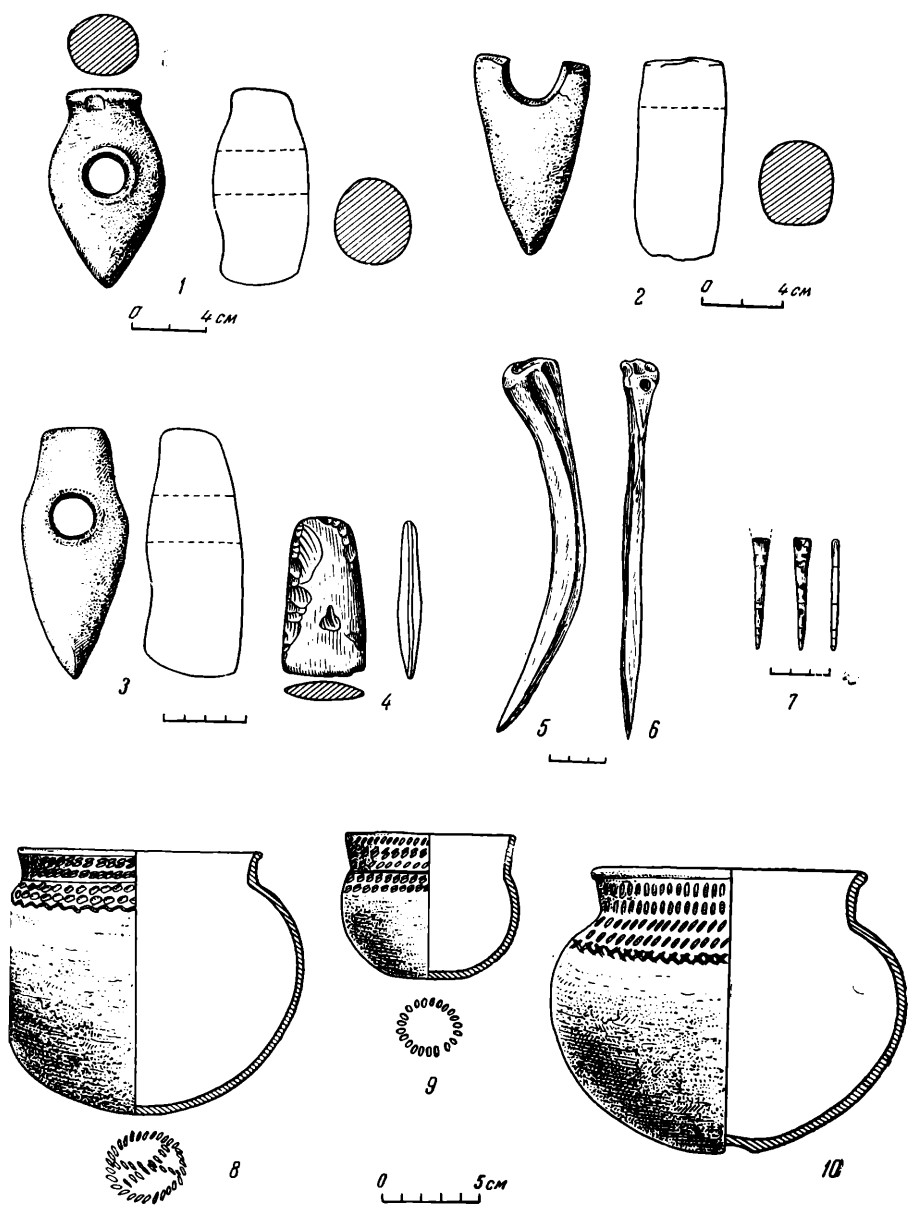

Рис. 29. Находки из Милославского и Карашского могильников Ярославской области

1, 2 — каменные топоры-молотки из погребения № 1 Милославского могильника; 3 — каменный топор-молоток в Карашского могильника; 4 — кремневый клиновидный топор из Карашского могильника; 5 — костяное ложило; 6 — костяная проколка; 7 — костяная игла (5—7 из погребения № 1 Милославского могильника); 8, 9 — сосуды из Карашского могильника; 10 — сосуд из Милославского могильника.

А. И. Фоменков сообщил, что на «Горке», при устройстве силосной ямы на глубине около 2 м, был найден череп человека, «обложенный камнями». Как потом выяснилось, на месте силосной ямы был когда-то погреб П. С. Лешенкова. По-видимому, здесь им в 1939 г. и был найден описанный выше каменный топор-молоток (рис. 29—1).

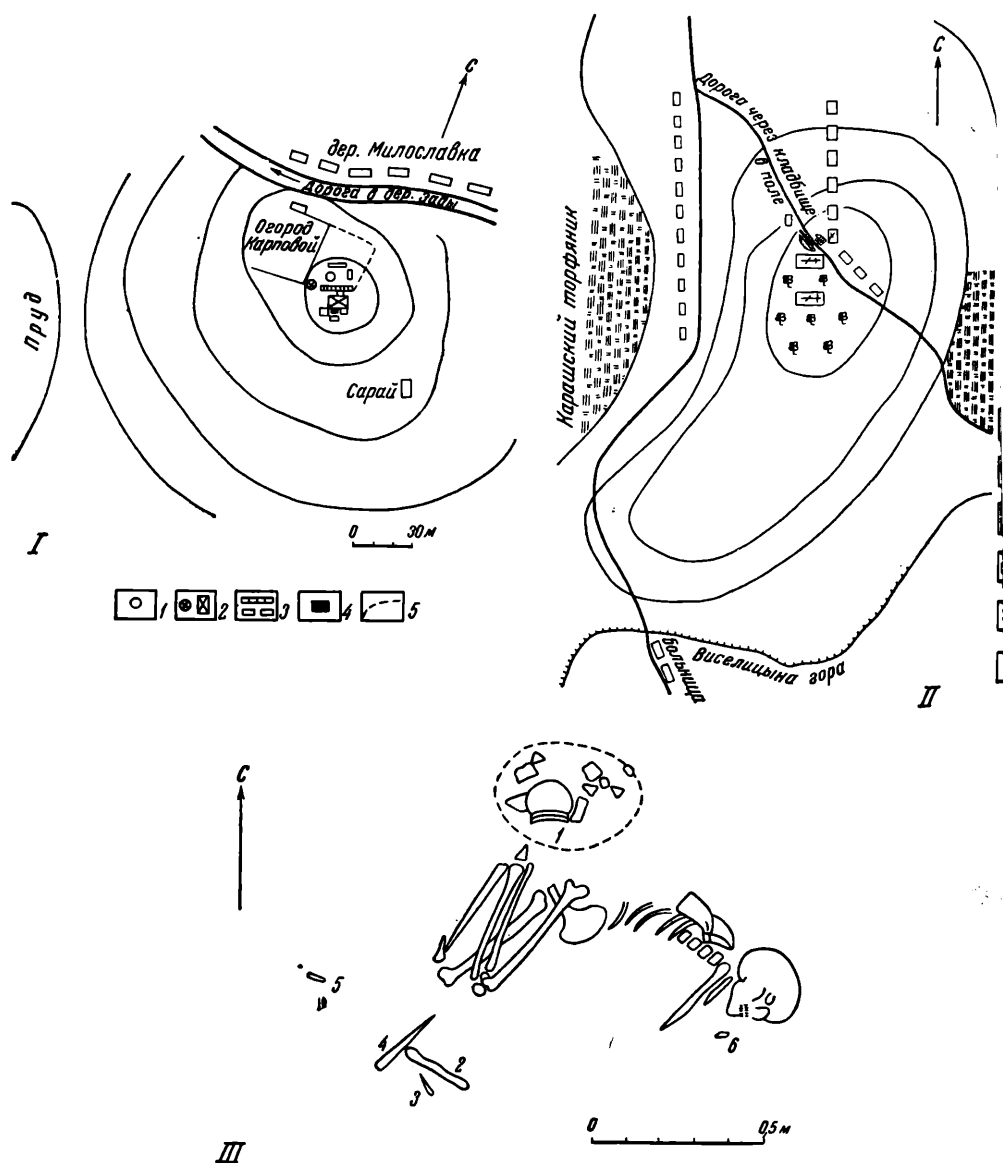

Рис. 30. Милославский и Карашский фатьяновские могильники

I — план Милославского фатьяновского могильника (1 — силосная яма; 2 — погребение ямы; 3 — раскопки; 4 — погребение; 5 — границы места б. дома Лешенковых); II — план расположения фатьяновского могильника в с. Караш (1 — раскоп; 2 — кладбище; 3 — болото; 4 — дома; 5 — церковь; 6 — библиотека); III — план погребения № 1 Милославского могильника (1 — сосуд; 2 — ложило; 3 — шильце; 4 — проколка; 5 — кость; 6 — осколок кремня).

Раскопки Милославского могильника. Могильник расположен на холме, вытянутом с юго-востока на северо-запад. С южной и западной сторон холм окружен заболоченной низиной с небольшим сохранившимся озерком (прудом). Высота холма над уровнем этого озера — около 9 м. Река Сахта протекает в 1 км к северо-востоку от дер. Милославка. Вся центральная, наиболее высокая, часть холма занята бывшей усадьбой П. С. Лешенкова и огородом Карповой (рис. 30—1). На этой усадьбе и

йчас прослеживаются остатки круглой и четырёхугольной ям — хранилищ лабазов). При зачистке южной стенки ямы мы сразу же натолкнулись на разрушенный край погребения с остатками глиняного круглодонного сосуда; здесь и был заложен шурф № 1.

Верхние слои в шурфе до глубины 0,45—0,5 м были нарушены. На глубине 0,65 м в северной части шурфа встречены отдельные угольки и кусочки красной (охристой) краски. Почва в заполнении могильной ямы была значительно мягче и темнее. Форму и размеры могильной ямы проследить не удалось.

На глубине 0,75 м от современной поверхности обнаружено погребение (№ 1). Кости скелета сохранились почти полностью, только от костей рук остались небольшие обломки (рис. 30—III). Скелет лежал в сильно скорченном положении, на левом боку, головой на восток, лицом к югу. Череп достаточно хорошо сохранился, но раздавлен⁶. Кисти рук, судя по тлену, лежали перед лицом. Кости стоп были срезаны при копке хранилища. Длина скелета от края черепа до тазовых костей — 70 см, от тазовых костей до плечей — 43 см; длина берцовых костей — 32 см. Рост погребенного, вероятно, был не менее 150 см.

В погребении обнаружены: обломки раздавленного круглодонного сосуда⁷; широкое, изогнутое костяное ложило длиной 20 см; небольшое шильце (игла), орнаментированное круговыми нарезками, длиной около 6 см; крупная костяная проколка (кинжал) с заостренным концом, длиной около 20 см; кость животного; осколок кремня. Возможно, около сосуда, у срезанной части могилы, тоже были вещи. Под скелетом прослежена тонкая подстилающая прослойка темного тлена, заметная и по неразрушенным краям дна могилы. По-видимому, эта прослойка была дном могильного сооружения, подобного вауловским⁸. По рассказам жителей, около погребения № 1 при копке ямы для «лабаза» были найдены кости ребенка.

В разных местах центральной части холма вскрыто около 102 кв. м вокруг погребения № 1 и силосной ямы, но других погребений не обнаружено. Раскопки показали, что вся центральная часть холма была занята селищем XVII—XVIII вв. Почти всюду, во всех траншеях и шурфах, наблюдались ямы от погребов до глубины 2—2,5 м. В них обнаружены развалины печей, обломки глиняной посуды, кости животных, угли и другие вещи XVII—XVIII вв. По-видимому, все древние погребения были разрушены погребками и ямами этого селища. В ряде мест замечены края древних могильных ям, но дальше они не прослеживались.

Обследование Милославского могильника и расспросы местных жителей позволяют установить, что здесь были 3 погребения: № 1 (описанное выше), № 2 (детское) и № 3 (в силосной яме). На основании раскопок этого могильника можно сделать некоторые предварительные выводы. Представляет интерес расположение могильника на берегу «древнего озера», что характерно для могильников ярославской группы фатьяновской культуры. Устройство ямы и могильного сооружения типа Вауловского могильника, а также инвентарь погребения убеждают в однотипности Милославского могильника с могильниками ярославской группы, тем более что и здесь,

⁶ Череп передан М. М. Герасимову для восстановления. По его заключению, череп принадлежал женщине не старше 30 лет. Он долихоцефален и близок черепам прибалтийской культуры.

⁷ Сосуд шаровидный, с высокой шейкой; венчик слегка отогнут наружу. Внешняя поверхность лощеная, желтовато-красного цвета. Внутри сосуд серый. На дне — неглубокая ямка со слабо выпуклой серединой. Высота сосуда — 15 см, наибольшая ширина — 19 см, диаметр горла — 14,4 см, высота шейки — 2,7 см, толщина стенок — 0,5 см, диаметр ямки — 2,2 см. В тесте сосуда есть примесь песка. Сосуд украшен чеканным орнаментом: на шейке — два ряда вертикальных оттисков овального зубчатого штампа, на плечиках — тоже два таких ряда, а ниже — полоса перекрещивающихся оттисков того же штампа (рис. 29—10).

⁸ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник. Труды ГИМ, вып. XII. М., 1941.

по-видимому, над могилой было перекрытие, позднее обвалившееся. Данное заключение подтверждается наличием «воронки» в центре могильной ямы, а также тем, что череп был сплюснут, кости над центром «воронки» почти сохранились, сосуд сильно раздавлен и обломки его находились на значительной площади.

Следует также отметить для всех фатьяновских могильников захоронение женщин на левом боку. Характерен и инвентарь погребения. Костяное изогнутое орудие (гладилка), видимо, служило для заглаживания при выделке глиняных сосудов. Поэтому возможно, что гончарством занимались женщины, а не мужчины. Обкладка погребения камнями, наблюдавшаяся колхозниками при находке скелета в силосной яме, типична для многих фатьяновских погребений и, в частности, для могильников Ростовского края⁹.

Исследование Милославского могильника не следует считать исчерпавшим. Возможно, широкие раскопки выявят еще и другие погребения.

Раскопки Карашского фатьяновского могильника. В Петровском районе Ярославской области мы провели раскопки вновь открытого фатьяновского могильника, расположенного в центре с. Караш на месте современного кладбища, на всхолмленном высоком восточном берегу древнего озера. В 1957 г. жителем с. Караш К. И. Шамшиным было сообщено в Государственный исторический музей о находке каменного сверленого топора-молотка. Во время нашего пребывания в с. Караш К. И. Шамшин передал нам этот топор и показал приблизительное место его находки, около которого холм пререзает глубокая выемка дороги из села в поле. При прокладке дороги верхние слои были сняты на глубину от 1 до 1,5 м. Кроме того, в сторону кладбища расположен небольшой карьер, где местные жители берут песок. В этом карьере, у края дороги, и был найден топор (рис. 29—3). На месте его находки мы заложили шурф размером 2 × 3 м, который потом был значительно расширен. В нем обнаружено погребение № 1.

Установить точные размеры могильной ямы не удалось, так как она частично была разрушена карьером, а также пострадала при снятии верхних слоев над сохранившейся частью погребения во время прокладки дороги. Поэтому нижняя часть могильной ямы была прослежена только на небольшом участке шурфа на дороге. Здесь на глубине 1 м от прежней поверхности встречены угольки и кусочки красной краски (охры). На той же глубине оказалась угольная прослойка в виде «змейки», длиной 50 см, шириной 1—2 см и глубиной до дна погребения (возможно, в длину она продолжалась и в разрушенной части могилы). Судя по остаткам, могильная яма была овальной формы, приблизительно 2,5 × 1,1 м. Ориентировка ямы — с севера на юг. В сохранившейся части ямы могильное пятно было видно хорошо. Прослежена обмазка стенок могилы красноватой глиной (толщиной 5 см). Остатки погребения находились на глубине 1,25 м от прежней поверхности и 0,25 м от современной поверхности дороги. Скелет не сохранился.

В северо-западном конце могилы обнаружен кремневый клиновидный топор серого цвета (рис. 29—4). Длина его — 8,3 см, лезвие — 4 см. Сечение топора линзовидное. Обухок тонкий. Поверхность топора зашлифована, но по краям и частично на широких сторонах видны выбоины от первичной его обработки.

В 21 см к юго-востоку от места, где найден топор, оказалась зона раздавленных глиняных сосудов (угольная прослойка в виде «змейки» как раз

⁹ Халдеевский могильник, раскопки Д. А. Крайнова и А. Л. Никитина (1959 г.). Тимофеевский могильник, раскопки Д. А. Крайнова и др. (1959 г.). Материалы хранятся в Ярославском музее-заповеднике.

кодилась над сосудами). Площадь этой зоны равнялась 50×50 см. По-видимому, сосуды находились один в другом. Под сосудами и клиновидным тором дно могилы было обмазано глиной, так же как и по бокам могильной ямы.

Судя по расположению вещей и направлению могильной ямы, погребенный был ориентирован головой на юг — юго-восток. По рассказам жителей, далеко от наших находок обнаружен череп человека и там же К. И. Шамыным был найден упомянутый выше топор-молоток (рис. 29—3), который идет отнести к погребению № 1¹⁰.

Заложенный нами раскоп в 140 кв. м не вскрыл новых погребений. Хотя во всех участках раскопа встречены поздние захоронения в колодах, некоторых местах эти погребения попадались сплошь; они выходили за пределы современного кладбища, ограда которого была сделана в XVIII в. Судя по колодам, погребения можно датировать XVI—XVII вв. н. э., а возможно, и более ранним временем, так как, по летописным данным, Караш было известно чуть ли не с XII в. под названием Святославля. Если здесь и были фатьяновские погребения, то все они, видимо, разрушены захоронениями XVI—XVII вв., а основная часть могильника — современным кладбищем.

Форма и орнамент сосудов, а также найденные топор и клин позволяют считать, что Карашский могильник близок к ярославской группе. Особенно типичны сосуды¹¹ (рис. 29—8, 9). Змеевидную темную углистую прослойку следует, возможно, трактовать как остаток могильного сооружения, подобного сооружениям из погребений Вауловского могильника. Расположение Карашского могильника также характерно для ярославской группы.

Холм со всех сторон окружен болотом с остатками озер. Возможно, поселение людей, оставивших Карашский могильник, следует искать на торфянике. При добыче торфа здесь находили каменные топоры и отдельные бронзовые изделия.

В 1954—1955 г. мы провели раскопки в двух местах Карашского торфяника и установили наличие двух культурных слоев — раннедьяковского и юлитического. В 1958 г. раскопки на торфянике были продолжены на вновь открытой стоянке № 3, расположенной на восточном крае торфяника, на правом берегу современной речки Пашмы, в 300 м от с. Караш. Здесь на

¹⁰ Топор — из сероватого камня, относится к обушковому типу. Обушок небольшой, углубленный в основании. Лобная сторона от сверлины к лезвию слегка уплощена и выгнута; лезвие выпуклая, у сверлины — выдается. Боковые стороны тоже выпуклые. Лезвие широкое, скошено внутри и образует небольшую лопасть. Сверлина цилиндрическая, ее диаметр — 2,5 см. Длина топора — 13 см, ширина плечиков — 5,5 см, лезвие — 5 см.

¹¹ Первый сосуд — круглодонный, с высокой, слегка отогнутой наружу шейкой небольших размеров. Цвет внешней поверхности желтый. Обжиг слабый. Высота сосуда — 17 см, наибольшая ширина — 10,4 см, диаметр горла — 10 см, высота шейки — 2,2 см, толщина стенок — 0,4—0,5 см. Сосуд украшен двухзональным узором: по шейке вверху — ряд косо-вертикальных овальных насечек зубчатого штампа, а ниже — два ряда таких насечек, но двойных, образующих ромбы. У основания шейки орнамент замыкается угловой бороздкой. По плечикам нанесены два ряда того же орнамента. На дне сосуда — орнамент, украшенный вокруг одним рядом насечек такого же зубчатого штампа (рис. 29—9).

Второй сосуд — круглодонный, шаровидный, с отогнутым наружу венчиком. Цвет речневый. Обжиг лучше, чем у предыдущего. Высота сосуда — 14 см, наибольшая ширина — 17 см, диаметр горла — 13 см, высота шейки — 1,8 см, толщина стенок — 0,5—1 см. Сосуд украшен двухзональным орнаментом. Под венчиком — круговая бороздка, по ней — два ряда двойных насечек зубчатого штампа, образующих ромбы. Ниже расположена такая же бороздка, как и выше. По плечикам идут два ряда ромбиков, нанесенных зубчатым штампом. Они замыкаются зигзагообразной линией, сделанной тем же штампом. На дне сосуда — ямка, украшенная круговым рядом насечек того же штампа и перекрещением таких же насечек внутри круга (рис. 29—8).

Третий сосуд — большой, с высокой шейкой, шаровидный — также орнаментирован шейке и плечикам чеканным орнаментом зубчатого штампа. Сосуд не реставрирован, судить о его форме и размерах трудно.

глубине 0,9 м от современной поверхности и 1,85 м от прежней поверхности (до снятия торфа) был обнаружен культурный слой, насыщенный прекрасными костяными изделиями (гарпунами, наконечниками стрел, и жами и пр.), обломками сосудов с зубчатым и сетчатым орнаментом, кремневыми орудиями и деревянными изделиями. Судя по вещам и данным анализа пыльцы, слой можно датировать концом II тысячелетия до н. э. и отнести к концу бронзового века; выше расположен слой дьяковского времени. В нижнем слое встречены наконечники стрел и обломки сосудов, близки к фатьяновской культуре¹². Возможно, здесь будут найдены поселения фатьяновцев. Находки разнообразных вещей почти на всей площади Карашского торфяника свидетельствуют о насыщенности его разнообразными археологическими материалами.

Таким образом, за время работ экспедиции проведены исследования памятников фатьяновской культуры и эпохи неолита на территории Ивановской и Ярославской областей. Благодаря изучению коллекций в указанных выше музеях, а также разведочному осмотру наиболее интересных мест находок установлены значительная густота в расположении фатьяновских памятников и близость могильников друг к другу. Выявлены условия расположения могильников, свидетельствующие о тяготении фатьяновцев к поймам рек и берегам озер. Раскопки Милославского и Карашского могильников дали новый материал для суждения об обряде захоронения и хозяйстве племен фатьяновской культуры.

В результате исследования Карашского торфяника получены данные о связи между раннедьяковской культурой и поздним неолитом, а также поселения конца эпохи бронзы. Кроме того, в 1958 г. экспедицией зарегистрированы новые селища, городища, курганы и проведено этнографическое изучение обследованных районов. Собран значительный материал по орнаментике домов (резьба по дереву), показывающий живучесть орнаментальных мотивов с глубокой древности.

¹² Карашский торфяник раскапывался нами, как указывалось выше, в 1954—1955 и в 1958 г. Материалы из раскопок (костяные и кремневые орудия, керамика, деревянные изделия и т. д.) хранятся в Ярославском музее-заповеднике. Здесь мы не касаемся раскопок Карашских стоянок, им мы посвятим отдельную статью.

И. В. СИНИЦЫН

РОВНЕНСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК

В 1957 г. Заволжский отряд Сталинградской экспедиции ИИМК провел летний сезон полевых археологических работ, начатых в 1951 г. на левобережной стороне Волги, в зоне затопления Сталинградской ГЭС. Основные работы в 1957 г. были сосредоточены на раскопках курганного могильника с. Ровное (районный центр Саратовской области). Могильник расположен около села, с южной стороны на надпойменной террасе левого берега Волги, и содержит свыше 100 земляных насыпей размером от 10 до 30 м в диаметре и от 0,4 до 2 м высотой.

Раскопки Ровненского могильника производились еще в 20-х годах текущего столетия П. Д. Рау и А. А. Кротковым. В разные годы они исследовали до 20 курганов, в которых были разновременные погребения. К сожалению, только незначительная часть погребений, относящаяся к эпохе бронзы и сарматской культуре, опубликована П. Д. Рау¹. Материалы раскопок курганов, содержащих преимущественно погребения средневекового времени, полностью остались неопубликованными.

В 1957 г. в Ровненском могильнике мы раскопали 16 курганов и обнаружили 80 разновременных погребений. Выявлены могильные комплексы, характерные для древнеямных, срубных, сарматских погребений, а также юзднекочевнических (половецких) захоронений XI—XV вв. Раскопки курганов дали яркий материал для характеристики древнейших погребений Заволжья. Особенно интересны погребения древнеямной и срубной культур; более половины исследованных могил (45) относится к этому времени. Материалы раскопок подтверждают закономерную преемственность в развитии ямной и срубной культур Нижнего Поволжья.

Вновь исследованные древнеямные захоронения по характеру устройства могил и основным признакам погребального обряда не отличаются от обычных погребений ямной культуры, известных в пределах Нижнего Поволжья. Все грунтовые могилы — прямоугольной формы, сверху перекрыты бревнами; скелеты лежат на спине, с согнутыми ногами (коленями вверх), головой на восток. Дно могилы и погребенные посыпаны красной краской.

Необычным по ритуалу оказалось одно погребение (№ 25) в основной могиле кургана № 4. Она содержала часть расчлененного погребения. Скелет мужчины пожилого возраста лежал на спине; полностью отсутствовали

¹ П. Рау. *Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des Deutschen Wolgebietes im Jahre 1926*. Pokrowsk, 1927; его же. *Hockergräber der Wolgasteppe*. Pokrowsk, 1928, стр. 56, 60 и сл.

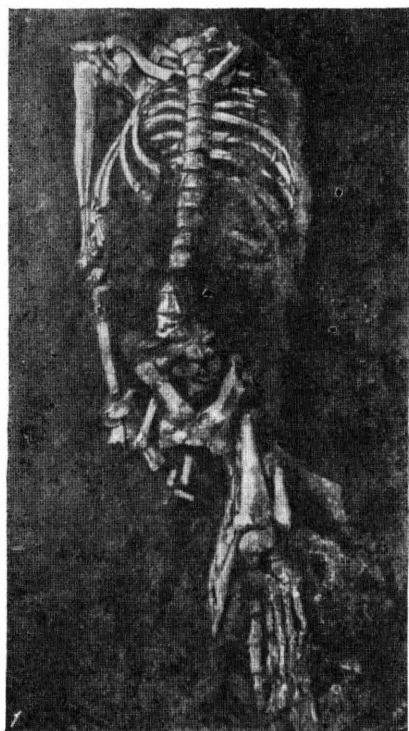

Рис. 31. Погребения в курганах № 4 и 15 у с. Ровное

1 — погребение № 25 из кургана № 4; 2 — погребение из кургана № 15; 3 — погребение № 14 из кургана № 4.

реп, левая рука и правая нога (рис. 31—1). Левая нога была разрублена части; обрубленное выше колена бедро находилось в правильном анатомическом соединении с тазовой костью; берцовые кости, отсеченные вместе стопой, лежали около обрубленного бедра. Правильное взаиморасположение частей скелета и отрубленных конечностей, обильное покрытие ко- й и дна могильной ямы красной краской, а также хорошо сохранившееся покрытие исключают предположение о нарушении могилы в более позд- время. Несомненно, это погребение свидетельствует о необычном обряде

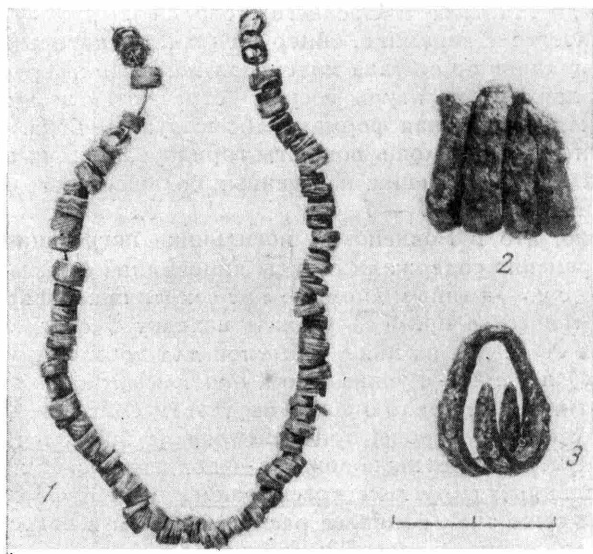

Рис. 32. Вещи из курганов № 1 и 3

1 — бусы из створок раковин (курган № 3, погребение № 11); 2 — бронзовая височ- ная подвеска (курган № 3, погребение № 3); 3 — бронзовая височная подвеска (курган № 1, погребение № 1).

расчлененных захоронений, редко встречаемом у племен ямной культуры Нижнего Поволжья. Отдельные расчлененные захоронения были обнару- жены нами в 1954 и 1955 гг. при раскопках древнеямных погребений II Бе- жежновского могильника: в одном случае (курган № 29, погребение № 5) — захоронение одного черепа, в другом (курган № 3, погребение № 9, урочи- ще Ямки) — захоронение с отсеченным черепом. Как показали исследова- ния Н. Я. Мерперта, обряд захоронения расчлененных трупов имел более широкое распространение у племен срубной культуры в пределах Среднего Поволжья². Расчлененное захоронение, обнаруженное в Ровненском мо- гильнике, свидетельствует о раннем зарождении этого своеобразного риту- ала у племен древнеямной культуры.

Могильный инвентарь исследованных погребений древнеямной культуры весьма беден, а в большинстве захоронений не было никаких предметов. Среди находок особый интерес представляют плоские круглые бусы, сде- ланные из створок речных раковин-перловиц (рис. 32—1). Найдены они при детском скелете, погребенном вместе со взрослым в могиле, относящей- ся к древнеямному времени (курган № 3, погребение № 11). Такие бусы в погребениях ямной культуры Нижнего Поволжья встречаются редко.

² Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Поволжья. МИА, № 42, 1954, стр. 142 и сл.; его же. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, № 61, 1958, стр. 86 и сл.

В ближайших областях аналогичные бусы известны в погребениях Мариупольского могильника, где они не только по форме и материалу, но и в технике изготовления полностью повторяют бусы из Ровненского погребения³. Подобные бусы найдены в большом количестве (209 экземпляров) в известном погребении из Криволучья⁴, а также в одном из захоронений Нальчикского могильника⁵. Вместе с другими данными находки бус в отмеченных памятниках являются исключительно важным источником для выяснения общих вопросов сложения и взаимосвязей древних племен ямной культуры, исследованных на широкой полосе степей юга СССР — от Приднепровья до Нижнего и Среднего Поволжья.

Не менее интересна керамика, обнаруженная в некоторых могилах ямного времени. В отличие от состава инвентаря погребений срубной культуры в могилах древнеямной культуры сосуды встречаются весьма редко. У них ярко выраженная яйцевидная форма, слабо выпуклые бока. Стенки сосудов в верхней части обычно сплошь покрыты горизонтальными поясками из коротких вертикальных вдавлений, нанесенных большей частью концом палочки или раковины (рис. 33—1, 2).

Очень важно, что в Ровненском могильнике погребения позднего времени одновременно содержали сосуды яйцевидной формы и сосуды переходного типа — с уплощенным дном, но еще сохранявшие форму удлиненных яйцевидных. В качестве примера укажем находку 3 сосудов в погребении № 5 из кургана № 8: два из них — обычной для древнеямных сосудов формы (рис. 33—2) и один — с узким дном, округлыми боками, переходящим в короткое вертикальное горло с широким устьем (рис. 33—3). Верхняя половина сосуда с одной стороны орнаментирована зубчатым чеканом, образующим «елочку», а с противоположной — покрыта поясками лунообразных вдавлений, сделанных округлым краем раковины. По форме и орнаменту сосуды описываемого типа наиболее распространены в погребениях раннего этапа срубной культуры — первой половины II тысячелетия до н. э. Весьма показательны также, что ритуальные особенности данного погребения полностью отражают основные признаки обряда погребений древнеямной культуры: скелет лежал на спине, с согнутыми ногами (коленями вверх), дно могилы и скелет были густо посыпаны красной краской. В целом это интересное погребение, как и группа аналогичных захоронений, по ритуалу и инвентарю является классическим примером погребений переходного характера — от ямных к раннесрубным. Вновь обнаруженные погребения в Ровненском могильнике убедительно показывают преемственность в развитии ямной и срубной культур.

Раскопки Ровненского могильника дали также интересный материал для характеристики погребений срубной культуры. Исследовано 35 погребений, часть которых относится к раннему этапу, а более многочисленная группа — к среднему и позднему времени срубной культуры.

Погребения раннего этапа срубной культуры во многом сохраняют еще основные черты ритуала ямной культуры; вместе с тем появляются и новые признаки — скорченность скелетов, с положением на левом боку, северная или северо-восточная ориентировка вместо восточной. Помимо ритуальных признаков, для выделения погребений раннесрубного времени существенное значение имеет керамика, ее форма и орнаментация. В большинстве случаев при погребениях раннесрубного времени находятся сосуды с плоским дном, равномерно выпуклым корпусом, невысоким прямым горлом. Сосуды орна-

³ М. Макаренко. Мариупольский могильник, Київ 1933, стр. 49—50; его же Neolithic man on the Shores of the sea of Azov. ESA, IX, 1934, стр. 140, рис. 7, 8.

⁴ В. В. Гольмстен. Погребение из Криволучья. Сообщения ГАИМК, вып. 6 1931, стр. 8, рис. 13.

⁵ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА. № 3, 1941, стр. 88, рис. 49, 2, табл. II, 6.

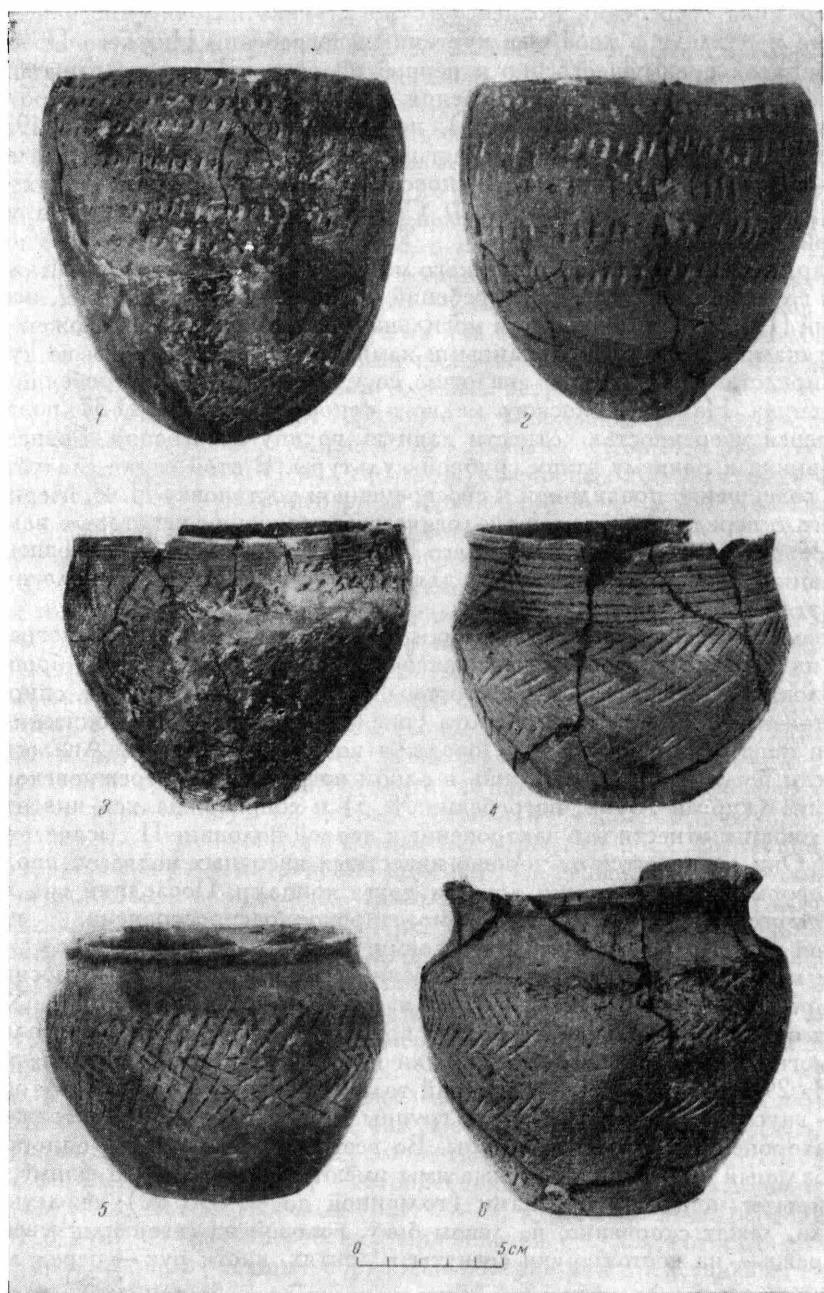

Рис. 33. Сосуды из погребений ямной и раннесрубной культур

1 — из погребения № 24 в кургане № 4; 2, 3 — из погребения № 5 в кургане № 8; 4 — из кургана № 11; 5 — из погребения № 3 в кургане № 3; 6 — из погребения № 1 в том же кургане.

интерпретированы разнообразно, но чаще — по всей поверхности. Наряду с орнаментом, оттиснутым веревочкой и образующим обычно горизонтальные пояса по горлу и плечикам, широко применялось сплошное заполнение поверхности сосудов отпечатками мелкозубчатого штампа в «елочку» (рис. 33—4; курган № 11 и др.).

Керамика погребений Ровненского могильника находит многочисленны прямые параллели в керамике курганных погребений Нижнего Поволжья относящихся преимущественно к первой половине II тысячелетия до н. э. Среди них особенно важны погребения из группы курганов у с. Боаро (ныне Бородаевка, марксовского района), исследованных П. Д. Рау в 1928 г. Большая серия погребений с аналогичной керамикой обнаружена нами в 1951—1955 гг. в курганах Бережновских могильников, в низовьях Еруслана⁷, а также при раскопках К. Ф. Смирнова⁸ и В. П. Шилова⁹ в левобережной полосе Заволжья.

Наряду с материалом Ровненского могильника, особый интерес для датировки группы раннесрубных погребений представляет курган D-37, исследованный П. Д. Рау в Ровненском могильнике (этот курган расположен рядом с курганами 1, 2 и 3, раскопанными нами в 1957 г.)¹⁰. Сосуды из кургана D-37 представляют полную аналогию сосудам из других погребений этого могильника. Находка плоского медного топора в кургане D-37 позволяет с большей уверенностью отнести данную группу погребений Ровненского могильника к раннему этапу срубной культуры. В этой связи следует признать совершенно правильной и своевременной постановку Н. Я. Мерперта вопроса о передатировке и хронологическом уточнении некоторых памятников древнейшей культуры Среднего Поволжья¹¹. Погребения Ровненского могильника содержат ряд данных для попытки обосновать хронологическое подразделение срубной культуры.

Кроме керамики, отметим находки отдельных украшений. В погребении № 3 из кургана № 3 встречены височные подвески из тонкой бронзовой проволоки, округлой с внешней стороны и плоской с внутренней, спирально согнутой в три с половиной оборота (рис. 32—2). Височные подвески этого типа в погребениях Нижнего Поволжья почти не известны. Аналогичные подвески были обнаружены лишь в одном погребении I Бережновского могильника (курган № 32, погребение № 5) и сопровождалась инвентарем позволяющим отнести это захоронение к первой половине II тысячелетия до н. э.¹² Они отличаются от хорошо известных височных подвесок продолговатой формы, с заходящими друг за друга концами. Последний тип височных подвесок получил сравнительно широкое распространение в племенах срубной культуры в более позднее время.

Не менее интересна группа погребений срубной культуры, относящаяся ко второй половине II тысячелетия и началу I тысячелетия до н. э. Характерная особенность погребений этого времени состоит в том, что большинство могил устраивалось в насыпи или под насыпью более древних курганов. Из 29 исследованных погребений только шесть — основные, все остальные — впускные. Погребения этой группы представляют ярко выраженный тип захоронений срубной культуры. Во всех могилах встречен однородный погребальный обряд: материковые ямы имеют прямоугольную форму, сверху покрыты мощными бревнами (толщиной до 40—50 см); скелеты, как правило, лежат скорченно, на левом боку, головой на север или северо-восток, реже — на восток; руки согнуты в локтях, кисти рук — перед лицом.

⁶ P. Ra u. Neue Funde aus Hockergräbern des Wolgadeutschen Gebiets, ESA, VI 1929, стр. 48, рис. 5, 10.

⁷ И. В. С и н и ц ы н. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС. КСИИМК, вып. 50, 1953, рис. 34—3—9. (Основной материал раскопок опубликован в МИА, № 69, 1959 и МИА, № 78, 1960).

⁸ К. Ф. С м и р н о в. Работы первого Нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 66, рис. 20—2, 6.

⁹ В. П. Ш и л о в. Раскопки Калиновского могильника. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 121, рис. 49—4.

¹⁰ P. Ra u. Prähistorische Ausgrabungen..., стр. 68, рис. 63—65.

¹¹ Н. Я. М е р п е р т. Из древнейшей истории Среднего Поволжья, стр. 65 и сл.

¹² И. В. С и н и ц ы н. Археологические исследования Заволжского отряда Сталинградской экспедиции. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 81, рис. 29—2.

и все погребения сопровождались типичными горшками (от одного до трех) и в отдельных случаях — бронзовыми предметами.

Для характеристики ритуальных особенностей у племен срубной культуры большой интерес представляет вновь обнаруженный своеобразный тип, связанный с захоронением погребенного на древнем горизонте в бревенчатом срубе. Такое погребение обнаружено в кургане № 14, насыпь которого была правильной круглой формы, диаметром 24 м, высотой 1,45 м. В кургане находилось 6 погребений, из них пять — впускные сарматского времени. Основное погребение (№ 4) находилось в центре, где обнаружены остатки большого бревенчатого сруба, перекрытого бревнами. Сруб сделан из венца из 4 массивных бревен, толщиной до 0,4—0,5 м. Долевые бревна имели длину до 3,2 м, поперечные — 2,6 м; последние находились непосредственно на древнем горизонте, а на них были уложены долевые бревна. На концах бревен, в местах их соединения, имелись на одной стороне желобчатые углубления, тщательно вырубленные острым орудием.

Внутри сруба, на древнем горизонте, в небольшом углублении, лежал скелет взрослого мужчины, скорченно, на левом боку; он был ориентирован головой на северо-восток. Перед скелетом, у бедерных костей, стояли 4 глиняных сосуда: три — острореберные (рис. 34 — 1—3) и один — баночной формы, характерной для времени расцвета срубной культуры. Таким образом, под насыпью кургана основное погребение было совершено на древнем горизонте в бревенчатом срубе с плоской крышей.

Как известно, у племен срубной культуры Нижнего Поволжья в погребальном ритуале встречаются, хотя и весьма редко, материковые могилы, стенки которых внутри облицованы бревнами. В Ровненском кургане впервые найдено своеобразное надмогильное сооружение — бревенчатый сруб из пяти венцов, с плоским перекрытием. Наиболее близкий по конструкции надмогильный сруб был обнаружен нами в 1947 г. в одном из курганов с. Пролейки, Сталинградской области, на правом берегу Волги¹³. В Пролейковском кургане сруб также был устроен из 4 бревен и находился не внутри могилы, а на поверхности, как бы обрамляя край могильной ямы. В других районах распространения срубной культуры тоже встречен подобный погребальный обряд. Так, археологическими исследованиями, проведенными в последние годы Н. Я. Мерпертом в районах Среднего Поволжья, установлено наличие не только мощных надмогильных накатников, но и более сложных бревенчатых надмогильных сооружений¹⁴. Несомненно, надмогильные сооружения в виде бревенчатых срубов свидетельствуют об общности погребальной обрядности у племен срубной культуры на огромной территории их распространения.

Среди могильного инвентаря исследованных погребений наиболее распространены глиняные горшки, преимущественно баночной или острореберной формы. В отдельных могилах совместно находятся типичные сосуды баночной формы, без орнамента, и острореберные, орнаментированные по плечикам крупноточечным штампом (рис. 34—4; курган № 2, погребение № 4 др.). В этой группе погребений выделяются сосуды, которые по своей форме, орнаментации, технике обработки поверхности представляют единый комплекс классической срубной керамики (рис. 34 — 1—3; курган № 14, погребение № 4).

Бронзовые предметы, обнаруженные в Ровненских курганах, представлены украшениями. К ним относятся бронзовые браслеты и височные подвески. В женском погребении № 1 из кургана № 1 находились бронзовая височная подвеска удлиненной формы, с заходящими друг за друга

¹³ И. В. Синицын. Археологические памятники у села Пролейки. Уч. Записки ГИИ, выпуск исторический, т. 47, 1956, стр. 209, 218.

¹⁴ Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья, стр. 90 и сл., ил. 7, а.

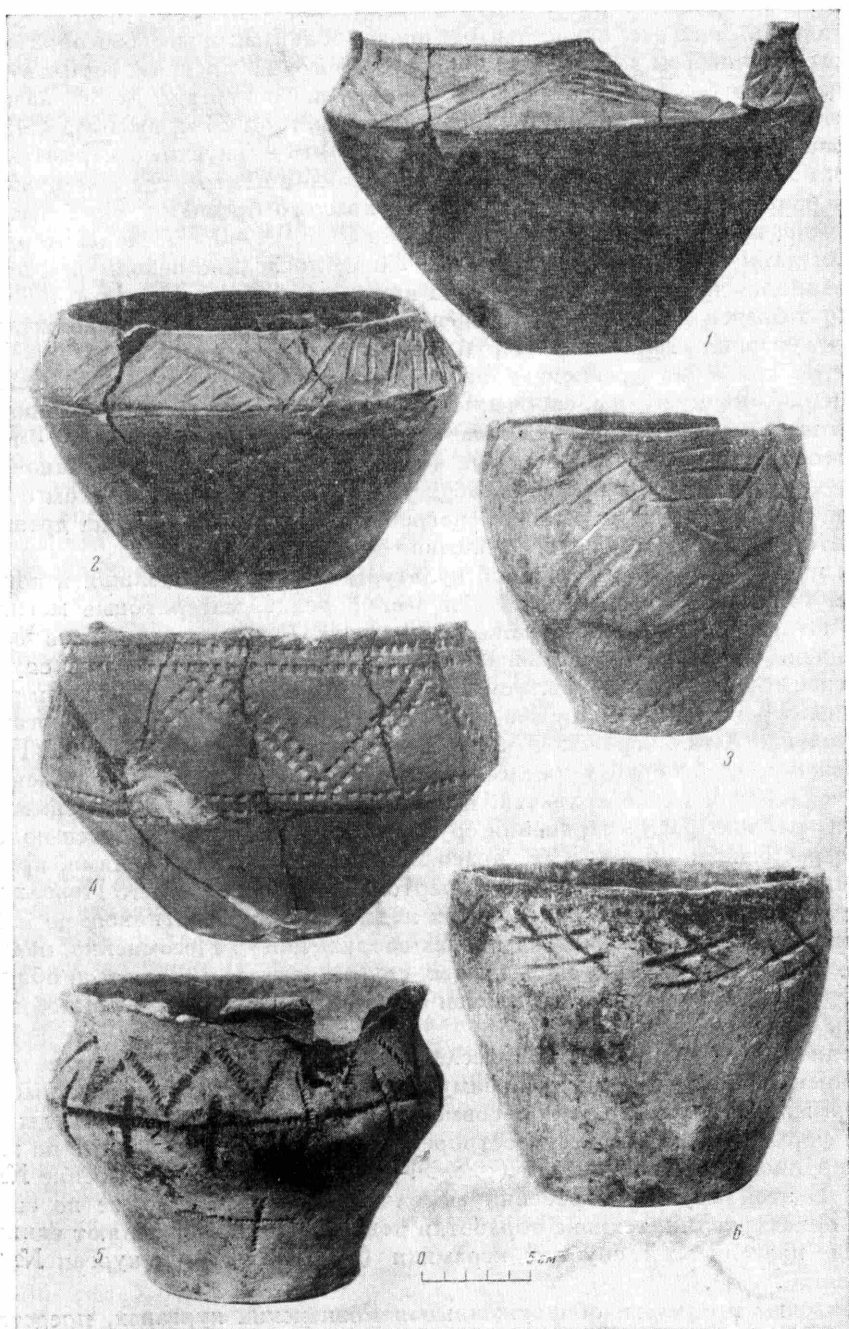

Рис. 34. Сосуды из курганов Ровненского могильника

1—3 — из погребения № 4 в кургане № 14; 4 — из погребения № 4 в кургане № 2; 5 — из погребения № 4 в кургане № 3; 6 — из кургана № 15.

дами (рис. 32—3) и бронзовые браслеты с желобчатыми, заходящими г за друга концами. Аналогичные браслеты найдены и в других могилах. ие украшения — обычная находка в погребениях срубной культуры вто- |половины II тысячелетия до н. э. Сопоставление материалов погребений иенской курганный группы с другими археологическими комплексами по- бений Нижнего Поволжья позволяет сделать заключение об этнической |родности племен срубной культуры конца II тысячелетия до н. э. В курганах Ровненского могильника обнаружены также погребения ски- |сарматского времени. Хронологически эти погребения относятся к VI— | до н. э. и I—III вв. н. э. Всего исследовано 31 погребение, которые по |уалу, инвентарю и другим признакам представляют отдельные группы. |более отчетливо выделяются 4 хронологические группы погребений: |роматская, раннесарматская, среднесарматская и позднесарматская. Самые ранние погребения по типу могильных сооружений и ритуалу вы- |ются в группу савроматских, относящихся к VI—IV вв. до н. э. Как |вило, эти могилы — прямоугольной формы, с округлыми углами; скеле- |лежат вытянуто, на спине, головой на запад. К этой группе более опре- |енно относятся 4 могилы (курган № 2, погребения № 1 и 3; курган |, погребение № 4; курган № 10, погребение № 2). Исследованные по- |ения не содержали могильного инвентаря и представляют тип бедных |роматских захоронений, хорошо выявленных в пределах Нижнего По- |жья. Хронологически эта группа определяется на основании стратигра- |ических данных.

К раннесарматскому времени относится небольшая группа погребений. |они были впущены в древние курганы и отличались единообразием |уала и могильного инвентаря. В последнем наиболее распространены |ые глиняные кувшины с округлым или яйцевидным корпусом и невы- |ым горлом; на плечиках с одной стороны обычно имеется небольшая на- |ая петлевидная рука (рис. 35—1, 2).

В этой группе наиболее интересно погребение № 15 из кургана № 4. |впускное погребение было устроено под насыпью древнего кургана, |атериковой могиле прямоугольной формы; скелет лежал на спине, вытя- |о, головой на юго-запад. Для определения даты погребения большое |ение имели бронзовые втульчатые трёхгранные (8 экземпляров) и же- |ые трёхгранные (с длинной втулкой; 11 экземпляров) наконечники |ел (рис. 36—2), находившиеся вместе в кожаном колчане. В таком со- |инии бронзовые и железные наконечники стрел в Нижнем Поволжье |екаются редко, а в других местах попадают довольно часто в поgre- |ениях позднескифского времени. Из ближайших к Поволжью районов сле- |отметить известные курганы у с. Мастюгино (Воронежская область), |также вместе с бронзовыми находились аналогичные железные трёхло- |тные наконечники с длинной втулкой¹⁵. При определении времени опи- |емого погребения бронзовые и железные наконечники стрел являются |ным датирующим материалом. Вместе с тем необходимо отметить най- |ую в инвентаре этого захоронения костяную проколку, представляю- |ю длинный (18 см), круглый в сечении стержень (рис. 36—1); один ко- |его заострен, другой — утолщен и сбоку имеет сверленное отверстие. |ая серия аналогичных костяных проколок обнаружена при наших рас- |сках Бережновских могильников, в низовьях Еруслана. Все погребения, |ержавшие подобные проколки, по комплексу других предметов относятся |II—II вв. до н. э. Таким образом, на основании могильного инвентаря |ребения этой группы Ровненского могильника датируются III и II вв. | н. э.

¹⁵ Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 годов, ИАК, 143, 1911, стр. 54, рис. 59, 1, 3, 4.

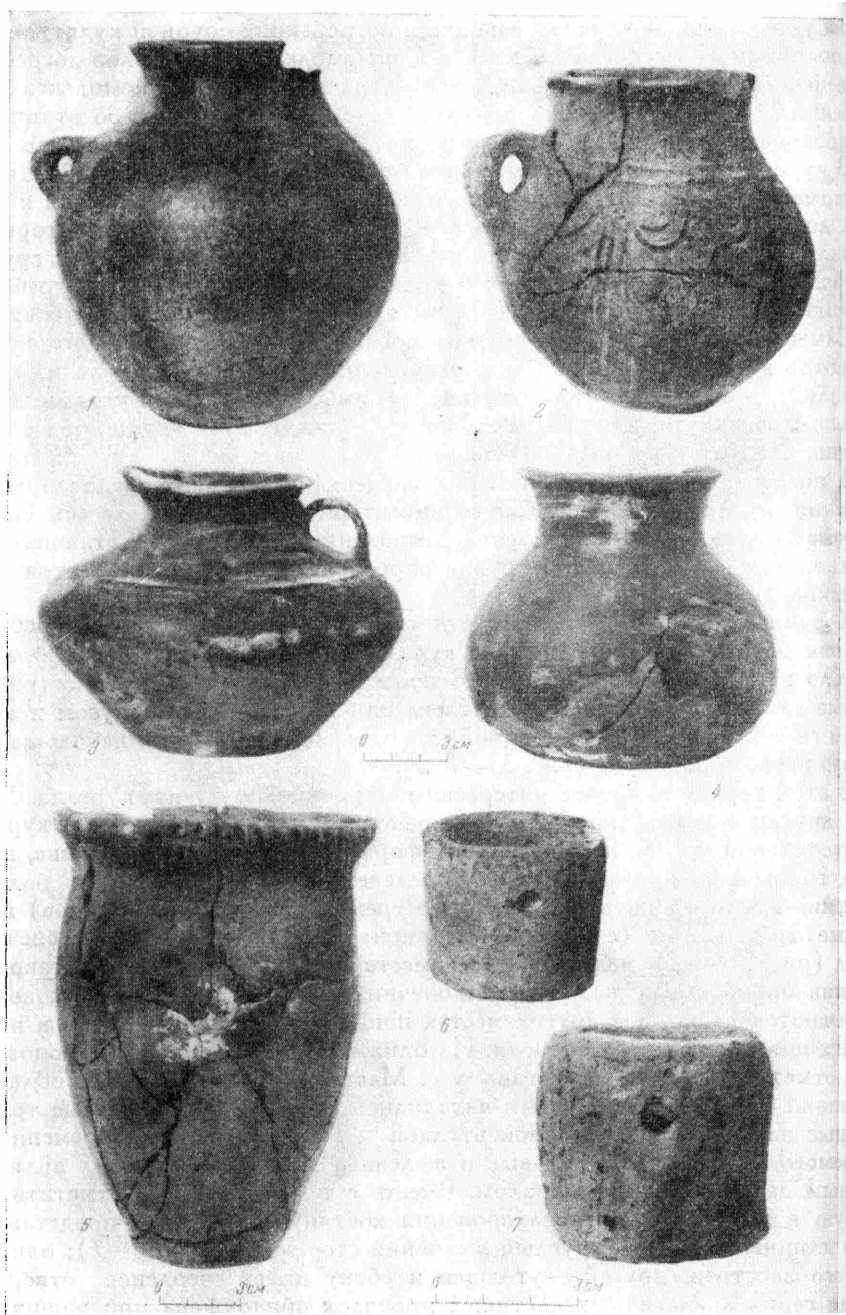

Рис. 35. Керамика из сарматских погребений

1 — кувшин из погребения № 13 в кургане № 4; 2 — кувшин из погребения № 3 в кургане № 4; 3—6 из кургана № 13; 7 — курильница из кургана № 9.

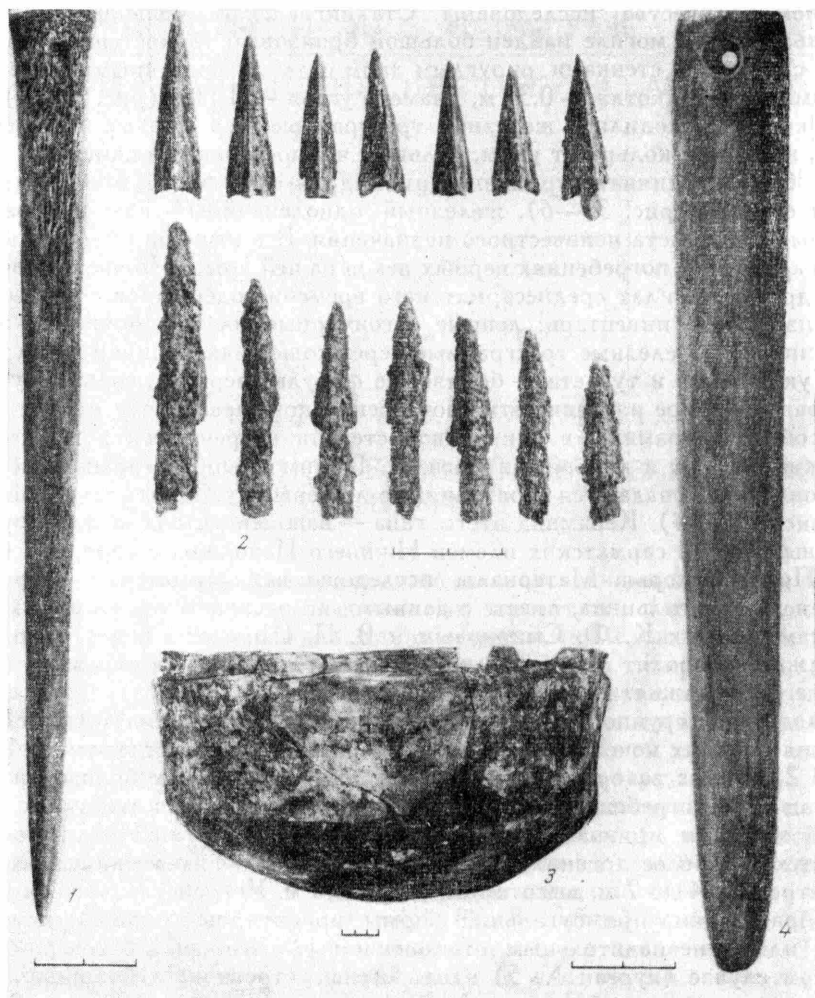

Рис. 36. Вещи из сарматских погребений

1, 2 — костяная проколка и бронзовые и железные наконечники стрел из погребения № 15 в кургане № 4;
3, 4 — бронзовый котел и каменный оселок из кургана № 9.

Погребения третьей группы относятся к среднесарматскому времени, преимущественно к I в. н. э., а некоторые из них — и к более позднему — к III в. н. э. Прослежено три типа могильных сооружений: могильные ямы прямоугольной формы; квадратные могилы с диагональным положением погребенных; прямоугольные ямы с подбоем вдоль одной стенки.

Преобладают прямоугольные могилы, в которых погребенные лежат на спине, вытянуто, головой преимущественно на юг. Исследованиями последних лет, проведенными в Заволжье в широких масштабах, установлено, что погребения этого типа составляют самую многочисленную группу, оставленную родственными сарматскими племенами, жившими в степях Нижнего Поволжья в первые века до нашей эры и первые века нашей эры.

Не меньший интерес представляет захоронение в квадратной могиле, с положением погребенного по диагонали могильной ямы, головой на юго-запад. Существенно, что погребение находилось в индивидуальном кургане; по ритуалу и могильному инвентарю оно представляет яркий пример так называемых «диагональных» погребений, которые за последние годы в

большом количестве исследованы Сталинградской экспедицией в Поволжье. В этой могиле найден большой бронзовый тонкостенный кован котел с прямыми стенками, округлым дном и двумя массивными железными ручками. Высота котла — 0,34 м, диаметр устья — 0,43 м (рис. 36—3). Вместе с котлом находились железные трехгранные черешковые наконечники стрел, железные кольца от узды, большой четырехгранный каменный осел (рис. 36—4), глиняная курильница цилиндрической формы с отверстием одной стороне (рис. 35—6), железный однолезвийный нож и бронзовые обоймы от предмета неизвестного назначения. Все эти вещи хорошо известны в сарматских погребениях первых веков нашей эры в Нижнем Поволжье.

В других могилах среднесарматского времени содержался обычный, широко известный инвентарь: лепные и гончарные сосуды; оружие — железные кинжалы, железные трехгранные черешковые наконечники стрел; предметы украшения и туалета — бронзовые фибулы, зеркала, серьги, бусы.

Сравнительное изучение этих погребений показывает, что многие находки, особенно керамика, в одинаковой степени встречаются в прямоугольных, квадратных и подбойных могилах. Помимо лепных горшков местного изготовления, попадаются сероглиняные лощенные кувшины станковой работы (рис. 35—3,4). Керамика этого типа — важный источник для изучения торговых связей сарматских племен Нижнего Поволжья с городами Северного Причерноморья. Материалы исследованных сарматских погребений Ровненского могильника, вместе с данными из раскопок, проведенных в широких масштабах К. Ф. Смирновым и В. П. Шиловым в других районах Заволжья, позволят более полно изучить историю сарматских племен Нижнего Поволжья.

Следующей группой погребений Ровненского могильника являются захоронения поздних кочевников XI—XIV вв. н. э. Всего исследовано 4 могилы. В 2 случаях захоронение было совершено в курганах бронзовой эпохи (курган № 4, погребения № 7 и 8) и в двух — погребения были основными.

По внешним признакам позднекочевнические курганы отличаются от сарматских и более древних; они имеют вид небольших земляных насыпей диаметром от 4 до 7 м, высотой от 0,3 до 0,6 м. Устройство могилы весьма однообразно: яма прямоугольной формы, ориентирована по линии восток-запад или с незначительным отклонением на юго-запад — северо-восток. В одном случае (курган № 5) вдоль стены устроен неглубокий подбой.

К ритуальным особенностям следует отнести наличие в отдельных могилах вместе с похороненным человеком частей коня. Так, например в могиле № 7 кургана № 4 вместе с погребенным на ступени лежали кости коня — череп и четыре ноги, отрубленные ниже колен. На месте спины коня находилось деревянное седло с остатками кожи, войлока, железной пряжки и железных стремян.

В состав могильного инвентаря входят остатки конской сбруи, берестяные колчаны, железные черешковые плоские наконечники стрел, костяные пластинки — обкладки лука (курган № 4, погребение № 7) и др. Перечисленные вещи находят полные аналогии среди инвентаря позднекочевнических погребений, исследованных в степях юго-востока. Захоронения, обнаруженные в Ровненских курганах, принадлежали одной племенной группе кочевников, обитавших в Нижнем Поволжье в XI—XIV вв.

Таким образом, раскопки Ровненского могильника в 1957 г. выявили новые интересные памятники бронзового века, значительно обогатили материал для характеристики древнейших этапов родового общества Нижнего Поволжья и наиболее убедительно подтвердили вывод о преемственности и генетической связи древнеямной и срубной культур. Материалы сарматских погребений также послужат дополнительным источником для более детального изучения местных племен сарматской культуры.

В. А. КУЗНЕЦОВ И О. В. МИЛОРАДОВИЧ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ
В 1958 ГОДУ

В 1958 г. объединенная археологическая экспедиция ИИМК и Северо-Осетинского научно-исследовательского института (под руководством И. И. Крупнова) продолжала стационарные исследования памятников, расположенных в окрестностях станицы Змейской, Кировского района, Северо-Осетинской АССР. Раскопки велись на объектах, изучение которых было начато экспедицией в 1957 г.¹ (на катакомбном могильнике и средневековом поселении), и на новом объекте — крупнейшем средневековом городище Северной Осетии — Верхний Джулат (Татартуп)².

На Змейском катакомбном могильнике, дополнительно к ранее исследованным, было вскрыто 28 катакомб, сосредоточенных в западной части карьера кирпичного завода. Глубина залегания катакомб от дневной поверхности — от 2 до 3,5—4 м. Конструкция катакомб обычна для могильных сооружений этого типа: длинный (до 5—5,5 м), узкий (0,5—0,6 м) проем без ступенек ведет с поверхности к полукруглому входному отверстию, закрытому тесаной каменной плитой или мельничным жерновом. Отверстие расположено на высоте 0,7—0,8 м от пола катакомбы. Камера обычно имеет эллипсоидную форму; свод сферический, со следами тесла. Средняя величина камер — $2 \times 1,5$ м при высоте немногим более 1 м. В полу камер иногда устраивались неглубокие четырёхугольные выемки; в некоторых катакомбах была сделана полка высотой 7—8 см, на которой лежал скелет (например, в катакомбе № 42).

Погребальный обряд в основном сохраняет все те черты, которые были зафиксированы нами в 1957 г.: северо-восточная ориентировка почти всех погребенных, вытянутое на спине положение тела, протянутые руки и ноги, подстилка из древесного угля, коллективный характер погребений (до 7 человек). Изредка встречаются катакомбы с одиночными погребениями, но с запасом свободного пространства в катакомбе, по-видимому, не использованного по каким-то причинам. Отмечены новые детали погребального обряда — в катакомбах № 37, 47 и 52 подстилка под костями состояла из речного песка, причем в двух последних, кроме песка, был и дре-

¹ В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа. СА, 1959, № 2; Е. И. Крупнов. Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа. КСИИМК, вып. 78, 1960.

² В работах участвовали В. А. Кузнецов (начальник отряда), О. В. Милорадович, В. А. Дерябин, С. А. Макаров, В. И. Мамянц, М. А. Сабурова, Г. М. Давыдова, М. Б. Борисоглебская (ИИМК), С. С. Куссаева, Т. Б. Тургиев (Северо-Осетинский научно-исследовательский институт) и Е. Ф. Снежко (Северо-Осетинский музей краеведения).

весный уголь. Возможно, с погребальным обрядом следует связать интересную, впервые открытую деталь в устройстве пола катакомбы — лобки. Они обнаружены в катакомбах № 42 и 54. Желобки в полу катакомбы № 42 в плане имели вид креста с загнутым западным концом. Ширина желобков — 6 см, глубина — 3,5 см. В катакомбе № 54 три желобка веерообразно отходили от края полки. Ширина и глубина их — 2,5 см. Практическое значение желобков пока неясно.

Обнаруженный погребальный инвентарь полностью аналогичен инвентарю из катакомб, исследованных в 1957 г. Керамика представлена теми же типами: сероглиняными лощеными кувшинами с высоким горлом и носиком-сливом (рис. 37—1, 2); темно-серыми или коричнево-серыми горшками с прямым или слабо отогнутым венчиком и короткой ручкой (иногда зооморфной; рис. 37—3, 6); лепными маленькими горшочками кружками, сделанными из грубого теста с примесью дров. Встречаются кружки, изготовленные на легком ручном круге. Впервые в Змейской катакомбной могильнике найдены орнаментированные кувшины. Один из них покрыт сплошным линейным орнаментом; по корпусу второго на ручке идет пояс из 4 параллельных оттисков «шнура», а по шейке — крутизна, выполненная тем же способом. Глубоко вдавленным тройным «шнуром» покрыто тулово кувшина из катакомбы № 32 (рис. 37—1). Также впервые встречены глиняные сосуды типа молочника, с носиком-трубкой (рис. 37—5) и черная лощеная миска с 2 отверстиями в борту (рис. 37—4).

В катакомбе № 36 у мужского костяка обнаружена истлевшая деревянная чаша с бронзовой петлей, продетой в борт, и завязанным ремешком. Неоднократные находки таких деревянных чаш, с кольцами для подвешивания, при скелетах воинов позволяют считать, что эти чаши являлись частью походной амуниции, чему способствует легкость и прочность деревянного сосуда.

В небольшом количестве найдена столовая стеклянная посуда — чаши и рюмки. Как правило, стеклянные сосуды сопровождают наиболее богатые погребения. В катакомбе № 36 обнаружена рюмка из тонкого прозрачного стекла, с синим налетом по корпусу.

Оружие, найденное в 1958 г., не так богато и многочисленно, как в 1957 г. Если тогда в катакомбах встречено 13 сабель, то в 1958 г. — всего три. Все они имеют слабо изогнутый клинок, прямое перекрестие, обкладки и наконечники ножен из железа и представляют собой тип обычной, рядовой сабли, характерной для Змейских катакомб. Столь редкие находки сабель и значительно более бедный погребальный инвентарь, по сравнению с катакомбами, исследованными в 1957 г., свидетельствуют о том, что в западной части могильника почти отсутствуют могилы конных воинов-дружинников. Судя по составу оружия, эта часть могильника принадлежала рядовым воинам, главным оружием которых были лук и железная секира на длинной ручке. Всего в 1958 г. найдена 31 секира. Они маленькие (длина — 10—12 см) с лезвиями, поставленными во взаимно перпендикулярных плоскостях. Следует отметить единственный железный наконечник копья, без пера, воткнутый в свод катакомбы № 36, и цилиндрический деревянный колчан, обтянутый кожей, из той же катакомбы. В катакомбах 34 и 55 найдены обломки костяных пластинчатых обкладок лука, покрытые резными косыми линиями, а в катакомбе № 36 — фрагмент лука, треугольный в сечении и обтянутого берестой.

При женских скелетах, как и при мужских, обязательно имеется железный нож, бывший, по-видимому, хозяйственным и обходным предметом. В инвентарь женских погребений неизменно входят железные ножницы, кабаньи клыки для сглаживания швов и различные украшения — бусы стеклянные и янтарные, литые металлические зеркала с ушком, бронзовые золоченые копоушки, ногтечистки и т. д. При двух женских скелетах

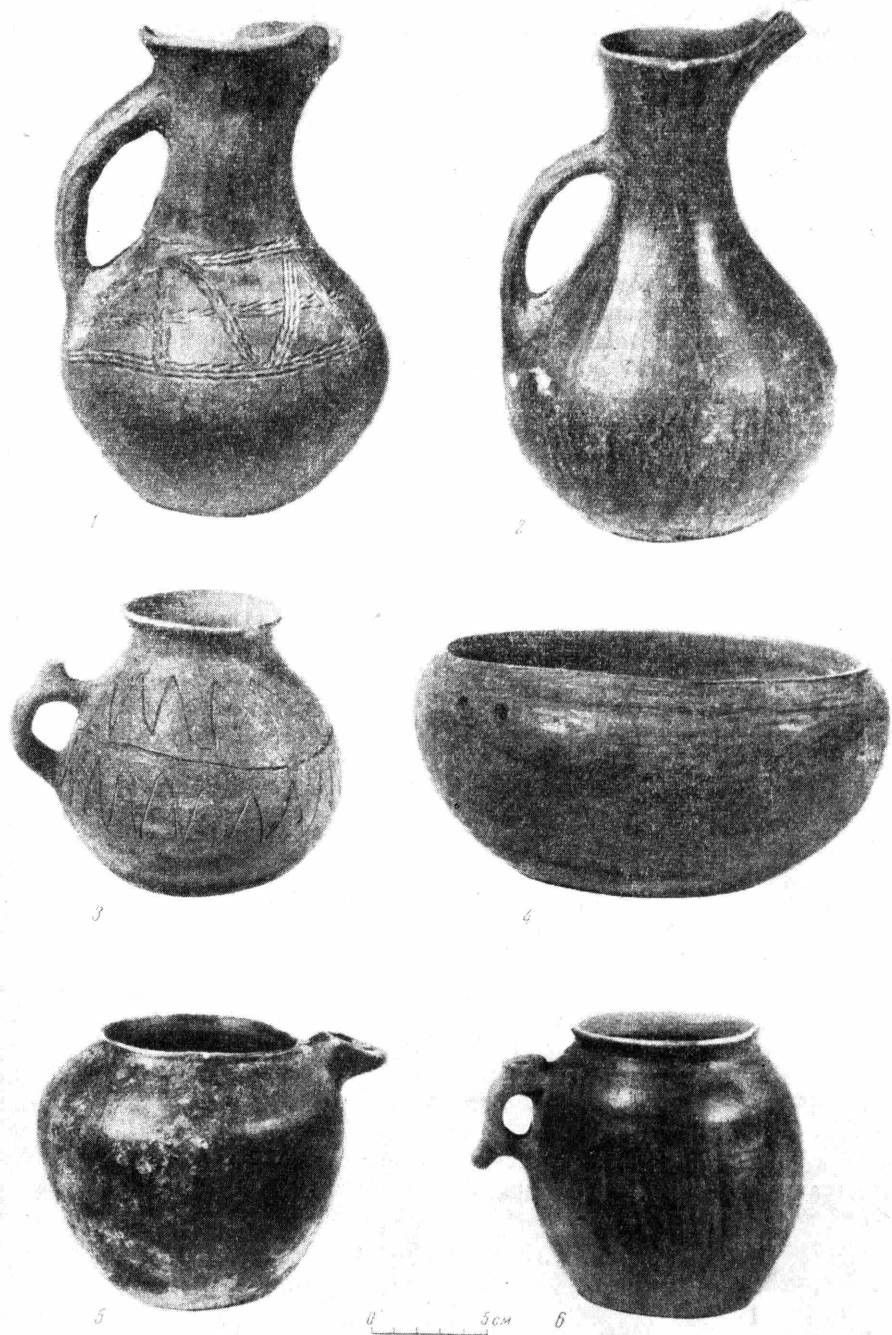

Рис. 37. Сосуды из катакомб

— катакомба № 32; 2 — катакомба № 51; 3 — катакомба № 50; 4 — катакомба № 35; 5, 6 — катакомба № 52.

найлены истлевшие круглые деревянные туалетные шкатулки, в которые кроме перечисленных украшений, лежали румяна из красной охры.

В катакомбе № 56, содержащей 2 женских погребения, обнаружены растительные остатки. Под головой одного скелета лежала истлевшая матерчатая подушка, набитая хмелем. Слой хмеля оказался и под тазом второго скелета. На полу камеры были рассыпаны семена черной бузины, оставшиеся от истлевших плодов.

С целью выявить возможные остатки погребальных тризны и конских захоронений мы заложили между катакомбами № 19, 20 и 49 раскоп шириной площадью (92 кв. м), но ни следов тризны, ни конских захоронений не найдено. На глубине 0,2 м вскрыт культурный слой поселения, нарушенный более поздними катакомбами, врезающимися в поселение. В результате этого культурный слой, имевший среднюю мощность 0,4—0,45 м, оказался нарушенным и перекопанным. Он был насыщен фрагментами керамики, костями животных и золой, особенно обильными в северо-восточных квадратах раскопа. Преобладала керамика серо-черных тонов, изготовленная на крупном примесью песка и толченых ракушек. Встречалась красноглиняная керамика. Наряду с маловыразительными фрагментами кувшинов и горшков отогнутым краем, часто попадались обломки мисок с лощеной поверхностью. В орнаменте преобладают остросеребряные наклепные валики, — горизонтальные и вертикальные, — косые насечки и вдавлины по венчику. В целом по составу, орнаментации и фактуре керамика весьма характерна для аланских городищ Северной Осетии и Кабардино-Балкарии.

Выявлен небольшой участок жилища, прямоугольного в плане, с глинобитным полом толщиной 21—23 см и турлучными стенами. По-видимому стены были оштукатурены известковым составом белого цвета. Вокруг жилища залегал толстый слой золы, в которой встречались и угли. Здесь же обнаружены 4 хозяйственные ямы цилиндрической формы. Открыт также участок глинобитной стены, вероятно, — ограда двора.

Приводим данные о количестве костей, найденных в слое поселения⁴.

	Количество	
	костей	особей
Крупный рогатый скот . .	150	10
Мелкий » » . .	63	11
Свинья	15	5
Лошадь	39	3
Осел	8	2
Благородный олень	5	1
Птица	1	—

В ямах обнаружены следующие кости животных:

	Количество	
	костей	особей
Крупный рогатый скот . .	25	6
Мелкий » » . .	11	7
Лошадь	3	2
Благородный олень	5	2
Свинья	1	1

Кроме того, в яме III были найдены (впервые в аланских памятниках) кости красной рыбы (севрюги)⁵. Из приведенных данных видно, что крупный и мелкий рогатый скот составлял основу стада. Роль охоты и рыболовства была незначительна.

³ Определены А. В. Кирьяновым.

⁴ Определены В. И. Цалкиным.

⁵ Кости рыб определены на кафедре ихтиологии Московского государственного университета В. Д. Лебедевым.

Выше уже говорилось о том, что поселение было перекрыто катакомбами. Каково хронологическое соотношение могильника и поселения?

Время Змейского катакомбного могильника нами было ранее определено — XI—XII вв.⁶ После изучения более обширного материала теперь можно с уверенностью говорить об этой дате памятника. Основанием для того служит комплекс катакомбы № 14, хорошо датирующийся первой половиной XII в. Здесь были найдены куфическая надпись на ткани, которая алеографически относится к самому началу XII в., и великолепная сабля (I в.).⁷ Ни надпись, ни сабля не могли попасть в катакомбу сразу после их изготовления. Особенно показательна в этом отношении сабля. Стертость рукояти, перекрестия, серебряных обкладках ножен и серебряная латка на оборотной стороне наконечника ножен свидетельствуют о том, что сабля из катакомбы № 14 была длительное время в употреблении и прошла через многие руки. Изготовленная в XI в., она могла попасть в катакомбу не ранее начала — первой половины XII в., что подтверждает надпись. Эти соображения подкрепляются не только находками в катакомбах стеклянных браслетов, наиболее распространенных в XI—XII вв.,⁸ но и отсутствием монет. Монетные находки широко известны в комплексах X в. и исчезают в XI в.⁹ Это также свидетельствует о нижней дате могильника — XI в. Верхняя дата не может быть позже начала XIII в., т. е. времени монгольского нашествия. Она четко документирована ямой IV, перекрывшей дромос катакомбы № 52. В заполнении этой ямы найдены фрагменты типичного квадратного золотоордынского кирпича XIV—XV вв.

Судя по керамике, хронологический промежуток между катакомбами и поселением не был значительным. Поэтому мы считаем возможным Змейское средневековое поселение датировать VIII—IX вв.

Этническая принадлежность этих памятников как аланских уже определена.¹⁰

Особая группа Змейского отряда (руководитель — О. В. Милорадович) приступила впервые к раскопкам известного городища Верхний Джулат, именуемого также Татартупским. Это городище расположено в 65 км к северо-западу от г. Орджоникидзе и в 3 км к юго-востоку от станицы Змейской, на левом берегу Терека, у самого входа в «Эльхотовские ворота». Оно занимает плоскость, с запада упирающуюся в отроги Малого Кабардинского хребта.

Целью работ было получение предварительных данных о городище с тем, чтобы в последующие годы перейти к детальному изучению этого интереснейшего и важного для истории всего Северного Кавказа памятника. Городище Верхний Джулат с Татартупским минаретом хорошо известно в кавказоведческой исторической литературе. Путешественники, посещавшие эти места, отмечали развалины многочисленных строений и погребальных памятников. Так, турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби писал: «Когда смотришь на этот город с высоты, то видишь 800 старых зданий»¹¹. В XVIII и начале XIX в. часть уцелевших архитектурных памятников описали посетившие Верхний Джулат И. А. Гильденштедт и

⁶ В. А. Кузнецов. Указ. соч.

⁷ Там же.

⁸ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 397, 398.

⁹ Безмонетный период в XII—XIII вв. отмечен на территории Восточной Европы. См. А. В. Арциховский. Основы археологии. М., 1955, стр. 215.

¹⁰ С. С. Куссаева. Некоторые итоги археологических раскопок катакомбного могильника в станице Змейской. Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института, т. XVII. Орджоникидзе, 1956, стр. 213.

¹¹ Л. И. Лавров. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории. СЭ. 1956, № 1.

Клапрот¹². В настоящее время сохранился один лишь Татартупский минарет, многочисленные сведения о котором, разбросанные в литературу архивных документах и фольклоре горцев, собраны Г. Кокиевым¹³ Л. П. Семеновым¹⁴.

Раскоп 1958 г. (площадью 120 кв. м), заложенный в 245 м к югу от Татартупского минарета, вскрыл хорошо сохранившийся фундамент мечети, сложенный из булыжника и кирпича. Мечеть представляла собой небольшое прямоугольное здание длиной 13 м, и шириной 6,6 м (рис. 38). К северной стене ее примыкал массивный куб (2,5 × 2,5 м в плане и 2,3 м высотой) — основание несохранившегося минарета (рис. 39). В середине южной стены устроена обычная для мечети ниша — михраб. Внутри здания в фундаменте — 6 выступов (в каждом углу и посередине длинных сторон) служивших, очевидно, опорой для арок, поддерживавших купол. Фундамент сложен из булыжников, скрепленных известковым раствором. На фундаменте частично сохранился кирпичный цоколь, а на западной стене — свех фундамента и цоколя, — небольшой участок кирпичной стены. Кирпичи всюду — одного размера: 23—24 × 23—24 × 4—5 см. Целые куски кирпичных стен, скрепленных раствором и оштукатуренных с одной стороны, при разрушении мечети завалились внутрь ее и лежали на уровне цоколя. Непосредственно под дерновым слоем обнаружен завал строительного мусора под которым и внутри мечети, и за ее пределами залегал слой, содержащий большое количество керамики, костей животных, шлака, угольков; изредки в нем попадались железные, костяные и другие предметы. Вскрыто 7 хозяйственных ям, в которых оказались те же находки.

Вырытый при закладке фундамента мечети котлован нарушил стратиграфию слоев, чем была затруднена датировка добытого материала. Татартупский минарет выстроен, очевидно, в то время, когда на городище находилась татарская ставка¹⁵ и может быть датирован XIV в.¹⁶ И. А. Гильденштедт¹⁷ описывает 5 строений из булыжника и кирпича, которые он видел в 1779 г. на городище Верхний Джулат: 2 минарета, один из которых — Татартупский, и в трех шагах от него большая мечеть¹⁸.

На городище Нижний Джулат¹⁹, близ которого в 1359 г. произошла знаменитая битва между Тамерланом и Тохтамышем²⁰, к концу XVIII в. сохранились также развалины мечети и минарет, описанные Клапротом²¹, посетившим оба Джулата в 1809 г. Минарет этот очень сходен с Татартупским. Нижняя часть его, как пишет Клапрот, представляет собой четырехугольный пьедестал с цилиндрическим верхом. Минарет построен из кирпичей, очень прочных, скрепленных известковым раствором. Рядом — уцелевшая стена мечети. В 1947 г. Северокавказской экспедицией на городище

¹² J. A. G ü l d e n s t ä d t. *Reisen durch Russland und im Kaukasischen Gebirge*. St. Petersburg, 1787, I, стр. 503—508; K l a p r o t h. *Voyage au mont Caucase et en Georgie*, Paris, 1823, II, стр. 157—163.

¹³ Г. Кокиев. Некоторые исторические сведения о древних городищах Татартупа и Джулата. Записки Северо-кавказского краевого горского научно-исследовательского института, т. I—II. Ростов-на-Дону, 1928.

¹⁴ Л. П. Семенов. Татартупский минарет. Дзауджикау, 1947.

¹⁵ Л. П. Семенов. Указ. соч., стр. 9.

¹⁶ Е. И. Крупнов. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР. Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института, т. IV. Нальчик, 1948, стр. 318—328.

¹⁷ J. A. G ü l d e n s t ä d t. Указ. соч., стр. 503—508.

¹⁸ Отыскание остатков этой мечети, а также двух церквей, указанных И. А. Гильденштедтом, является одной из первоочередных задач экспедиции будущих лет.

¹⁹ Городище Нижний Джулат расположено на правом берегу Терека, ниже городища Верхний Джулат напротив станицы Котляревской в Кабардино-Балкарской АССР.

²⁰ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 365.

²¹ K l a p r o t h. Указ. соч.

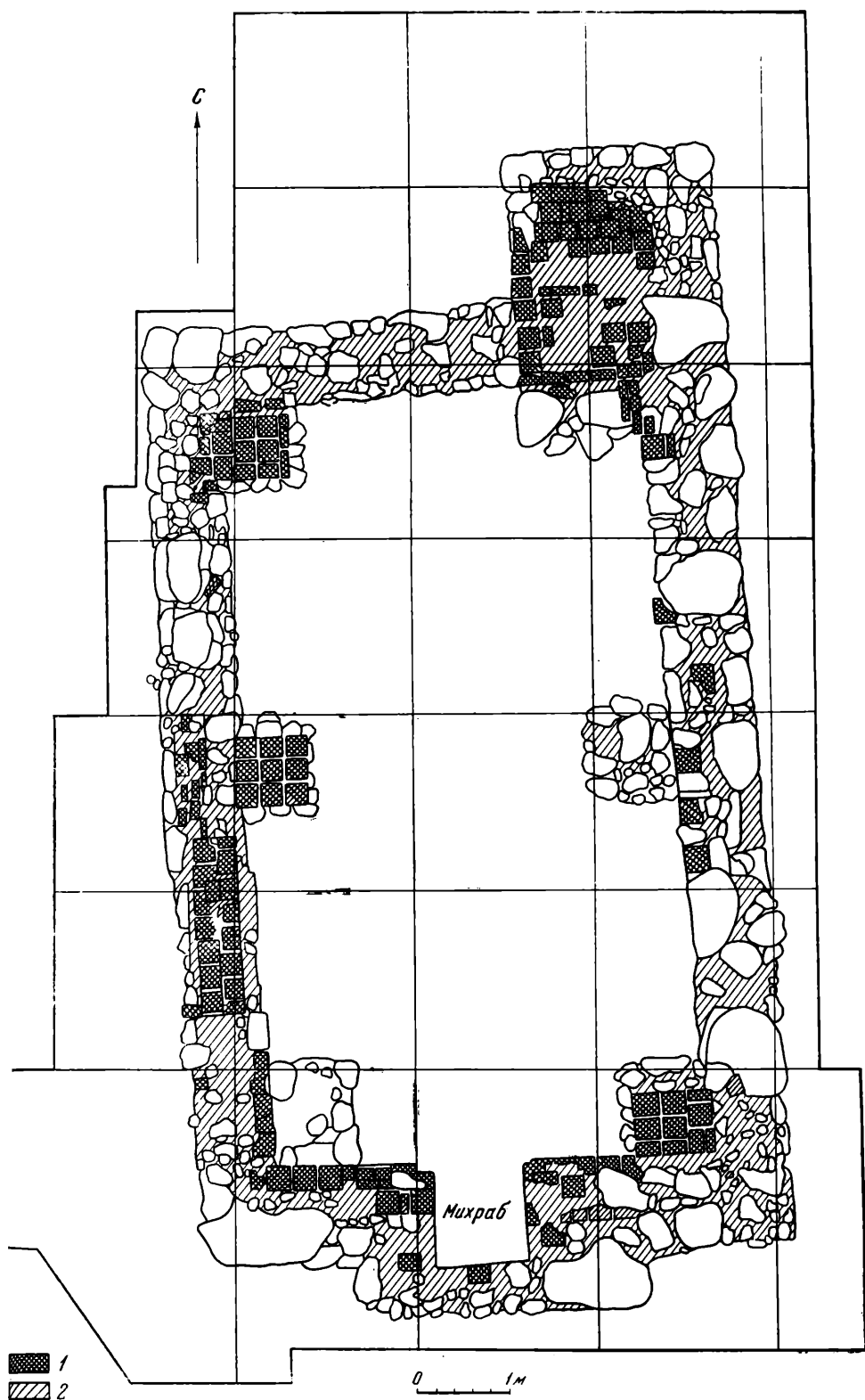

Рис. 38. План мечети
1 — кирпич; 2 — цементирующий раствор.

Рис. 39. Северо-восточный угол мечети

Нижний Джулат вскрыты и исследованы остатки кирпичного минарета, сходного с Татартупским²²; очевидно, его и упоминает Клапрот.

Таким образом, на двух городищах имеется ряд памятников мусульманской архитектуры и среди них — исследованная нами мечеть. Все эти памятники, по-видимому, относятся к золотоордынскому времени.

При раскопках мечети обнаружен материал, относящийся и к более раннему периоду существования городища Верхний Джулат. Большие прослойки угля указывают на следы пожара. Находки многочисленных железных шлаков свидетельствуют о металлургическом производстве. Определение костей животных дало следующие результаты²³.

	Количество	
	костей	особей
Крупный рогатый скот	362	13
Мелкий » »	129	13
Свинья	19	3
Лошадь	83	5
Кошка	33	1
Благородный олень	15	3
Кабан	2	1

В завале строительного мусора и в перемешанной при строительстве земле находилась, наряду с серой, керамика красного цвета, из хорошо отмученного теста, хорошего обжига, с линейным волнистым и мелкозубчатым орнаментом (рис. 40—1—4). Ненарушенные участки культурного слоя под завалом строительного мусора и хозяйственные ямы содержали серую, типично аланскую, салтово-маяцкого облика керамику, которая может быть датирована X—XII вв. (рис. 40—5—8). Керамика и вещи этого слоя находят прямые аналогии с керамикой и вещами из аланского Змейского катакомбного могильника XI—XII вв. Совпадают формы сосудов, техника их изготовления, орнамент, клейма; куски жерновов, обломок костяной обкладки лука, железный наконечник стрелы (рис. 40—9), донышко стеклянного сосуда и другие предметы, найденные в раскопе на городище,

²² Е. И. Крупнов. Отчет о работе археологической экспедиции...

²³ Определение произведено В. И. Цалкиным.

Рис. 40. Находки с городища Верхний Джулат
 керамика золотоордынского времени; 5—8 — керамика X—XII вв.; 9 — железный наконечник стрелы.

аналогичны могильному инвентарю катакомб. Даже зерна черной бузины обнаруженные на дне хозяйственной ямы городища, также были положены в одну из катакомб.

Эти многочисленные параллели дают достаточно оснований для предположения, что аланы, хоронившие своих покойников в Змейских катакомбах жили в 3 км от них, на городище Верхний Джулат, а богатство и разнообразие погребального инвентаря и насыщенность культурного слоя в городище говорят за то, что тут был крупный аланский центр.

Уже давно кавказоведы высказывали предположение, что на месте нынешнего Татартупского городища находился аланский город Дебяков, известный по русским летописям²⁴. После раскопок 1958 г. получены новые данные, подтверждающие возможность такого предположения²⁵.

Дальнейшие раскопки на обоих памятниках и особенно на городище Верхний Джулат помогут решить вопрос о названии этого городища и его роли в истории северокавказских алан. Но и данные экспедиции 1957-1958 гг. с несомненностью свидетельствуют о кипучей жизни и высокой культуре аланских племен накануне татаро-монгольского нашествия на Русь и на Кавказ, а также о появлении ислама на Северном Кавказе в золотоордынское время.

²⁴ П. Г. Бутаков. Опыт древней истории Осетии. Архив АН СССР Л. И. Лавров. Указ. соч.; М. Г. Сафаргалиев. Где находился золотоордынский город «Дебяково». Уч. Зап. Мордовск. пед. инст., вып. IV. Саранск, 1956.

²⁵ Е. И. Крупнов — газета «Социалистическая Осетия» от 19 октября 1958 г. № 207.

А. И. МЕЛЮКОВА

РАБОТЫ В ПОДНЕСТРОВЬЕ В 1958 ГОДУ

Южные районы Молдавской ССР в археологическом отношении остаются еще очень мало исследованными. Памятники I тысячелетия до н. э., относящиеся к предскифской и скифской эпохам, специальному изучению здесь совсем не подвергались. Раскопки курганов в окрестностях г. Тирасполя и возле прилегающих к нему сел, проводившиеся И. Я. Стемпковским в 1890—1910 гг., до сих пор являются наиболее значительными археологическими исследованиями на этой территории; они дали важный, но далеко не полный материал для характеристики культуры племен Нижнего Поднестровья предскифского и преимущественно позднескифского времени¹.

Между тем именно в степных районах Поднестровья, как мне представляется, могут быть получены интересные данные для решения ряда спорных вопросов киммерийской и скифской проблем.

В 1958 г. отряд скифской археологии Молдавской археологической экспедиции ИИМК и Молдавского филиала АН СССР, занимавшийся ранее изучением памятников I тысячелетия до н. э. в лесостепной Молдавии, начал работы в степных районах Поднестровья. Разведки проводились на левом берегу Днестра, поблизости от района раскопок курганов И. Я. Стемпковским, между г. Тирасполем и с. Незавертальовкой, и на правом берегу Днестра, между селами Олонешты и Паланка, Каушанского района. На городище у с. Тудорова, Каушанского района, были начаты археологические раскопки.

При разведках обследовано 31 поселение (рис. 41). Однако только на девяти из них собран подъемный материал скифского времени и на четырех — керамика предскифской эпохи. Большинство поселений относится к римскому периоду, главным образом, — к концу II в. — III в. н. э. На 3 поселениях найдена средневековая керамика.

Поселения предскифского времени расположены на ровном плато, прилегающем к широкому заболоченному берегу Днестровского лимана у с. Казацкое (пункт № 19), на берегах неглубоких овражков, у с. Паланка (пункт № 15-16) и у с. Олонешты (пункт № 30). Размеры их сравнительно небольшие: 500—600 м в длину и не более 100 м в ширину. Здесь собрана лепная керамика, которая находит близкие аналогии в памятниках раннего этапа культуры поздней бронзы степной Украины, в частности, в таких, как нижний слой Ушкалки и Сабатиновка².

¹ Краткие сведения о них имеются в работе И. В. Фабрициус «Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР». Киев, 1951, стр. 16 и сл.

² О. А. Криיצова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 125, рис. 28.

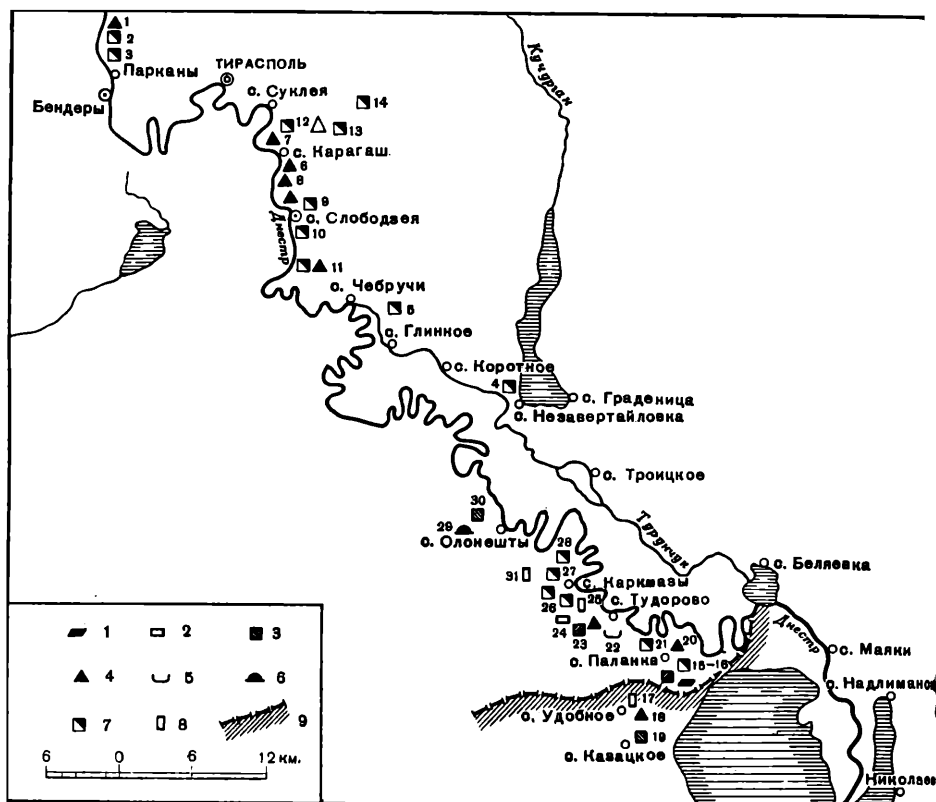

Рис. 41. Археологическая карта нижнего течения р. Днестра (разведки 1958 г.).

1 — трипольские поселения; 2 — трипольские погребения; 3 — поселения предскифского времени; 4 — поселения скифского времени; 5 — городища скифского времени; 6 — курганы скифского времени; 7 — поселение культуры «полей погребений»; 8 — средневековые селища; 9 — граница между Украиной и Молдавией.

Поселения скифской эпохи обнаружены на высоких террасах Днестра между селами Парканы и Чебручи, Тираспольского района, и на высоком плато между селами Паланка и Удобное на правобережье Днестра. Во поселения находятся на землях, занятых современными селами, или на прилегающих к ним участках, сильно распаханных и использованных под виноградники. В связи с этим размеры поселений часто трудно определить, а собранный на них подъемный материал мало выразителен.

Наиболее ранним памятником является поселение на молодом винограднике у с. Слободзея (пункт № 8). Здесь найдены обломки пухлогорлых амфор конца VI — начала V в. до н. э., фрагменты лепных сосудов с заглаженными поверхностями, с примесями мелко толченого шамота в глине, а также обломки горшков с налепным валиком и зашипами на шейке.

Остальные поселения могут быть датированы IV—III вв. до н. э. на основании находок фрагментов эллинистических амфор. Лепная керамика, происходящая с этих поселений, близка к посуде, характерной для памятников степной Украины IV—III вв. до н. э. Вместе с тем на этих же поселениях встречены фрагменты керамики, обычной для одновременных памятников лесостепного Среднего Поднестровья.

Поселения, относящиеся к римской эпохе, расположены в разных топографических условиях: одни из них — на высоких плато, другие — на сравнительно низких местах на берегах балочек или овражков. Собранный на них материал очень однороден. Он состоит из фрагментов римских амфор,

рой, сделанной на гончарном круге, посуды черняховского типа и грубой лепной керамики. По определению И. Б. Зеест, амфорная керамика, происходящая с большинства поселений, может быть датирована концом II в. — II в. н. э. Лишь на некоторых поселениях были встречены фрагменты римских амфор I—II вв. н. э. и на 2 памятниках — фрагменты амфор III—V вв. н. э.

На правобережье Нижнего Поднестровья в с. Тудорово, Каушанского района, разведками Славяно-Днестровской экспедиции 1950 г. открыты городища, отнесенные Г. Б. Федоровым к скифской эпохе³. Городище Тудорово II, расположенное на высоком берегу Днестра почти в центре села, в настоящее время уничтожено. Материал, собранный на месте городища, свидетельствует о существовании двух культурных слоев на этом памятнике: один из них относился к IV—III вв. до н. э., другой — ко II—II вв. н. э.

Городище Тудорово I лучше сохранилось. На поверхности его найдены фрагменты римских и эллинистических амфор, а также лепная керамика предскифского времени. На этом городище в 1958 г. мы провели раскопки.

Городище расположено при въезде в с. Тудорово, на второй надпойменной террасе, на мысу, круто обрывающемся к Днестру, к северо-востоку, сравнительно полого спускающемся к западу. С востока городище ограничивает овраг с крутыми склонами, а с запада — неглубокий овраг-балочка, падающая в Днестр. С напольной (южной) стороны городище ограждено расплывчатым валом. Внешний ров сильно заплыл и слабо заметен лишь в западной части городища; в восточной части край вала и ров сильно размыло. Почти посередине городище прорезано дорогой ведущей из с. Олонешы в Тудорово.

Основные раскопки были проведены на восточной части городища, где открыта площадь около 600 кв. м и зачищен вал на берегу обрыва. На западном участке городища была заложена траншея (25 × 2 м).

Раскопками на восточной части городища выявлены два культурных горизонта: верхний, соответствующий времени постройки и существования городища, и нижний, относящийся к более раннему времени. Четкой границы между горизонтами нет из-за перекопов, в результате которых обломки керамики из нижнего слоя попали в верхний, и наоборот.

Культурный слой начинался с поверхности. Верхний горизонт представляет собой сильно гумированный чернозем толщиной 0,45—0,6 м, слабо насыщенный культурными остатками (фрагменты керамики и кости животных). Остатков жилища в этом слое не обнаружено; нет и скоплений находок, по которым можно было бы определить места легких наземных построек. К верхнему горизонту относятся 22 ямы. Все они обнаружены после снятия чернозема, в желтовато-коричневом суглинке, содержащем нижний культурный горизонт, и только некоторые из них, прорезая этот слой, были углублены в материк. Ямы — круглые в плане, диаметром от 1,1 до 2 м; одни слегка суживались ко дну, другие, наоборот, немного расширялись; у некоторых были вертикальные стенки. В заполнении 6 ям оказалось большое количество золы и угля, а на дне и стенках имелись следы действия огня; очевидно, эти ямы использовались в качестве очажных. Другие ямы затекли культурным слоем, в котором находилось немного фрагментов керамики. По-видимому, эти ямы имели какое-то хозяйственное назначение.

В южной части раскопа, возле вала, прослежен внутренний ров городища глубиной 2,4 м от современной поверхности (около 2 м от древней дневной поверхности). Ширина рва поверху — 4 м, по дну — 0,8 м. В заполнении рва найдены очень небольшое количество мелких фрагментов

³ Г. Б. Федоров. Отчет о полевых работах Славяно-Днестровской экспедиции 1950 г. Архив ИА АН СССР, № 503.

керамики и отдельные кости животных, а на дне — ножка римской амфоры II—III вв. н. э. Находки во рву свидетельствуют о том, что укрепление связано с верхним слоем жизни на городище. Зачистка вала у оврага показала, что вал был сооружен из земли, взятой и из внутреннего, и из внешнего рва. Следов какого-либо дополнительного укрепления вала в виде камней глины или остатков дерева не прослежено. Высота вала — 1,6 м от уровня древней поверхности (соответствовавшей верхнему слою жизни на городище), ширина сохранившейся его части — около 12 м. Вал плавно понижался и переходил в внутренний ров.

Керамика из верхнего слоя городища делится на 3 группы. Преобладают фрагменты римских амфор — реберчатых и узкогорлых светлоглиняных, которые, по определению И. Б. Зеест, относятся к концу II в. — III в. н. э. Кроме амфор, из античной керамики встречены фрагменты красноглиняных мисок с утолщенным и загнутым внутрь краем. Вторую, небольшую по количеству находок, группу составляют обломки сероглиняной лощеной керамики, сделанной на круге и имеющей аналогии среди посуды черняховской культуры. К третьей группе относится грубая лепная керамика. Последняя по формам близка к лепной керамике, характерной для позднескифских городищ Нижнего Поднепровья⁴. Наиболее обычными для этих форм являются горшки с высоким, хорошо выделенным плечом и так называемые крышки-миски. Такая керамика не типична для поселений черняховской культуры на основной территории ее распространения.

Наряду с керамикой, относящейся к концу II в. — III в. н. э., в верхнем культурном горизонте городища встречены фрагменты керамики, характерной для нижнего горизонта, небольшое количество черепков случайно занесенной на городище позднесредневековой посуды, а также керамика IV—III вв. до н. э., представленная 4 обломками стенок эллинистических амфор и несколькими фрагментами лепных сосудов. Интересна еще одна находка — также случайно попавшая в верхний культурный слой, — бронзовая монета Филиппа II Македонского с изображением головы безбородого юноши в повязке; на другой стороне монеты — всадник на лошади, скачущий вправо, с надписью $\Phi\iota\lambda\iota\pi\pi\omicron\upsilon$ наверху и монограммой Φ внизу⁵. По всей вероятности, и керамика IV—III вв. до н. э., и монета были занесены сюда обитателями городища Тудорово II, расположенного на расстоянии около 1 км. Слабая насыщенность находками верхнего горизонта свидетельствует о том, что городище существовало недолго и, возможно, служило лишь убежищем.

Нижний культурный горизонт залегал на глубине 0,6—1,2—1,4 м в серовато-коричневом суглинке, постепенно переходившем в материк. В слое содержались в значительном количестве обломки лепной посуды и кости животных. К нижнему горизонту относились остатки 4 жилищ, углубленных в землю, условно названных нами землянками, и 3 ямы (рис. 42). Они стали прослеживаться на глубине 1,1—1,2 м, т. е. там, где кончался культурный слой и начинался материковый суглинок. Жилища были углублены в материк на 0,3—0,4 м и имели в плане неправильные очертания, приближающиеся к квадрату или широкому овалу. Размеры их небольшие: $4,8 \times 4,5$ м (жилище № 1), $4,3 \times 3,75$ м (жилище № 2), $4,4 \times 3,2$ (жилище № 3) и $3,9 \times 3,5$ (жилище № 4).

В жилищах № 1 и 4 у входа имелись невысокие земляные ступени, в жилище № 2 входом служил небольшой спуск с западной стороны; в жилище № 3 входа выявить не удалось, возможно, из-за того, что северная и южная стенки его были прорезаны поздними ямами. Пол жилищ слегка покатый от стенок к центру. На полу в жилищах № 1 и 2 оказались остатки

⁴ Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на Нижнем Днепре. МИА, № 64, 1958, стр. 133, рис. 16, 17.

⁵ Определение монеты сделано Д. Б. Шеловым.

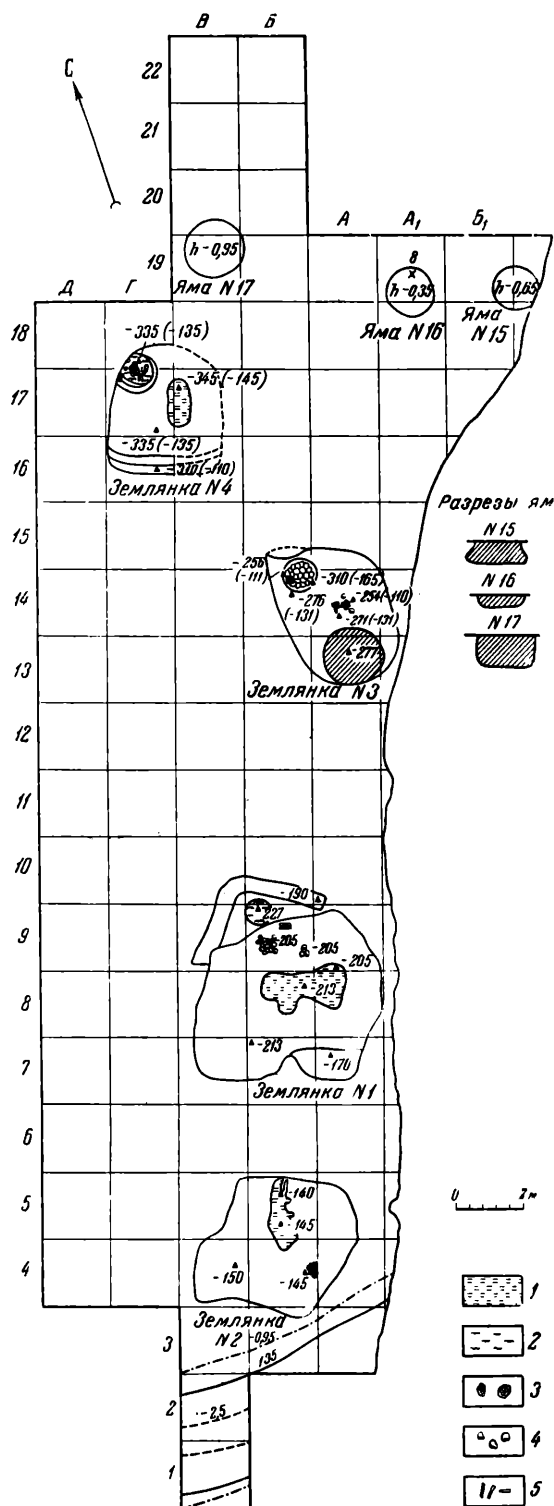

Рис. 42. Городище Тудорово I. План раскопа I на уровне материка
 1 — остатки очагов и печей; 2 — кости; 3 — фрагменты керамики; 4 — камни; 5 — кости.
 [Находки: нож бронзовый (квадрат 19а); Х8 — горшок лепной (яма № 16)].

открытых очагов в виде пятен докрасна прокаленной земли с золой и угольками. В жилище № 3 у северо-западной стенки в круглой яме (диаметром около 1 м и глубиной 0,45 м от уровня пола) обнаружен развал глинобитной печи, состоявший из кусков глиняной обмазки. Среди них встречены профилированные части стенок и купола печи. Последние позволяют предполагать, что у печи были стенки с заслонками и купол, сделанный отдельно и надевавшийся сверху. Глинобитного пода в печи не оказалось; вместо этого в основание печи были положены обломки лепных горшков.

Развал подобной глиняной обмазки печи, также в круглой яме, наряду с открытым очагом на полу, обнаружен и в жилище № 4. На полу жилища № 1 отмечены два скопления камней со следами действия огня, а в жилищах № 2 и 3 найдены раздавленные горшки. Наземных частей жилищ проследить не удалось, не встречено также ямок от столбов. Неясным осталось назначение канавки, примыкавшей к восточной — северо-восточной стенке жилища № 1. Возможно, что она предназначалась для вертикально поставленных бревен или жердей, входивших в конструкцию стен жилища.

Три ямы, относившиеся по найденным в них фрагментам сосудов к нижнему горизонту, были круглыми в плане. Яма № 15, диаметром 1,2 м в устье, слегка расширялась ко дну и была углублена в материк на 0,6 м; яма № 16, диаметром 1,25 м, слегка суживалась ко дну и была углублена в материк на 0,35 м; на дне ее обнаружен лепной сосуд в обломках. Яма № 17, диаметром 1,65 м, также слегка суживалась ко дну и углублялась в материк на 0,9 м. Заполнение ям составлял культурный слой с небольшим количеством фрагментов керамики. По-видимому, все 3 ямы имели какое-то хозяйственное назначение.

Керамика, относящаяся к нижнему горизонту, сделана от руки из глины с примесью шамота и сравнительно хорошо обожжена. Поверхность большинства сосудов шероховатая или заглаженная, темного серовато-коричневого или желтовато-коричневого цвета. Наряду с такой керамикой, найдено сравнительно много темной лощеной посуды из более тонкой глины. Формы той и другой посуды довольно разнообразны. Среди грубой, кухонной керамики преобладают горшки, имеющие слабо выделенную шейку, плавно переходящую в раздутое тулово (рис. 43—5, 8, 10). Обычно сосуды этой формы украшены валиком, расположенным в месте перехода шейки в тулово. Валики бывают гладкие (налепные и оттянутые), а также украшенные косыми насечками или — чаще — защипами, сделанными пальцами. Концы валиков часто не сомкнуты, а образуют спускающиеся вниз «усы» (рис. 43—1). Встречаются также горшки с хорошо выраженными прямой шейкой и плечом (рис. 43—7, 11) и баночные сосуды (рис. 43—2—4). На баночных горшках обычно имеется гладкий валик. Сосуды с отчетливо выраженными шейкой и плечом часто не орнаментированы. Только на плечике сосуда из ямы № 16 сделаны четыре небольших полукруглых упора (рис. 43—7). Плечико второго горшка этого типа украшено сосковидными налпами (рис. 44—3).

Небольшим количеством фрагментов представлены приземистые горшки с широким устьем, выпуклым плечом и низким туловом (рис. 44—4), а также горшки с низкой шейкой и более или менее раздутым туловом (рис. 43—6). На сосудах двух последних форм нет орнамента. На днищах кухонных горшков часто заметны отпечатки зерен проса, употреблявшегося в качестве подсыпки на подставку при формовке сосудов. К кухонной, сравнительно грубой керамике принадлежат плоские и слабо конические крышки (рис. 44—5, 6), а также массивные миски с прямыми стенками, суживающимися ко дну; по краю многих из них нанесен орнамент в виде защипов пальцами (рис. 43—9).

Особую группу нелощеной керамики составляют большие сосуды с высоким, довольно узким горлом, имеющим уступ в месте перехода от горла

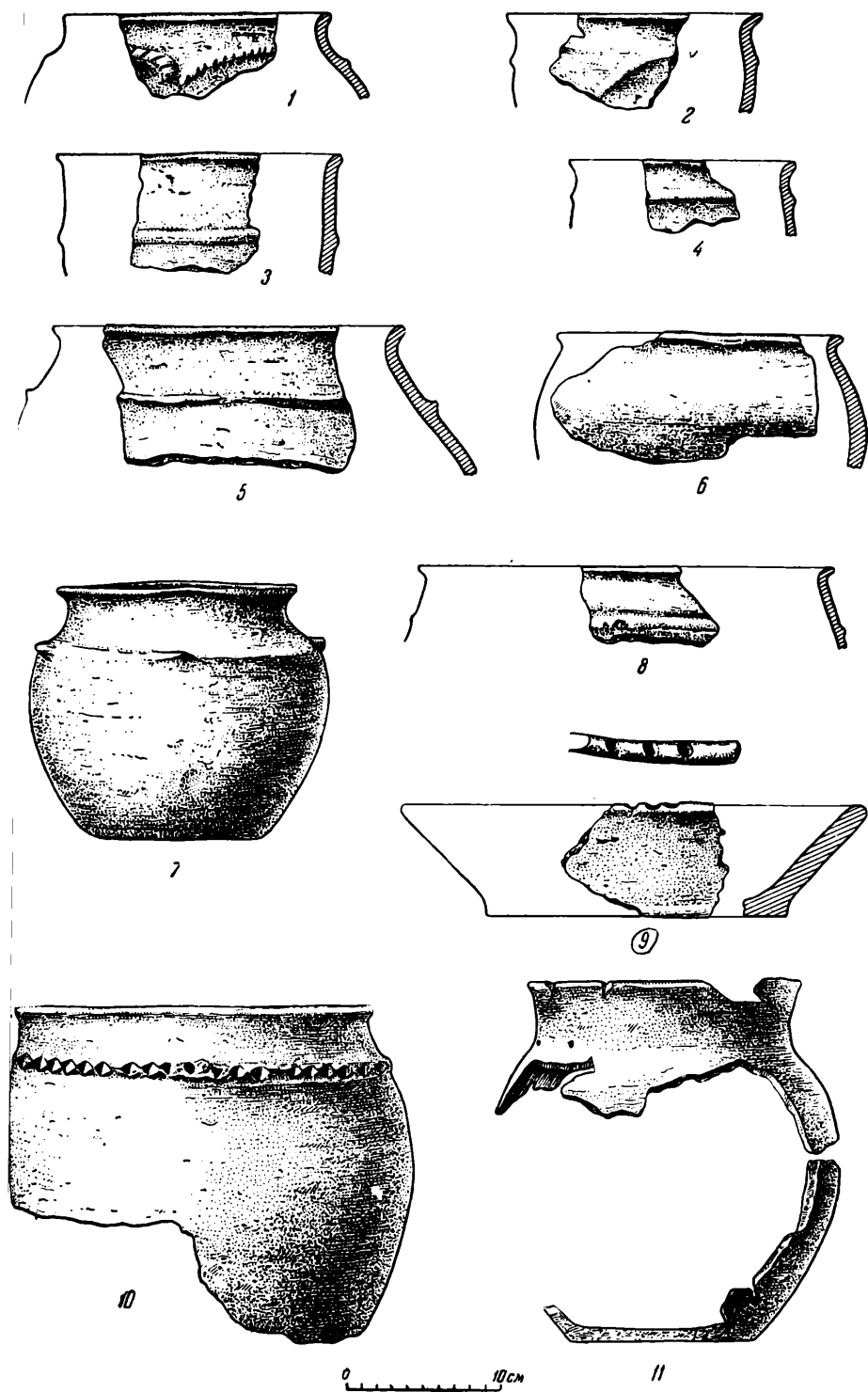

Рис. 43. Керамика эпохи поздней бронзы из нижнего слоя городища Тудорово I (1—11).

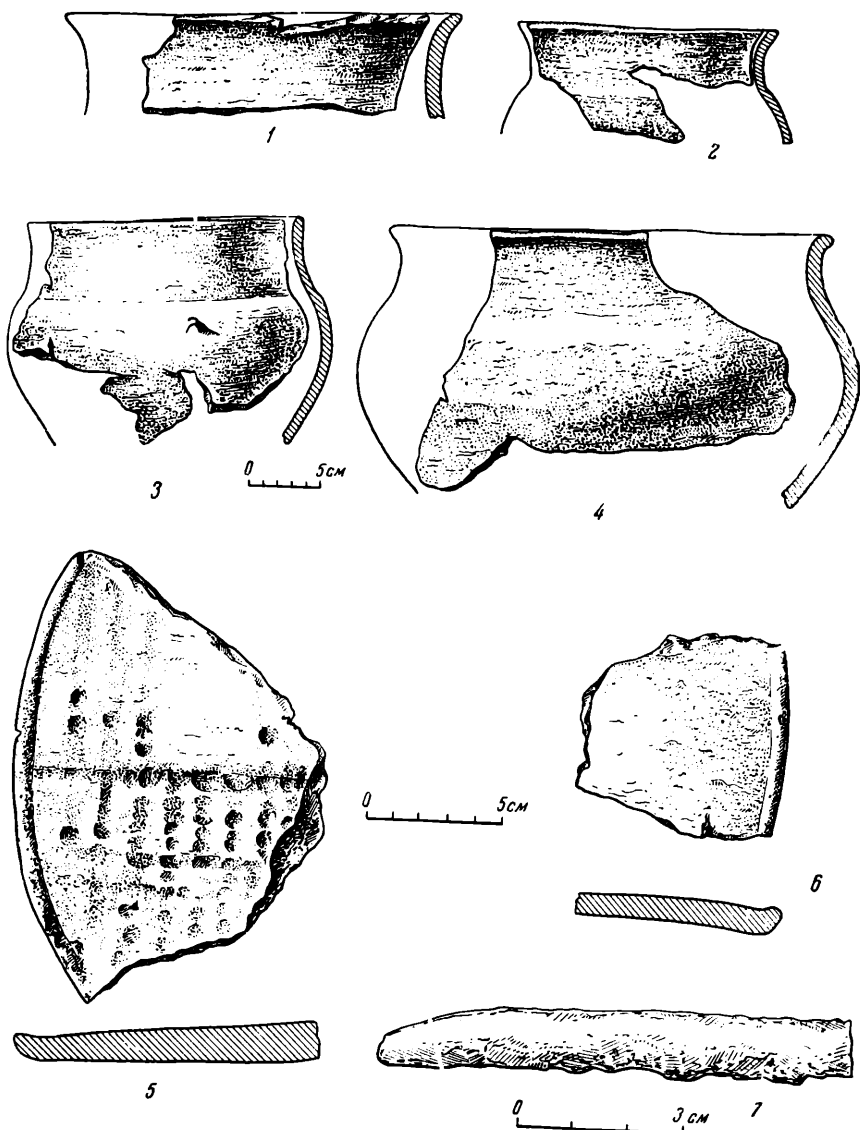

Рис. 44. Керамика (1—6) и бронзовый нож (7) эпохи поздней бронзы из нижнего слоя городища Тудорово I.

к плечу. Сосуды этой формы сравнительно тонкостенные и по составу глины напоминают лощеную керамику. Поверхности их обычно очень хорошо заглажены (рис. 44—2).

Лощеная керамика представлена только фрагментами. Преобладающая форма — небольшие кубки с более или менее высокой шейкой и округлым туловом (рис. 45—1—10). На плечиках кубков встречается орнамент в виде небольших шишечек или вертикально расположенных налепов (рис. 45—1, 3, 4). На нескольких экземплярах нанесен глубокий резной орнамент в виде заштрихованных треугольников, сделанный тонким, но затупленным на конце инструментом (рис. 45—3, 7). На одном фрагменте кубка отмечен орнамент в виде нешироких и неглубоких каннелюр (рис. 45—1). На днищах кубков имеется небольшой умбон. Поверхности

судов этой формы — черного или темно-серого цвета, хорошо залощены. Наибольшим количеством фрагментов представлена лощеная керамика других форм. Найдено несколько обломков больших сосудов, имеющих довольно высокое, но узкое горло с едва отогнутым наружу краем (рис. 45—11—14). В одном из таких фрагментов в месте перехода от шейки в плечо нанесен каннелюр (рис. 45—11). Наряду с ними, встречены немногочисленные фрагменты ячичков больших лощеных сосудов с сильно отогнутым наружу краем (рис. 45—12) и части стенки с плечиком лощеного сосуда; на плечике — маленькая петельчатая ручка. Три обломками представлены небольшие миски, вероятно, в форме полушария.

Помимо керамики, в нижнем горизонте городища найдены бронзовый нож с обломанным черенком (рис. 44—7), биконические пряслица, большое количество обломков зернотерок, терочных и точильных камней, а также несколько фрагментов римских амфор, случайно попавших в этот культурный слой сверху.

По характеру жилищ и комплексу находок нижний культурный горизонт городища Тудорово I близок к целому ряду поселений конца эпохи поздней бронзы Степного Приднепровья — к таким, как верхний слой поселения у с. Ушкалка⁶, поселения Бабино IV⁷ и у Белозерского лимана⁸. Во всех указанных памятниках были обнаружены остатки углубленных ватерик жилищ и весьма близкая к описанной керамике. Сходная керамика найдена также на других поселениях Нижнего Приднепровья, например, сел. Змеевка, Нижний Рогачик, у хутора Шевченко⁹. Вместе с тем наблюдаются и некоторые локальные черты, отличающие данный памятник от перечисленных выше поселений. Так, на этих поселениях не известны глиняные печи, находящиеся в круглых ямах внутри жилищ, подобные тем, которые были обнаружены нами в двух жилищах. У полуземлянок, исследованных на поселениях Нижнего Приднепровья, большие размеры.

Некоторые своеобразные черты можно видеть при сопоставлении керамического комплекса из наших раскопок с керамикой Нижнего Приднепровья. Прежде всего керамика из нижнего слоя городища Тудорово I отличается от упомянутой тем, что в ней имеется довольно много лощеной посуды, тогда как на поселениях Нижнего Приднепровья лощеная керамика представлена очень небольшим количеством фрагментов. Разнообразнее и формы лощеной посуды с городища Тудорово I. Так, на нижнеднепровских поселениях не найдено крупных лощеных сосудов с высоким горлом и слабо отогнутым венчиком, таких, как изображенные на рис. 45—11, 14, или полушаровидных небольших мисок. Лощеная керамика, происходящая с этих поселений, принадлежит к группе кубков или близких им по форме сосудов больших размеров¹⁰.

Что касается сравнительно грубой, кухонной посуды, то при большой близости ее к нижнеднепровской в ней также прослеживаются отдельные особенности. Встречены баночные горшки с почти прямыми стенками, орнаментом в виде гладкого валика (рис. 43—2—4). Подобные сосуды типичны для памятников культуры ноа, распространенной в Румынии и лесостепной Молдавии. Не имеет аналогий керамика в виде приземистых горшков с хорошо выделенным плечом. Особенностью кухонной посуды из нижнего слоя городища Тудорово I является также то, что среди нее

⁶ Раскопки Д. Я. Телегина (1954 г.) и В. А. Ильинской (1955 г.). Материал не издан. Хранится в фондах ИА АН УССР.

⁷ В. А. Ильинская. Поселение поздней бронзы у с. Бабино. КСИА, вып. 5, 1955, р. 19 и сл.

⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Поселение бронзового века на Белозерском лимане. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 76 и сл.

⁹ Материал не издан. Хранится в фондах ИА АН УССР.

¹⁰ В. А. Ильинская. Указ. соч., стр. 21, рис. 15.

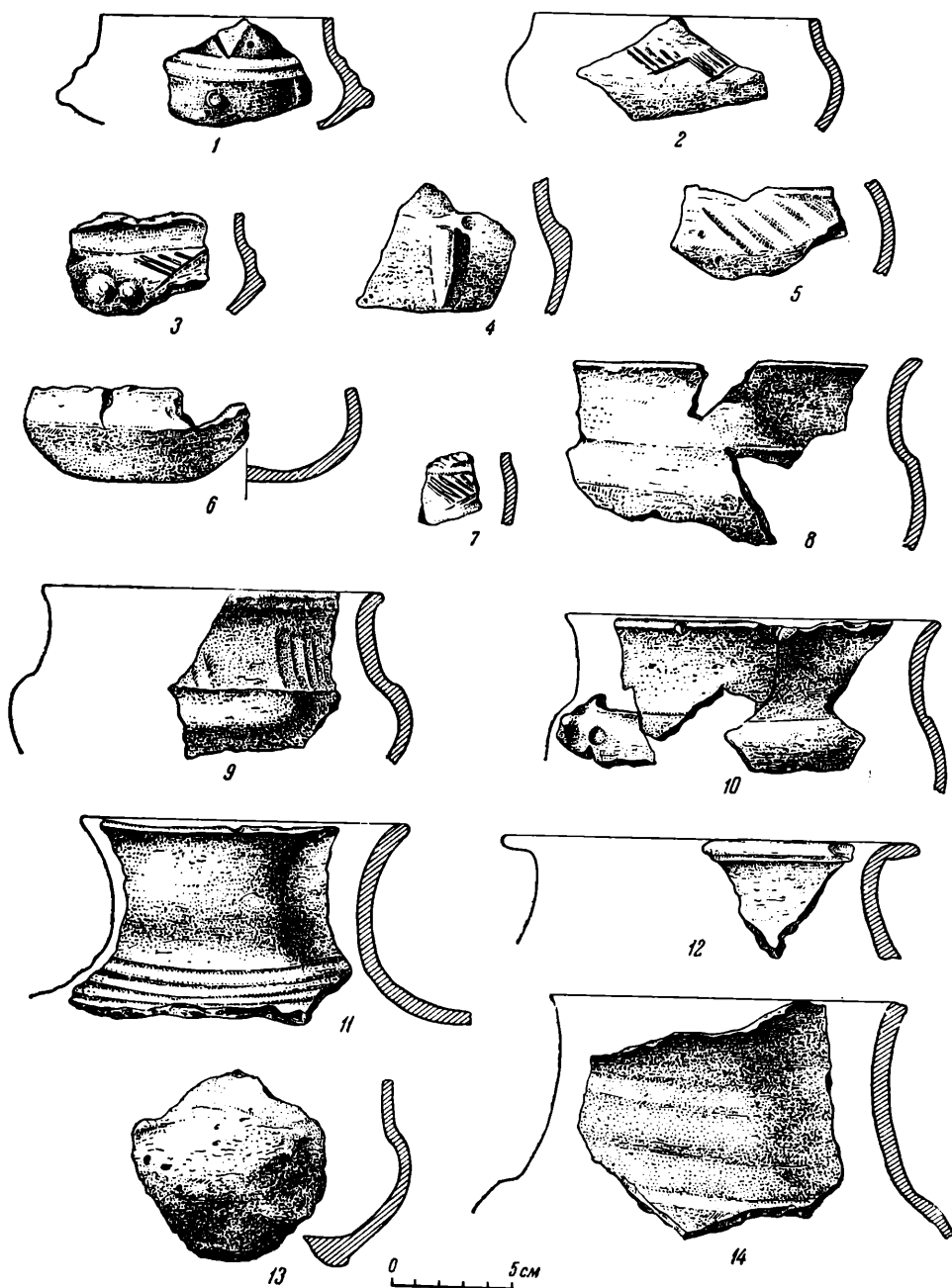

Рис. 45. Керамика эпохи поздней бронзы из нижнего слоя городища Тудорово I (1—14).

тствуют формы, характерные для позднесрубной культуры степного Северного Причерноморья. Здесь нет сосудов в виде банок срубного типа или являющихся к группе «острореберных», а также сосудов, заглаженных венчатой штриховкой. Подобная керамика, хотя и в небольшом количестве, встречается на памятниках Нижнего Поднепровья.

Являются ли отмеченные черты различия локальными особенностями, они объясняются другими причинами,—возможно, некоторой разницей времени,—пока сказать нельзя из-за слабой изученности памятников скифского времени западных районов Северного Причерноморья.

Отсутствие датированных вещей в нижнем слое городища Тудорово I и близких к нему памятниках Степной Украины лишает нас возможности определить время существования этого поселения. Стратиграфические данные, полученные Д. Я. Телегиным и В. А. Ильинской при раскопке поселения у с. Ушкалка, несколько изменяют хронологию, предложенную О. А. Кривцовой-Граковой для памятников эпохи поздней бронзы степной Украины¹¹. Поселения сабашиновского этапа, отнесенные А. Кривцовой-Граковой к самому концу предскифского периода на основании того, что им соответствует нижний слой Ушкалки, должны быть датированы более ранним временем, чем поселения белозерского этапа, которым соответствует верхний слой Ушкалки. Верхнеушкальский слой поселения Бабино IV, Белозерский лиман, Змеевка и другие, близкие к ним памятники, в том числе, очевидно, и нижний слой городища Тудорово I, существовали после поселений сабашиновского типа, но предшествовали памятникам раннескифского времени. А. И. Тереножкин поставил названные поселения Нижнего Приднепровья в синхронную связь с памятниками культуры белогрудовской и начала чернолесской культур правобережной лесостепной Украины¹². По-видимому, нижний слой городища Тудорово I, так как и нижнеднепровские поселения белозерского или верхнеушкальского этапа, может быть датирован концом IX в.—VIII в. до н. э.

Керамический комплекс из нижнего слоя городища Тудорово I, а также керамика, собранная при наших разведках на поселениях предскифского периода Нижнего Поднепровья, позволяют предполагать, что по материальной культуре племена, обитавшие в начале I тысячелетия до н. э. в степных районах Молдавии, отличались от населения лесостепной ее части. Если в степи в предскифский период были распространены сначала культура, а затем культура фракийского гальштата, аналогичные культурам Румынии, то степь Молдавии, видимо, была занята племенами, близкими по культуре к населению Степной Украины.

Если правильно датировка памятников верхнеушкальского типа, к которым относится нижний слой городища Тудорово I, то это поселение можно по времени или одновременно наиболее ранним памятникам культуры фракийского гальштата. В синхронную связь с ним можно поставить поселение в окрестностях Кишинева¹³. На этом памятнике, кстати говоря, наряду с типичной керамикой фракийского гальштата, найдено большое количество фрагментов сосудов, которые по форме и орнаменту восходят к керамике культуры ноа. Именно к этим сосудам близки по формам баночные горшки с гладким валиком из нижнего слоя городища Тудорово I, отличающиеся от обычных форм керамики верхнеушкальского типа (рис. 43—2—4).

¹¹ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье..., стр. 19.

¹² А. И. Тереножкин. Предскифский период в Днепровском лесостепном пространстве. Автореферат диссертации. М., 1958.

¹³ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднепровья. МИА, № 64, стр. 56 и сл. (Материал из раскопок 1956 г. пока не издан).

По-видимому, влиянием культуры фракийского гальштата следует объяснять появление орнамента в виде каннелюр на некоторых лощеных сосудах. То же происхождение, вероятно, имеет и большой лощеный сосуд с маленькой ручкой-ушком на плечике.

Материалы из наших раскопок нижнего слоя городища Тудорово I важны тем, что они расширяют территорию распространения характерных памятников предскифского периода степного Северного Причерноморья вплоть до Днестра. Дальнейшее накопление данных поможет правильно решить вопрос о том, каким племенам они принадлежали, а также выяснит какое отношение имели эти памятники к позднеархаической культуре, с одной стороны, и к раннескифским памятникам, — с другой.

А. П. СМЕРНОВ

ЧУВАШСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

В 1958 г. Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР провел археологические исследования, в которых приняли участие ИИМК и ГИМ. Четыре ряда экспедиции провели работы в Байбатаревском, Марпосадском, Моршском, Сундырском, Чебоксарском, Цивильском, Шемурдинском и Яльском районах, где исследовали памятники, начиная со II тысячелетия до н. э. и кончая XVI—XVII вв. н. э.

Помимо раскопочных работ рекогносцировочного характера, проведены экспедиционные раскопки ряда памятников, позволяющие решить некоторые важные вопросы истории Чувашского Поволжья. Новый материал уточняет вопрос об этническом составе населения Чувашского Поволжья конца бронзового века и раннего железного века. Последний период, когда появляются первые исторические свидетельства о народах Восточной Европы, мало известен в истории Чувашии. Правда, полоса Среднего Поволжья относится к тем областям, о которых у античных авторов сохранились некоторые сведения. Сопоставление их с археологическими данными может пролить свет на этнический состав населения Среднего Поволжья в то время.

Слабая изученность раннего железного века заставила обратиться к памятникам предшествующего времени, второй половины II тысячелетия до н. э. — эпохи распространения абашевской культуры, пережитки которой сохранялись довольно долго. Существует мнение, — правда, за последнее время оспариваемое некоторыми археологами, — что абашевская культура принадлежала племенам фатьяновцев, ассимилированным пришедшими с юга племенами срубной культуры, которые до того занимали степную часть Поволжья, а в половине II тысячелетия до н. э. распространились на север и запад¹.

Это явление хорошо прослеживается в деталях устройства могил, в погребении покойника, в дальнейшем развитии форм и орнамента посуды. Сближением срубных племен с юга были захвачены и степные племена, основная масса которых обитала несколько южнее по правому берегу Волги. Этот процесс и привел к сложению абашевской культуры. Этнический состав Чувашского Поволжья, начиная с бронзового века и особенно в ранний железный век, был весьма сложным.

¹ А. П. Смирнов. Древняя история чувашского народа, Чебоксары, 1948.

Два отряда экспедиции работали по тематике бронзовой эпохи. Первый из них, под руководством Н. Я. Мерперта, провел раскопки курганов абашевской культуры близ дер. Пикшики, Чебоксарского района. Здесь в каждом кургане под невысокими насыпями были открыты от одного до шестнадцати погребений. Рядом с костяками плохой сохранности, лежавшими на спине с полусогнутыми ногами, головой в восточном направлении, находили глиняные сосуды. В одном погребении найдена кремневая стрелка сеймского типа, который был широко распространен в половине II тысячелетия до н. э. С другим покойником было найдено серебряное височное кольцо полтора оборота, с загнутыми концами.

При раскопках были открыты некоторые детали погребального обряда, не известные ранее. Отдельные захоронения оказались окруженными высокой оградой, поставленной по самой границе могил. Вокруг центральной могилы (или нескольких могил) шла ограда из вертикально забитых кольев диаметром 5—10 см. Остальные могилы или окружались оградой или примыкали к основной. Формы оград различны — круглые, овальные, прямоугольные. Рядом находились жертвенные ямы. В одном кургане жертвенные ямы располагались вокруг могилы, по окружности. Эти детали погребального обряда установлены впервые. Пока еще трудно объяснить весь смысл подобных сооружений. У мари и мордвы так оградки ставились вокруг могил колдунов. Раскопки 1958 г. снова подтвердили начало абашевской культуры на территории Чувашии с XIV до н. э.

Второй отряд по этой проблематике работал под руководством доцента Чувашского педагогического института В. Ф. Каховского. В нижнем течении р. Цивилия, в районе Яндашево, им были проведены разведки, открывшие 8 селищ бронзовой эпохи и городище, относящееся к раннему железному веку. На самом берегу реки исследованы селища; некоторые из них занимали значительную площадь. Обнаружена часть небольшой полуземлянки (2 × 3 м). Такое жилище несколько необычно для эпохи бронзы; для нее характерны большие помещения, по 100—200 кв. м. Нужно предполагать, что открытая полуземлянка представляет только часть большого комплексного жилища, напоминающего исследованные за последние годы в Каме и в Казанском Поволжье многокамерные жилища.

При раскопках собран огромный материал, состоящий из обломков посуды и из кремневых орудий (наконечников стрел, скребков для обработки шкур, ножей и небольших долот). Большой интерес представляет обломок круглого колесика с насечкой по краю для нанесения зубчатого узора на стенки сосудов перед обжигом. Найденные кости принадлежат домашним животным — лошади, корове и овце.

Этим же отрядом около дер. Тохмеево исследовано поселение конца бронзовой эпохи. При раскопках открыто основание жилого сооружения в виде бревенчатого настила толщиной до 30 см; пространство между бревнами заполнено утрамбованной глиной. Обнаруженное деревянное сооружение исследовано еще только в незначительной части — на площади 4 × 5 м. Оно весьма интересно и заставляет вспомнить многочисленные аналогии в северной полосе Восточной Европы, где в сырых местах довольно часто встречаются деревянные настилы, на которых возводили стены домов. Подобные сооружения были исследованы А. Я. Брюсовым в Вологодской области и Д. Н. Эдингсом на Урале, в Горбуновском торфянике. Найденный материал состоит из кремневых поделок, большого числа обломков посуды и костей домашних животных. По мнению В. Ф. Каховского, орнаментация посуды, встреченной на этом последнем поселении, напоминает абашевскую. Тохмеевское поселение, судя по первому году раскопок, представляет исключительный интерес, и его исследования должны быть продолжены.

Кроме поселений, вторым отрядом экспедиции раскопаны 3 кургана шевской культуры, где найден обычный для этой культуры материал; из дер. Шоркино открыт большой курганный могильник, состоящий из насыпей.

Недалеко от дер. Яндашево, на правом высоком берегу р. Цивилия, в лесу обнаружено и исследовано небольшое городище, называемое «Киве хула ране», которое по керамическому материалу можно датировать последними веками до нашей эры и первыми веками нашей эры. Это городище занимает неприступный мыс и окружено валом. Культурный слой на его поверхности почти отсутствует, находки немногочисленны. Все это свидетельствует о том, что городище служило временным убежищем, где жили в случаях военной опасности члены одного рода. Постоянными местами обитания в то время были открытые поселения.

Больших успехов добился отряд, руководимый Н. В. Трубниковой. Им раскопано городище Малахай раннего железного века, расположенное в Ядринском районе ЧАССР. Это городище известно в науке уже много лет. В 20-х годах там проводил раскопки П. П. Ефименко, позднее — Н. Третьяков. Как показали раскопки Н. В. Трубниковой, городище и относящееся к нему селище не одновременны. Селище несколько древнее относится к концу II тысячелетия и началу I тысячелетия до н. э. Найденные здесь обломки глиняной посуды, по мнению Н. В. Трубниковой, напоминают материал с многочисленных стоянок того времени в низовьях Волги и в Горьковской области. Посуда имеет на стенках характерные отпечатки тканей. Типичными памятниками этого рода являются младший Волосовский могильник и селище под Муромом. По-видимому, племена, занимавшие эти памятники, занимали территорию Горьковской области и северо-западную часть Чувашии. Сюда же надо отнести и Аккозинский могильник, расположенный в горной части Марийской АССР, исследуемый экспедицией Марийского института. Он также принадлежит к культуре позднего Волосовского могильника.

Позднее здесь возникло городище. Интересны обломки посуды, украшенные отпечатками веревочки, — узор, характерный для Нижнего Прикамья. Обломки посуды, как показывают последние исследования, происходят с этого памятника и к городищу Малахай отношения не имеют.

Вторым объектом исследований этого отряда явилось небольшое городище Адобай в Моргаушском районе, принадлежащее к типу городищ-жилищ. Это установлено по наличию небольшого культурного слоя и крайне-ограниченному количеству находок. Здесь открыты остатки столбовых жилищ, конструкцию которых проследить не удалось.

Значительно большую ценность представляют 2 городища, раскопанных в пределах Ядринского района, Первое из них находится близ дер. Ятаткино, второе — у дер. Сараево. Оба городища невелики. Характерная черта их — наличие культурного слоя (около 0,4 м мощностью) только по краям городища; в центральной части нет культурного слоя. Эта особенность напоминает городища городищной и дьяковской культур, для которых типично расположение жилищ по окружности городища. Обнаружен материал, позволяющий оба эти памятника отнести к финно-угорским племенам середины I тысячелетия н. э. Здесь встречены железные стрелы и украшения, в том числе подвески, браслет, бляшки и шейная гривна (рис. 46—1—2). Очень интересна плоская бляшка с перемычками для укрепления на одежде; бляшки этого типа были широко распространены на Нижней Каме в первые века нашей эры. К нижекамским украшениям следует отнести и обложку конической привески. Большую ценность представляет фибула с пружинной и широким щитком (рис. 46—4). Нельзя не отметить найденную на Ядринском городище пластинку от панциря, напоминающую нижекамские. Раскопанные памятники характерны для северо-западной Чувашии.

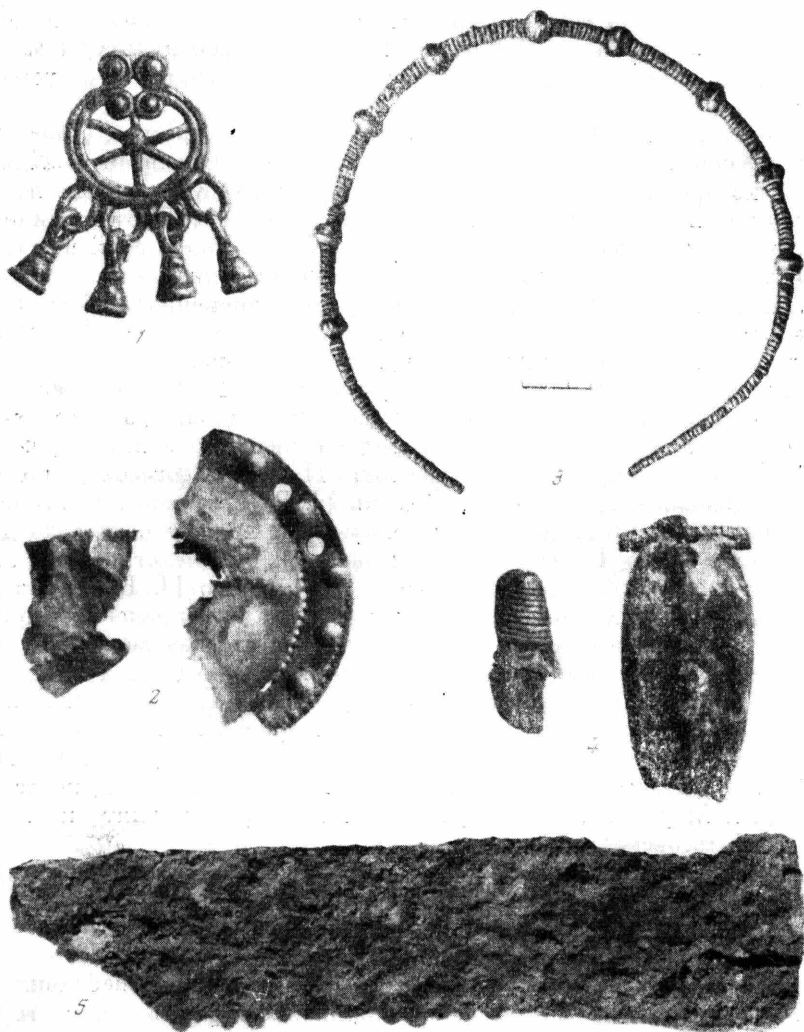

Рис. 46. Находки с Ягаткинского (1—4) и Тигашевского (5) городищ
1 — подвеска; 2 — бляха; 3 — гривна; 4 — фибула; 5 — щит.

В них сочетаются, с одной стороны, черты городищной культуры, распространенной по правобережью Волги, а с другой, — пьяноборской культуры Нижней Камы. Эта последняя культура, по-видимому, может быть связана с предками мари.

Были продолжены работы по изучению княжеского замка у дер. Тигашево, начатые в 1956 г. Здесь отрядом Г. А. Федорова-Давыдова открыты остатки святилища с идолом, окруженного деревянной оградой квадратной формы, с входом. Это святилище довольно близко к дохристианскому культовому сооружению, открытому за последние годы в городе Абоба Плис в Дунайской Болгарии. Святилище возникло около X в. на территории замка и было уничтожено, по-видимому, к началу XI в. Этот факт, вероятно, надо связать с распространением магометанства. При исследовании открыты жертвенные ямы, а под валом городища оказался расчлененный скелет собаки, положенный в виде оберега. Найден богатый материал, свидетельствующий о высокой культуре населения. Следует отметить редкие

того времени крупный обломок поперечной пилы (рис. 46—5), железное колесо от самострела, точильный камень в виде цилиндра с отверстием в центре и цилиндрический замок с пружинным механизмом. Обнаружены также различные вещи, в том числе восточные сердоликовые бусы и шиферное зеркало, характерное для мелкой торговли русских купцов. Тигашевское поселение — исключительный по своей ценности и сохранности исторический памятник.

Экспедиция провела значительные разведочные работы, которые позволяют уточнить археологическую карту Чувашии. Всего исследовано 41 памятник, в том числе в Цивильском районе, у дер. Иваново, — могильник XII—XIII вв. с остатками построек и интересным материалом, охватывающим материал памятников соседних областей. Здесь, по-видимому, как на Руси и далее на Кавказе, была в обиходе черная лощеная посуда, с фиолетовым оттенком, характерная для XII—XIII вв. Употреблялись также однотонные рельефные изразцы и поливная посуда. В Козловском районе проведено обследование Катергинского городища, принадлежавшего финно-угорским племенам. На р. Буе исследованы болгарские селища и городища у сел. Новое Ахпердино и Тоиси. Все эти памятники позволяют предполагать, что при движении болгарских племен с юга племена, занимавшие ранее эту территорию, были оттеснены к северу, и только небольшая их часть сохранилась в лесной полосе.

Весьма интересно селище бронзовой эпохи второй половины II тысячелетия до н. э., открытое близ Андреевки.

Начатые Чувашским институтом планомерные, систематические археологические исследования значительно расширили наши знания в области древней и средневековой истории Чувашии. Вопросы, поставленные на научной сессии 1956 г., посвященной этногенезу чувашского народа, начинают разрешаться. Накопление археологического материала заставляет пересмотреть представление о примитивности культур бронзового века, и средневековья на территории Чувашии. В частности, средневековая деревенская и княжеская культуры здесь ничем не отличались от культуры деревенской и княжеской центральных областей Волжской Болгарии.

III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ

В. И. МАТЮЩЕНКО

НОВЫЕ НАХОДКИ ИЗ НИЗОВЬЕВ РЕКИ ТОМИ

Археологическими экспедициями Музея истории материальной культуры при Томском государственном университете имени В. В. Куйбыша (руководитель экспедиций — В. И. Матющенко) в 1953—1957 гг. проведены исследования ряда археологических памятников в бассейне рек Томи Яи. Эти памятники датируются эпохой неолита (III тысячелетие — нач. II тысячелетия до н. э.) и бронзового века (II тысячелетие до н. э.). К ним в частности, относятся: Самусьский неолитический могильник, расположенный у поселка Самусь в 40 км ниже г. Томска по р. Томи (обнаружено 16 погребений); неолитический могильник на территории старого мусульманского кладбища у южной окраины Томска, исследованный А. П. Дульзоном в 1955—1956 гг.¹ (открыто 20 неолитических погребений); Яйский неолитический могильник, расположенный на правом берегу р. Яи у одименного поселка Кемеровской области (вскрыто два оставшихся целыми погребения); стоянка бронзового века турбинского времени, находящаяся в северном конце того же поселка, где открыт Самусьский могильник (стоянка изучена лишь частично)².

При исследовании этих памятников найдены интересные образцы древнего искусства. Приводим их краткое описание.

Фигурка медведя из песчаника, обнаруженная в Самусьском могильнике, выполнена в круглой скульптуре. Наиболее реально передана морда зверя. Намечены губы, ноздри, крутой изгиб лба. Глаза нанесены точками, сделанными каким-то острым, может быть, каменным предметом. Рельефы исполнены уши. Передние и задние лапы только намечены в виде валиков, разделенных на брюхе поперечным углублением. На конце морды имеется желобок, опоясывающий ее поперек. Длина фигурки — 8 см (рис. 47—4).

Вторая фигурка медведя найдена в одном из погребений могильника в мусульманском кладбище г. Томска; она сделана из грязно-желтого песчаникового сланца. Хорошо передана голова; морда, может быть, несколько длиннее для медведя. Уши намечены условными выступами. Так же выполнены ноги. Судя по всему облику фигуры, медведь представлен в беге. Это впечатление складывается особенно из-за положения задних ног, изображенных далеко откинутыми назад. Длина — 10,8 см (рис. 47—3). В том же погребении найдено изображение рыбки, сделанное из обожженной глины.

¹ А. П. Дульзон. Археологические памятники Томской области. Труды Томского областного краеведческого музея, т. IV, 1956, стр. 113, 114.

² В. И. Матющенко. К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи. СА 1959, № 4.

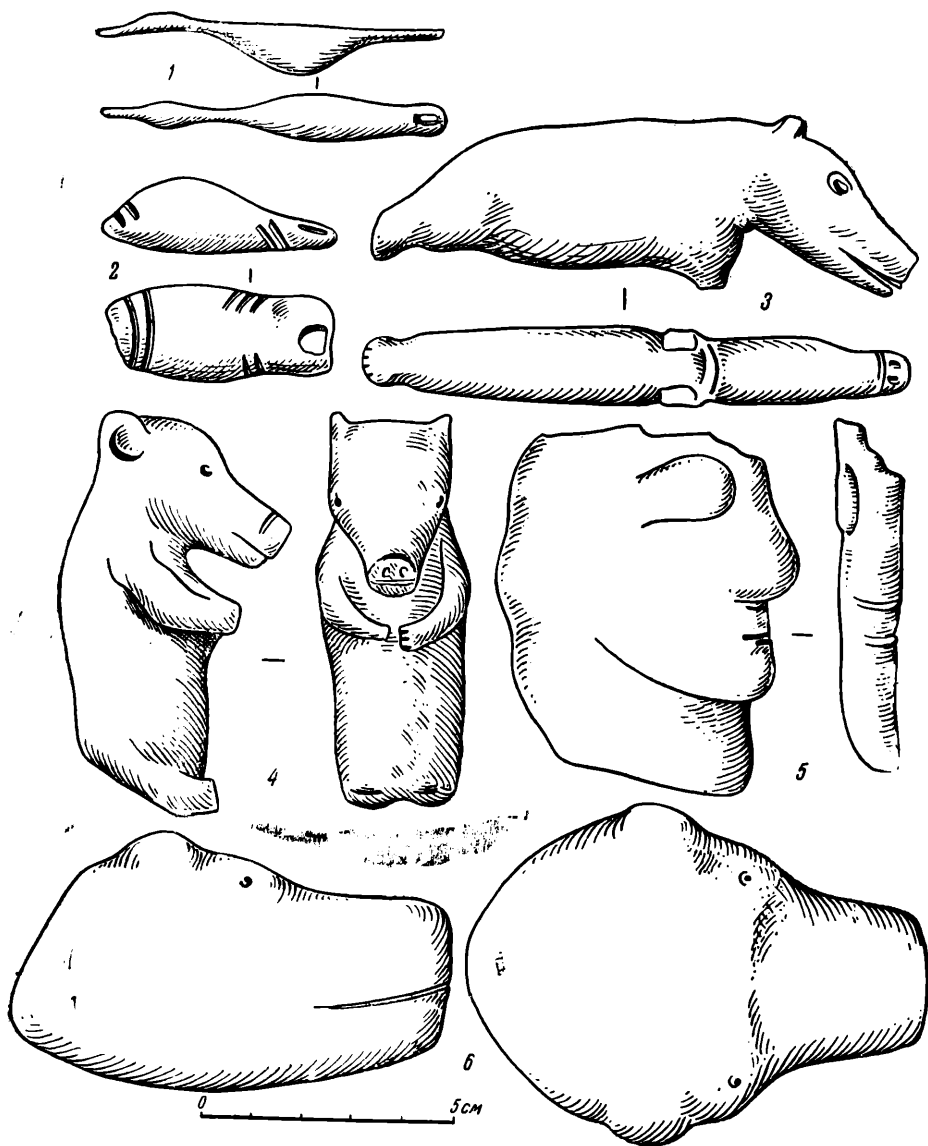

Рис. 47. Каменные фигурки с р. Томи

2 — изображения птиц (Яйский могильник); 3, 4 — фигурки медведя (3 — Томский могильник; 4 — Самусьский могильник); 5 — изображение лица человека; 6 — голова медведя (Самусьская стоянка).

и, причем одна сторона плоская, а другая — выпуклая. По форме фигурка поминает малька. У головы имеются поперечные желобки, вероятно, для одвешивания. Длина — 6,1 см.

В Яйском могильнике в одном из погребений встречены 2 костяные игрушки, изображающие птиц. Они были в ожерелье, составленном из зубов диких животных и пластинок, сделанных из кости и камня. Ожерелье асполагалось на поясе умершего. Первая фигурка, выполненная в круглой скульптуре, изображает водоплавающую летящую птицу, всю вытянутую вперед. Создается яркое впечатление стремительности полета, хотя крыльев у фигурки нет. Длина — 7,1 см (рис. 47—1). Другая фигурка

сделана менее искусно. Формы ее очень выпуклы, крыльев нет, как и первой. Детали исполнены грубо. Длина — 4,9 см (рис. 47—2).

Подобные изображения медведей и птиц в памятниках неолита Сибири не являются чем-то исключительным. Такие находки нередки; в частности они довольно часты на р. Енисее (Афонтова Гора, Базайха)³.

На стоянке турбинского времени в поселке Самусь найдены 2 фигурки — каменное изображение головы медведя и лица человека. Голова медведя сделана из мелкозернистого песчаника точечной техникой. Морда жевотного вытянута, глаза выпуклые, лоб плоский. Сзади — плоский скелет. Пасть намечена продольной царапиной. Длина — 9,4 (рис. 47—6). Лицо человека, видимо, было выполнено в круглой скульптуре из галечника. Найдена отколовшаяся (вдоль) часть лица, без лба; по ней можно восстановить черты изображенного человека. Это был европеоидный тип — прямой нос, широкие глаза, резко очерченный и выступающий вперед подбородок. Размеры — 7 × 6,1 см (рис. 47—5).

На стенках некоторых сосудов встречаются изображения стилизованных фигурок людей. Руки и ноги показаны ломаными резными линиями на месте головы — две или три коротких вертикальных линии; туловище изображено двумя линиями, соединенными короткими поперечными черточками.

Все эти произведения изобразительного искусства свидетельствуют о богатом духовном мире древнего населения на р. Томи.

³ А. П. Окладников. Неолитические погребения на Афонтовой Горе. КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 10, рис. 1—3; его же. Из истории этнических культурных связей неолитических племен Среднего Енисея. СА, 1957, № 1, стр. 13—9, 10.

В. И. МАТЮШЕНКО

К ВОПРОСУ О БРОНЗОВОМ ЛИТЬЕ В НИЗОВЬЯХ
РЕКИ ТОМИ

В последние годы экспедицией Музея истории материальной культуры при Томском государственном университете имени В. В. Куйбышева исследуется поселение эпохи бронзы, расположенное в поселке Самусь (40 км от Томска вниз по р. Томи). На основании имеющихся материалов¹ это поселение можно датировать второй половиной II тысячелетия до н. э. Среди находок здесь наиболее интересны каменные и глиняные формочки для литья бронзовых орудий труда и оружия. Настоящее сообщение имеет целью дать описание литейных форм и проследить связь их с керамикой поселения.

На площади поселения обнаружены обломки от 25 отдельных экземпляров различных литейных форм.

Формы для литья кельтов. Изготовлены из мелкозернистого песчаника или глины, очень тщательно отделаны; некоторые из них имеют поперечные желобки для связывания отдельных половинок. У большинства форм на одной из торцовых сторон имеются черточки для правильного совмещения половинок формы и заметны явные следы действия огня. Кельты, отливавшиеся в этих формах, — трапецевидные, расширяющиеся низу, шестигранные в сечении. Украшены преимущественно пояском из 3 горизонтальных валиков, от которых вниз до лезвия спускаются один или два подобных же валика. Эти прямые — горизонтальные и вертикальные — линии, встречающиеся на всех формах (и глиняных, и каменных), прорисованы каким-то твердым орудием (рис. 48—1). В композиции орнамента два случая составляют исключение. Такова форма для отливки кельта обычного типа, но с ребристыми ушками на узких гранях. Сверху — поясок из двойных горизонтальных линий и расположенной между ними двойной зигзагообразной линии; от этого пояса спускаются к лезвию заштрихованные ромбы (рис. 48—2, 4). Другая форма, глиняная, — тоже для кельта обычного типа и размеров, но с пояском из 3 горизонтальных линий, пересеченных несколькими вертикальными (рис. 48—3).

Формы для литья наконечников копий. Сделаны только из песчаника. Копья, отливавшиеся в них, имели широкое длинное перо (25—30 см) и длинную втулку с боковым ушком. Втулка обязательно украшена 3—4 поперечными валиками. На одном из копий было 12 подобных

¹ В. И. Матюшенко. К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи. СА, 1959, № 4.

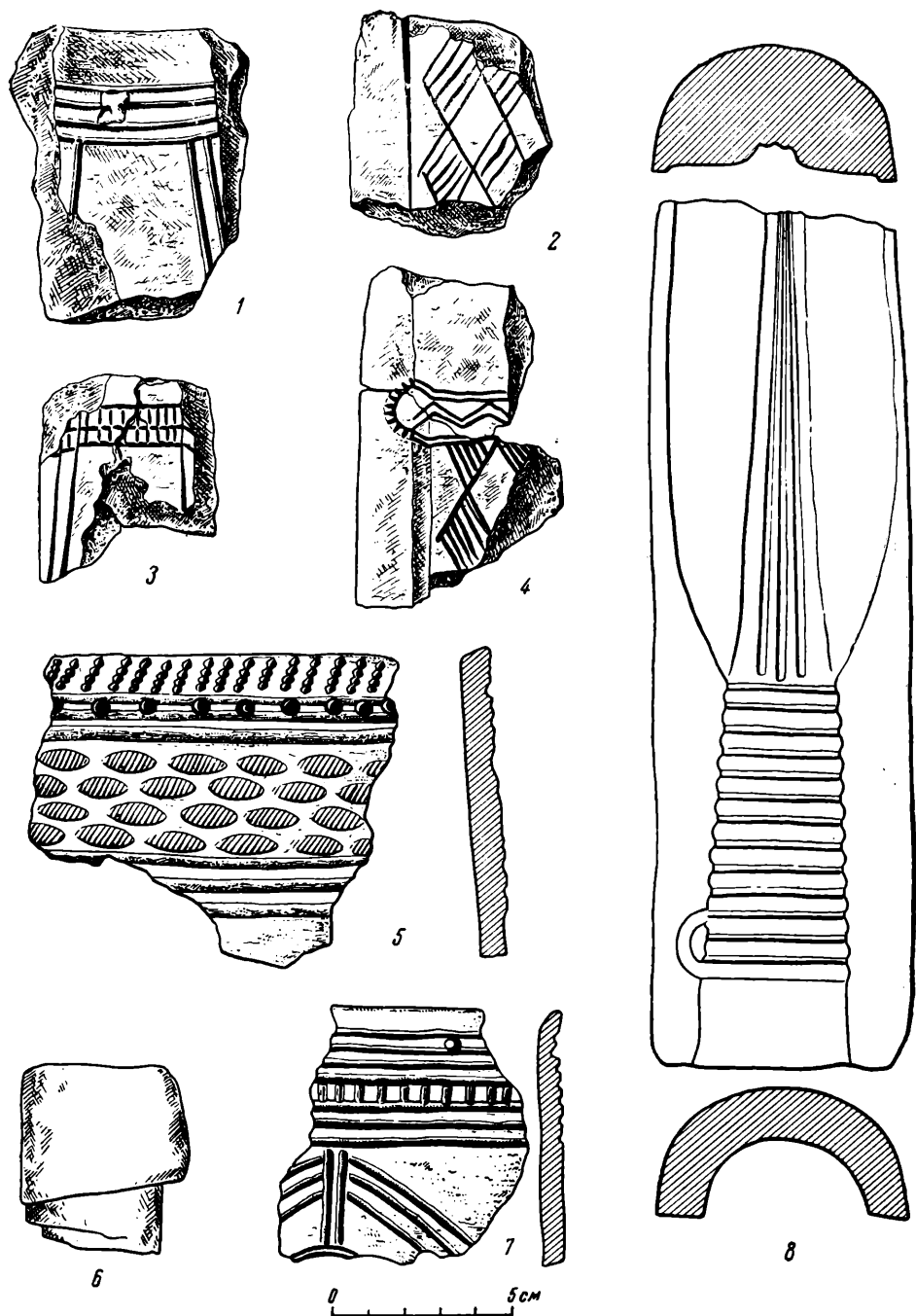

Рис. 48. Литейные формы и керамика с Самусьского поселения

1—4 — формы для отливки кельтов; 5, 7 — фрагменты керамики; 6 — литейная шишка;
8 — форма для отливки копья.

иков, покрывающих всю втулку. Перо копий имеет одно продольное ребро (во всю длину пера) и 2 коротких ребра (на одну треть длины пера; 48—8).

Формы для литья наконечников копий изготовлены так же, как и формы для литья кельтов. Общий их вид поражает аккуратностью отделки, что свидетельствует о большом умении древних мастеров, не забывавших навыки изготовления каменных орудий.

Кроме описанных форм, на поселении обнаружено несколько литейных шишек, применяемых при литье наконечников копий. Наиболее интересен экземпляр, сделанный из крупнозернистого песчаника. Эта шишка имеет в верхней части скос для литья металла; общая толщина ее, видимо, несколько более диаметра втулки копья. Часть шишки, входящая внутрь формы, немного уже верхней половины и образует уступ, на котором она задерживается, опираясь на обрез формы (рис. 48—6).

Интересно, что орнаментация формочек находит близкие аналогии в орнаменте сосудов поселения. Так, например, горизонтальные линии, составляющие пояс,— один из самых распространенных видов орнамента на сосудах (рис. 48—7); вертикальные прямые линии на формочках соответствуют таким же линиям, образующим фигуры на сосудах. Орнаментальный пояс из горизонтальных прямых и зигзагообразных линий на одном кельте (рис. 48—4) представляет тот же вид орнамента, который можно видеть на многих сосудах с этого поселения. Другой элемент орнамента того же кельта— штрихованные ромбы — тоже очень часто встречается на сосудах в виде отпечатков ромбической гребенки (рис. 48—5). Такая тесная связь орнаментации на разных видах изделий подтверждает синхронность описанных литейных форм и керамики поселения.

Аналогии литейным формам с Самусьского поселения следует искать в западном Приуралье, в сейминско-турбинских памятниках. Есть отдельные находки формочек кельтов на территории Западной Сибири²; они подобны найденным на поселении. В памятниках Южной Сибири и Северного Казахстана нет таких находок; в этих районах не встречается и подобная керамика. Скорее всего, описываемое поселение является одним из памятников этой культуры, где уровень развития бронзового литья был очень высок, чем свидетельствует большое количество литейных форм на одном поселении. Эта культура не испытывала сильного влияния культуры южносибирских племен, как считалось до последнего времени. То была самостоятельная культура с высокоразвитым бронзолитейным производством, очень слабо связанная с южными областями и тяготевавшая к западу.

Сейчас мы не можем еще сказать, каким образом жители берегов Томи получали бронзу,— в виде руды, которую они вывозили с юга, или в виде готовых слитков. Решение этого вопроса чрезвычайно важно, так как оно позволит правильно подойти к проблеме взаимоотношений племен лесной и степной полосы Западной Сибири.

² В. И. Мошинская. Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири. МИА, № 58, 1957, стр. 133, рис. 5.

IV. ХРОНИКА

О РАБОТЕ СЕКТОРОВ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
АН СССР В 1958 ГОДУ
(Сектор неолита и бронзы)

В 1958 г. сектор неолита и бронзы ИИМК (заведующий сектором С. В. Киселев) сосредоточил свое внимание на разработке больших не начатых еще в 1957 г. Это, во-первых, составление Корпуса археологических источников, создаваемого на основе тщательного учета всех известных материалов, и, во-вторых, — монографий по проблеме «Развитие первобытно-общинного строя и сложение этнических общностей на территории СССР».

Для Корпуса археологических источников разрабатывались следующие темы: «Каменные сверленные боевые топоры» (А. Я. Брюсов), «Памятники культуры линейно-ленточной керамики в Восточной Европе» (Т. С. Пассек и Е. К. Черныш), «Фатьяновская культура» (Д. А. Крайнов), «Неолит Казахстана» (А. А. Формозов с участием С. С. Черникова), «Раковинные кучи Дальнего Востока» (Г. И. Андреев), «Клады и мастерские бронзового века Украины» (О. А. Гракова), «Наскальные изображения Урала» (В. Н. Чернецов с участием О. Н. Бадера), «Клады и случайные находки эпохи бронзы с территории Средней Азии» (Е. Е. Кузьмина), «Археологические памятники субарктической полосы Западной Сибири» (В. И. Мошинская), «Металлургия Южной Сибири эпохи энеолита и бронзы» (Ю. С. Гришин), «Памятники эпохи энеолита и бронзы центрально-черноземной полосы РСФСР» (Б. Г. Тихонов).

В 1958 г. по темам Корпуса производился сбор материала, обсуждались спорные вопросы и методического характера, и относящиеся к интерпретации археологических источников. В этой связи были сделаны доклады Т. С. Пассек, О. А. Граковой, В. И. Мошинской, А. А. Формозовым, Д. А. Крайновым, Ю. С. Гришиным, Б. Г. Тихоновым.

По проблеме «Развитие первобытно-общинного строя и сложение этнических общностей на территории СССР» разрабатывались следующие темы: «История населения Прикамья в эпоху камня и бронзы» (О. Н. Бадер), «Бронзовый век Башкирии» (А. В. Збруева), «Среднее Поволжье в эпоху бронзы» (Н. Я. Мерперт), «Энеолит Северо-Восточного Кавказа» (Р. М. Мунчаев), «Тимоновская стоянка» (Д. А. Крайнов), «Локальные варианты северокавказской культуры эпохи бронзы» (В. И. Марковин), «Археологические памятники II—I тысячелетий до н. э. по берегам залива Петра Великого» (Г. И. Андреев), «Памятник андроновского типа в Средней Азии» (Е. Е. Кузьмина).

В 1958 г. сектор неолита и бронзы понес тяжелую потерю: 23 октября

ончалась научный сотрудник и ученый секретарь сектора И. А. Талица — человек исключительного трудолюбия и энергии.

Сектор неолита и бронзы, насчитывавший к концу 1958 г. всего 19 человек¹, разумеется, не мог вести работы по тематике, которая охватила бы ю обширную территорию страны. Поэтому были выбраны археологически наиболее актуальные темы по особенно важным областям — Прикамью, Поволжью, Дальнему Востоку, степной части Средней Азии, Южному Уралу, Северному Кавказу. Многие из этих областей недавно еще были белыми пятнами на археологической карте СССР.

В результате работ над монографическими темами и темами Корпуса сотрудники сектора в 1958 г. опубликовали значительное число трудов и сделали серию докладов, обсужденных на заседаниях сектора. В деятельности сектора принимали участие также сотрудники смежных секторов ИИМК, научные работники других институтов АН СССР, организаций и музеев, в том числе из-за рубежа. На заседания сектора выносились доклады теоретического характера, сообщения об экспедиционных работах летнего сезона, научных командировках по Советскому Союзу и за границу.

Коротко остановимся на некоторых докладах.

Н. Я. Мерперт сделал доклад «О раскопках абашевских курганов в Чувашии в 1957 г.» (1 февраля 1958 г.). Известно, что с абашевской культурой связан ряд сложных проблем (территория, основные компоненты культуры, связи с синхронными культурами). В результате раскопок в Абашеве, Большом Янгильдине и Пикшиках выяснено, что круглые курганы насыпались над одиночными могилами, овальные — над серией могил, т. е. над первоначально бескурганым кладбищем. Погребенные лежали большей частью с подогнутыми ногами, ориентировка преимущественно восточная. Основной инвентарь составляют сферические, колоколовидные и строререберные сосуды. Датируются памятники серединой II тысячелетия до н. э. Н. Я. Мерперт считает, что Чувашия является одной из основных областей абашевской культуры. Докладчик подчеркнул ее сходство с фатьяновской культурой и заметил, что, вопреки мнению П. Н. Третьякова и С. В. Сальникова, говорить о связях со среднеднепровской культурой пока еще рано.

Выступавший по докладу О. Н. Бадер заявил, что вряд ли можно предполагать существование генетических связей с фатьяновской культурой и что не Чувашия является центром культуры, а Марийская АССР. А. Я. Брюсов указал, что только решение вопросов о взаимосвязях культур, уточнение их датировок, позволит разрешить и другие вопросы, в том числе вопрос о генетических связях.

Было решено обсудить вопрос об абашевской культуре на секции энеолита и бронзы пленума ИИМК, что и выполнено в апреле 1958 г.

В другом докладе, сделанном Н. Я. Мерпертом на тему «Древнейшее земледелие в Поволжье» (14 ноября 1958 г.), был развернут тезис Э. А. Кривцовой-Граковой о раннем земледелии в Поволжье. Н. Я. Мерперт указал на признаки земледелия еще на «полтавкинской» ступени Поволжья, возможно, под влиянием земледельческих областей Средней Азии и Закавказья. Вопросы, поднятые Н. Я. Мерпертом, поставили под сомнение существование ксеротермического периода в Поволжье. Выступивший затем А. Я. Брюсов опровергал это мнение докладчика. С. В. Киселев отметил, что для решения вопроса о земледелии необходимо изучение не только ручного земледелия, но и тяглового. В заключение Н. Я. Мерперт еще раз остановился на своей точке зрения о ксеротермическом периоде и указал на перспективность дальнейших работ по данной теме. В связи

¹ В 1957—1958 гг. сектор неолита и бронзы пополнился молодыми сотрудниками — Г. И. Андреевым, И. И. Артеменко, Ю. С. Гришиным, Е. Е. Кузьминой, В. И. Марковым (ученый секретарь сектора), Е. К. Черныш.

с этим докладом было решено организовать обсуждение вопросов ямной культуры на секции энеолита и бронзы пленума ИИМК в апреле 1959 г.

Тем же докладчиком было сообщено «О результатах работ Сталинградской экспедиции в 1957 г. (17 мая 1958 г.).

Очень важные доклады по материалам, обрабатываемым для Корпуса были прочитаны Т. С. Пассек и Д. А. Крайновым.

В докладе «Культура линейно-ленточной керамики на территории СССР» (27 декабря 1958 г.) Т. С. Пассек осветила историю изучения этой культуры не только в СССР, но и в смежных странах (Румынии, Польше Чехословакии и др.). Древние фазы культуры уходят в V—IV тысячелетия до н. э. Особый раздел будет выделен для материалов с поселений Флорешты (Молдавия) и Незвиско (Украина).

Д. А. Крайнов в докладе «Фатьяновская культура» (29 ноября 1958 г.) подверг сомнению тезис о генезисе фатьяновской культуры из среднеднепровской, считая неверным деление ее всего на три группы — московскую, ярославскую и чувашскую. Возможно, что число хронологических и локальных групп будет увеличено. Так, ярославскую группу надо разделить на ряд вариантов (центральный, северо-западный, северный и восточный); в чувашской группе тоже намечаются две зоны; выделяется особая западная фатьяновская область (территория Калужской и Могилевской областей). Д. А. Крайнов склонен датировать эту культуру второй половиной и концом II тысячелетия до н. э. В I тысячелетии до н. э. она поглощается «городищенскими» культурами (дыяковской, городецкой, ананьинской и др.). Доклады Т. С. Пассек и Д. А. Крайнова вызвали много вопросов и выступлений. Было решено организовать на секции энеолита и бронзы пленума ИИМК в апреле 1959 г. обсуждение вопроса о Балановских памятниках Поволжья.

В порядке подготовки материала для Корпуса интересный доклад был сделан В. Н. Чернецовым на тему «Наскальные изображения Урала» (1 марта 1958 г.). Докладчик останавливался в основном на изображениях, сделанных охрой, которые были найдены по р. Тагилу. Наиболее поздняя и твердая дата их — конец II тысячелетия и начало I тысячелетия до н. э. Писаницы оставлены предками обских угров и близки мансийской и хантыйской орнаментации. Рисунки наносились на скалы в связи с периодическими обрядами как пожелания для увеличения количества промысловых животных, чтобы способствовать удаче на охоте. Отражены в них и тотемные обряды. В ответах на вопросы В. Н. Чернецов заметил, что раскопки культурных слоев, связанных с писаницами, помогут их хронологическому членению. По докладу выступили А. Я. Брюсов, Е. И. Крупнов, С. В. Киселев. Последний обратил внимание на сходство уральских писаниц с сибирскими и напомнил, что крашенные писаницы Сибири — более поздние, высеченные — более древние.

К этому докладу примыкает по тематике сообщение Ю. С. Гришина «О некоторых антропоморфных изображениях южной части Красноярского края» (8 февраля 1958 г.). Докладчик считает, что, вопреки мнению М. П. Грязнова, в тагарское время продолжали создаваться и почитались антропоморфные изображения. Некоторые из них можно связывать с андроновско-карасукскими и видеть их отражение в более поздних таштыкских и тюркских каменных бабах. Антропоморфные изображения изучаемого времени докладчик рассматривал как духов предков — покровителей семей. В. И. Мошинская в прениях заметила, что данный доклад является первой попыткой выделить и осветить тагарские антропоморфные изображения.

С докладом «Об арктических и бореальных элементах усть-полуйской культуры» выступила В. И. Мошинская (7 июня 1958 г.). В усть-полуйской культуре выявлены северный, местный компонент и пришлый — из лесостепных и степных районов Западной Сибири. Южный компонент

культуры был определен как угорский, обусловивший формирование хан- , а местный, северный — оставался неопределенным. Аналогии целым категориям вещей находятся в области Северной Евразии, у эскимосов и даже у индейцев лесной зоны восточной части Северной Америки. Доклад вызвал очень живое обсуждение, в котором участвовали Я. Брюсов, С. В. Киселев, О. Н. Бадер и В. Н. Чернецов. Сектор принял решение всемерно способствовать дальнейшим работам по изучению вера СССР.

А. В. Эбруева прочитала доклад «Стоянки Ахметово I и II» (22 ноября 1958 г.), посвященный памятникам Башкирии. Раскопки этих стоянок создают предпосылки для выделения местной культуры, связанной с ананьинской.

С сообщением о работах Камской экспедиции выступил О. Н. Бадер (2 февраля 1958 г.). Он рассказал о попытках исследования Турбинского гильника, а также познакомил слушателей с недавно открытой стоянкой ананьинской культуры у с. Ерзовка и с мезолитической Заозерской стоянкой.

А. А. Формозов на основе материала, собранного для Корпуса, сделал доклад «Микролитические памятники Азиатской части СССР» (1 ноября 1958 г.). Ареал распространения микролитических стоянок связан со степной и пустынной зонами. Автор считает, что здесь, в неолите, сохранился мезолитический тип хозяйства — бродячая охота и собирательство. Однако приходится говорить об этническом единстве, так как керамика стоянок Приаралья, Туркмении, Забайкалья различна; имеются различия и в типах орудий. Среднеазиатские культуры влияли на сибирские, будучи связаны с культурами степей. В прениях по докладу выступили С. В. Киселев, В. Н. Чернецов, А. Я. Брюсов, А. В. Эбруева, Д. А. Крайнов. В. Н. Чернецов указал докладчику на необходимость более тщательно дифференцировать материал, так как некоторые типы орудий известны от г. Свердловска и до г. Омска. С. В. Киселев, А. Я. Брюсов и Д. А. Крайнов отметили отсутствие четкой хронологии. Спорными кажутся и положения о характере хозяйства древних племен — микролитизация орудий могла развиваться также при земледелии и скотоводстве.

Е. Е. Кузьмина сделала интересный доклад на тему «Культура степного пояса в Средней Азии в эпоху бронзы» (22 ноября 1958 г.). Разнообразные памятники образуют две группы: аму-дарьинскую с бескурганными могилами (костики лежат скорченно, головой на запад) и сыр-дарьинскую с каменными ящиками (скорченные скелеты, ориентировка на запад-восток). В обеих группах много общих черт; они относятся к единой андроновской культурной области, хотя первая больше связывается с западно-казахстанской андроновской и срубной культурами, а вторая — с центрально-казахстанской андроновской. Термин «тазабагъябская культура» более правильно было бы употреблять в применении к аму-дарьинской группе. С высокой оценкой доклада выступили А. И. Тереножкин, Л. А. Гракова, К. Ф. Смирнов, Т. С. Пассек, В. Н. Чернецов и Н. Я. Мерперт.

По кавказской тематике было сделано два больших доклада. Р. М. Мунеев выступил с докладом «Проблема взаимоотношений древнейших культур Закавказья и Северного Кавказа» (31 мая 1958 г.). Исследование неолитических памятников на Северо-Восточном Кавказе показывает, что памятники Дагестана обнаруживают тяготение всецело к культуре Закавказья, то памятники Ингушетии (Луговое поселение) дают картину связей не только с культурами куро-араксинского энеолита, но и с майкопской. Второй доклад был прочитан В. И. Марковиным на тему «Локальные варианты северокавказской культуры эпохи бронзы» (19 апреля 1958 г.). В нем выделено три варианта: прикубанский, центральный (с двумя

группами — кабардино-пятигорской и дигорской) и восточный. Культу в целом укладывается во II тысячелетие до н. э. и разбивается на три последовательных этапа.

По обоим докладам развернулись оживленные диспуты о связях древних культур и их хронологических рамках.

Д. А. Крайнов сообщил (15 февраля 1958 г.) о раскопках Бахчисарайской мустьерской стоянки в 1957 г. Стоянка, находящаяся у с. Старосел (б. Салачик), содержит две прослойки — среднего и позднего мусты с костями слона, сайги, диких быка, осла, лошади. Однако А. А. Формозов заметил, что слои могут быть смешанными, так как они, вероятно, сползли из вышерасположенной пещеры. Д. А. Крайнов с этим не согласился.

На заседаниях сектора были заслушаны доклады теоретического характера. Два из них сделал А. Я. Брюсов. Первый доклад — «К вопросу (индоевропейской проблеме)» (18 января 1958 г.) — был посвящен наиболее спорному вопросу — о времени сложения и распада индоевропейской общности. По А. Я. Брюсову, такая общность могла сложиться только в эпоху ледникового оледенения, а ее распад начался в эпоху мезолита в связи с расселением племен Европы к северу. С мнением докладчика все выступавшие (П. Н. Третьяков, Т. С. Пассек, В. Н. Чернецов, Н. Я. Мерперт) согласились, однако указали на необходимость конкретизации положений доклада археологическим и лингвистическим материалом. По второму докладу — «Значение изучения древней природной среды в археологии» (8 марта 1958 г.) — сектором было принято решение, требующее от полных исследователей добиваться возможно полного выяснения древней природной среды, собирая с этой целью материалы для палеоботанических, климатологических анализов.

Интересным был доклад Г. С. Кнабе (Академия педагогических наук) «Вопрос о соотношении археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе» (4 мая 1958 г.), в котором автор подробно остановился на всех точках зрения по данной проблеме. В заключение автор отметил, что только комплексные археолого-лингвистические исследования дадут наиболее эффективное средство проникновения в дописьменные периоды истории. Доклад Г. С. Кнабе вызвал много вопросов и оживленные прения.

Большую работу сектор неолита и бронзы проводил с аспирантами. Основные положения их диссертаций принято выносить в виде докладов на заседания сектора. Так, в 1958 г. были заслушаны доклады И. И. Артеменко (руководитель А. Я. Брюсов) «Памятники бронзового века Верхнего Поднепровья» (18 октября 1958 г.), Ж. В. Андреевой (руководитель С. В. Киселев) «Археологические исследования в Ольгинском и Лазовском районах Приморского края» (29 ноября 1958 г.) и Н. Л. Членовой (руководитель С. В. Киселев) «Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине» (15 марта 1958 г.).

И. И. Артеменко в указанном докладе сообщил о работе над памятниками днепро-деснинской культуры, в которой он (по В. Н. Даниленко) выделял два этапа. Ранние памятники характеризуются круглодонной керамикой, каменные боевые топоры, клиновидные топоры из кремня и пр. (первая половина II тысячелетия до н. э.). На втором этапе появляются тьюльпановидные и плоскодонные сосуды (вторая половина II тысячелетия до н. э.). Культура носит черты сходства с комаровской и тшинцевской культурами.

Интересным был доклад Н. Л. Членовой, которая тщательно разобрала памятники переходного карасук-тагарского времени. Такие памятники разбиваются на пять временных групп — от XIII—X вв. до н. э. и до первой половины VII в. до н. э. Особенно важен могильник у с. Луговского и ему подобные. Анализ их показал, что основную роль в формировании тагарской культуры сыграли остатки адоновских племен и потомки неолитиче

го населения лесных районов. Генетическая связь с карасукской культурой не устанавливается.

Докладчикам-аспирантам были сделаны замечания и даны необходимые советы.

В 1958 г. на заседаниях сектора неоднократно выступали сотрудники этих секторов ИИМК и работники различных институтов и организаций.

И. М. Герасимов (Институт этнографии АН СССР) сообщил «О раскопках многослойного поселения Усть-Белая на притоке р. Ангары» (11 января 1958 г.). Материал М. М. Герасимова позволяет поставить вопрос о периодизации каменного века Сибири несколько иначе, чем это делалось до сих пор с использованием материала погребений (А. П. Окладников). Интересно также положение докладчика о заселении Восточной Сибири со времени мустье. Выступившие В. Н. Чернецов, Т. С. Пассек, Д. А. Крайнов подчеркивали важность работы М. М. Герасимова для периодизации сибирских древностей.

Н. В. Трубникова (ГИМ) рассказала о работе 2-го отряда Чувашской экспедиции в 1956—1957 гг. по изучению памятников эпохи бронзы и раннего железа (25 января 1958 г.) Материал ее раскопок у с. Якмурзино, Криши и др. близок абашевскому и, по мнению докладчика, указывает на самостоятельность существования особой приказанской культуры (по А. Х. Хакову). С мнением Н. В. Трубниковой по этому вопросу вполне согласился Я. Мерперт.

В. И. Матющенко (Томск) сделал сообщение о памятниках андроновского типа в низовьях р. Томи (17 марта 1958 г.). Материал раскопок поселения у с. Самусь, содержащий большое число литейных форм сейминского типа, докладчик относит к андроновской культуре. Однако выступившие в этих Г. Ф. Дебец, С. В. Киселев, В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская др. не согласились с мнением докладчика о принадлежности поселения андроновской культуре и указали на близость его к памятникам лесной лосы Западной Сибири. Возможно, в дальнейшем здесь будет выделена новая, своеобразная культура, особенностью которой будет большое количество вещей сейминского типа.

Б. А. Литвинский (Сталинабад) сделал доклад о памятниках эпохи бронзы и раннего железа в Кайрах-Кумах (25 января 1958 г.). Сообщено о раскопках в Ферганской долине, обнаруживавших андроновские и сакские памятники.

С. В. Зотова (лаборатория ИИМК) сообщила «Об элементах орнамента андроновской керамики и их распространении» (26 апреля 1958 г.). Работа С. В. Зотовой идет в направлении выделения локальных вариантов андроновской культуры.

М. Д. Гвоздовер (Антропологический музей МГУ) прочитала доклад «Место Авдеевской стоянки среди памятников верхнего палеолита» (10 мая 1958 г.). Интерпретация материала стоянки позволила автору выделить группу близких памятников верхнего палеолита (Авдеево, Костенки I, Гагарино, Бердыж, Пржедмост, Виллендорф и др.), наиболее поздними из которых является Гагарино, Дольни-Вестоницы, Павлов и, возможно, верхний горизонт Костенок IV.

А. П. Черныш (Львов) сделал сообщение об исследованиях нижних слоев стоянки Молодова V и Молодова I в 1958 г. (15 ноября 1958 г.), которые относятся ко времени «верхнего леваллуа» и дают большие возможности для понимания облика культуры «мустьерско-леваллуазского времени» Русской равнины.

Р. С. Василевский (Магадан) рассказал об итогах археологической изведки по Охотскому побережью летом 1958 г. (15 ноября 1958 г.), во время которой был добыт материал, близкий камчатскому.

С большим интересом был заслушан доклад С. С. Черников (ЛОИИМК) «Восточный Казахстан в эпоху бронзы» (20 декабря 1958 г.). С. С. Черников детально разобрал археологический материал, что позволило ему выделить в андроновских памятниках 4 этапа: усть-буконьский XVIII—XVI вв. до н. э., канайский — XVI—XIII вв., мало-красноярский — XII—IX вв., трушниковский — IX—VIII вв. до н. э. Автор считает, что андроновская культура связана происхождением не с афанасьевской культурой, а с местным неолитом. С оценкой работы и замечаниями выступил А. Я. Брюсов, С. В. Киселев, О. А. Гракова, А. А. Формозов, Ю. С. Гршин.

4 ноября 1958 г. перед сотрудниками сектора выступил Иржи Гра (Чехословакия) с докладом на тему «К проблеме младшей и поздней бронзы в Чехии и Моравии». В докладе освещены вопросы о происхождении лужицкой культуры и сложении кновисской культуры, а также о местной подольской культуры в эпоху поздней бронзы в Южной Моравии. Доклад был выслушан с большим вниманием.

В 1958 г., как и в предшествующие годы, сотрудники сектора принимали активное участие в экспедиционной работе². Многие из них совершили научные поездки за границу. Так, для работы над памятниками энеолита и бронзы Болгарии в Болгарскую Народную Республику ездили Т. С. Пасек, Н. Я. Мерперт. Польскую Народную Республику посетил А. А. Формозов и И. И. Артеменко, собиравшие там материал по неолиту и бронзе. В работе V Международной конференции по доисторическим и раннеисторическим знаниям в г. Гамбурге от ИИМК участвовал А. Я. Брюсов. Там им были прочитаны два доклада — по вопросу палеоэтнографии неолита Европейской части СССР и на тему «Проблема питьевого водоснабжения в неолите». Отчеты о поездках и командировках заслушивались на особых заседаниях сектора.

В итоге экспедиционной работы, изучения материалов в музеях, зарубежных командировок и, главное, благодаря живому обмену мнениями на заседаниях сектора, а также смежных и родственных учреждений (Московского государственного университета, ГИМа, институтов АН СССР) сотрудники сектора неолита и бронзы провели большую научно-исследовательскую работу, выяснили ряд важнейших вопросов истории древнего населения нашей Родины.

В. И. МАРКОВИЧ

² См. СА, 1959, № 2, стр. 282—291

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР
ВМГ — Вестник музея Грузии
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ИИН АН СССР — Зоологический институт Академии наук СССР
ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР
ИА АН УССР — Институт археологии Академии наук УССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы
ИСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
ИСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МАО — Московское археологическое общество
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
СА — Советская археология
ГУ — Саратовский государственный университет
Э — Советская этнография
СА — Eurasia Septentrionalis Antiqua
-

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Н. Я. Мерперт и К. Ф. Смирнов. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС. (К итогам работ экспедиции 1951—1957 гг).	1
С. А. Семенов. Следы работы на орудиях и доказательства работы неандертальцев правой рукой (По материалам со Сталинградской стоянки)	1
В. И. Марковин и Р. М. Мунчаев. О двух типах каменных орудий Северного Кавказа	1

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

П. И. Борисковский. Новые раскопки палеолитической стоянки Валукинского (Костенки XIX)	3
А. А. Величко и Р. В. Федорова. Об условиях залегания палеолитической стоянки Валукинского (Костенки XIX)	3
А. Д. Столяр. Мезолитические комплексы Алимовского навеса в Крыму. (Предварительное сообщение)	3
В. П. Любин. Мезолитическая стоянка Явора	4
В. И. Марковин. Археологические работы в Аргунском ущелье в 1958 году	4
Р. М. Мунчаев. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии. (Из результатов работ Северокавказской экспедиции 1958 года)	5
И. И. Артеменко. Из археологических работ в Верхнем Поднепровье в 1958 году	6
Т. С. Пассек. Раскопки на поселении у села Флорешты в 1958 году	6
Д. А. Крайнов. Новые памятники фатьяновской культуры	8
И. В. Синицын. Ровненский курганный могильник	9
В. А. Кузнецов и О. В. Милорадович. Археологические исследования в Северной Осетии	13
А. И. Мелюкова. Работы в Поднепровье в 1958 году	11
А. П. Смирнов. Чувашская археологическая экспедиция	12

III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ

В. И. Матюшенко. Новые находки из низовьев реки Томи	13
В. И. Матюшенко. К вопросу о бронзовом литье в низовьях реки Томи	13

IV. ХРОНИКА

О работе секторов Института археологии АН СССР в 1958 году. Сектор неолита и бронзы (В. И. Марковин)	136
Список сокращений	142

Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Выпуск 84

Утверждено к печати Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства М. Г. Воробьева. Технический редактор Г. А. Астафьева

РИСО АН СССР № 104—87В. Сдано в набор 1/V 1961 г. Подписано к печати 13/X 1961 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Печ. л. 9. Усл. печ. л. 12,33. Уч.-изд. л. 11,6. Тираж 1400 экз. Т-09190

Изд. № 5491. Тип. зак. № 2148.

Цена 70 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства. Москва, Г-99, Шубинский пер., 10